

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 3 (11) 2015

Главный редактор:

Андреев А.А., канд. юрид. наук

Заместитель главного редактора:

Анохин Ю.В., д-р юрид. наук, доцент

Ответственный за выпуск:

Казаков А.А., канд. ист. наук, доцент

Состав редакционного совета:

Абызов Р.М., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Анисимов П.В., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Афанасьев В.С., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Арыстанбеков М.А., д-р юрид. наук, доцент
Герасименко Ю.В., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Гончаров И.В., д-р юрид. наук, профессор

Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, профессор

Кениспаев Ж.К., д-р филос. наук, доцент

Корякин И.П., д-р юрид. наук

Мазунин Я.М., д-р юрид. наук, профессор

Сумачев А.В., д-р юрид. наук, доцент

Федулов Б.А., д-р пед. наук, профессор

Шарапов Р.Д., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционной коллегии:

Суверов Е.В., д-р ист. наук, доцент

Богуцкий А.В., канд. ист. наук, доцент

Шатилов С.П., канд. юрид. наук, доцент

Анохина С.Ю., канд. юрид. наук, доцент

Мягков А.В., канд. юрид. наук, доцент

Титаренко А.П., канд. юрид. наук, доцент

Ермакова О.В., канд. юрид. наук

Ким Д.В., д-р юрид. наук, профессор

Бойко Ю.Л., канд. юрид. наук, доцент

Яценко С.В., канд. юрид. наук

Бублик И.Г., канд. юрид. наук, доцент

Чесноков А.А., канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю.С.

Корректурa, компьютерная верстка:

Ю.С. Жолобовой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство
о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Включен в систему РИНЦ
23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Подписной индекс
распространителя
по договору подписки
с ОАО «Роспечать» 70801

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД
России.
Свободная цена.

Адрес редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский
край, г. Барнаул, Барнаульский
юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://www.vestnik.buimvd.ru).
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 29.07.2015.
Выход в свет 10.08.2015.
Заказ № . Формат 60x84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 18,25. Тираж 113 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2015

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

№ 3 (11) 2015

Editor-in-Chief:

Andreev A.A., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

Deputy Editors-in-Chief:

Anokhin Yu.V., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences),
assistant-professor

Responsible for Issue:

Kazakov A.A., (Candidate of Historical Sciences),
assistant-professor

Editorial Advisory Board:

Abyzov R.M., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences),
professor, Honored lawyer of Russia
Anisimov P.V., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences),
professor, Honored lawyer of Russia
Afanasiev V.S., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences),
professor, Honored lawyer of Russia
Arystanbekov M.A., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Gerasimenko Yu.V., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences),
professor, Honored lawyer of Russia
Goncharov I.V., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Derishev Yu.V., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Kenispaev Z.K., Ph.D. (Doctor of Philosophical Sciences),
assistant-professor
Koryakin I.P., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences)
Mazunin Ya.M., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Sumachev A.V., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences),
assistant-professor
Fedulov B.A., Ph.D. (Doctor of Pedagogical Sciences),
professor
Sharapov R.D., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), professor

Editorial Review Board:

Suverov E.V., Ph.D. (Doctor of Historical Sciences),
assistant-professor
Bogutskiy A.V., Ph.D. (Candidate of Historical Sciences),
assistant-professor
Shatilov S.P., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor
Anokhina S.Yu., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor
Myagkov A.V., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor
Titarenko A.P., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor
Ermakova O.V., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)
Kim D.V., Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Boiko Yu.L., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor
Yatsenko S.V., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)
Bublik I.G., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor
Chesnokov A.A., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor

Executive Secretary:

Zholobova Yu.S.

Proofreading, desktop publishing:

Zholobova Yu.S.

The journal is registered
in Federal Service
for Supervision in the Sphere
of Telecom, Information
Technologies and Mass
Communications.
Registration certificate
PI No. FS77-57487 dated
27.03.2014.

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Subscription index
in the catalog
of «RosPechat»
Agency Ltd is 70801

Founder: Barnaul Law
Institute of the Ministry
of the Interior of Russia.
Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,
Altai territory,
Barnaul, Barnaul Law
Institute of the Ministry
of the Interior of Russia,
Chkalovastr., 49.
www. <http://vestnik.buimvd.ru>.
E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation
and publishing department.

Passed for printing 29.07.2015.
Issue date 10.08.2015.
Order . Format 60x84/8.
Conventional printed sheets 18,25.
Issue 113 copies.

© Barnaul Law Institute
of the Ministry of the Interior
of Russia, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

<i>Вишнякова Л.А.</i> Личный фонд Е.П. Клевакина как источник по истории пенитенциарной системы Западной Сибири на рубеже XIX-XX вв.	7
<i>Поликарпов И.А.</i> Политико-правовое регулирование миграции из Сибирского края в СССР в 30-40-х гг. XX в. Обзор архивных документов	11
<i>Старцев А.В., Антропов В.М.</i> Соблюдение служебной дисциплины и законности при исполнении служебных обязанностей чинами полиции Томской губернии в конце XIX – начале XX в.: по материалам Бийского округа (уезда)	15
<i>Тарасова Л.Я.</i> Борьба алтайской милиции с детской преступностью в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)	21

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Анохин Ю.В.</i> Обеспечение прав и свобод личности: терминологический аспект	24
<i>Зверев П.Г.</i> Применимость международного гуманитарного права к деятельности Организации Объединенных Наций	31
<i>Каламкарян Р.А., Галиев Р.С.</i> Конституционно-правовая оценка принятия Республики Крым в состав Российской Федерации	36
<i>Никитина О.А.</i> Меры принуждения, контрмеры, санкции	40
<i>Пузырева Ю.В., Губернская А.А., Зимина К.И.</i> Вопросы ответственности физических лиц за международные преступления, совершенные в период Второй мировой войны	44
<i>Симонова А.Е., Козлова А.А.</i> Мирное разрешение споров как основа послевоенной системы международных отношений: истоки, значение, итоги	48

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Булавчик В.Г., Дрозд А.О.</i> Административно-правовые аспекты повседневной деятельности органов внутренних дел	51
<i>Гайдуков А.А.</i> Административно-правовая деятельность полиции по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений	55
<i>Гришаков А.Г., Прибытко Ю.А.</i> Доставка как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в деятельности полиции: теория и практика применения	61
<i>Куянова А.В.</i> Полиция в Российской Федерации и правовое регулирование ее деятельности	65
<i>Равнюшкин А.В.</i> Увольнение со службы в органах внутренних дел в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, при совершении административного правонарушения	72

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Плаксина Т.А.</i> Регламентация ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в уголовном законодательстве России, Казахстана и Кыргызстана	77
<i>Семенюк Р.А.</i> Типология лиц, совершающих преступления в состоянии опьянения	82
<i>Терентьева В.А.</i> Отсрочка отбывания наказания лицам, больным наркоманией	86
<i>Титаренко М.В.</i> К вопросу об уголовной ответственности по ст. 148 Уголовного кодекса РФ	89
<i>Харитонов И.И.</i> Об отграничении клеветы от смежных составов преступлений и правонарушений	92

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА, ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Вагин П.А.</i> К вопросу об этнической организованной преступности и незаконной миграции в Тюменской области	96
<i>Галахов С.С.</i> Противодействие криминальным угрозам правоохранительной функции государства (теория и практика).....	100
<i>Иванов Е.Л.</i> Некоторые вопросы предупреждения (оперативно-разыскной профилактики) хищений и незаконного оборота золота	105

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Бондаренко С.А.</i> Судейское усмотрение при применении гражданско-правовых норм института недействительных сделок	110
<i>Верхогляд Я.Е.</i> К вопросу о возможности информационного противодействия экстремизму в молодежной среде	113
<i>Комиссарова Е.Г.</i> Честь сотрудника полиции как законодательное и этическое понятие (методологическая сторона вопроса).....	118
<i>Троицкий С.В.</i> Вмешательство в право собственности в призме практики Европейского Суда по правам человека	125
<i>Тумаков А.В.</i> Ответственность и разрешение конфликтов в корпоративных отношениях	130
<i>Черепанова О.С.</i> Предмет договора аренды: спорные вопросы теории и практики	135
<i>Чесноков А.А., Акимышева Е.С.</i> Роль органов внутренних дел в механизме обеспечения информационной безопасности ребенка.....	139

CONTENTS

HISTORY OF STATE AND LAW

<i>Vishnyakova L.A.</i> Private Collection of E.P. Klevakin as a History Source of the Prison System of Western Siberia at the Turn of XIX-XX th Centuries	7
<i>Polikarpov I.A.</i> Political and Legal Regulation of Migration from Xinjiang to the USSR in the 30-40s of the 20 th Century. Archive Document review	11
<i>Startsev A.V., Antropov V.M.</i> Observing of Discipline and Legality on Official Duty by Police Ranks of the Tomsk Guberniya in the Late the XIX – early XX Centuries: on Materials of the Biysk District	15
<i>Tarasova L.Ya.</i> Fighting of the Altai Police against Child Criminality during the Great Patriotic War (1941-1945)	21

STATE AND LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

<i>Anokhin Yu.V.</i> Protection of Human Rights and Freedoms: Terminological Aspect.....	24
<i>Zverev P.G.</i> Applicability of International Humanitarian Law to the Activities of United Nations.....	31
<i>Kalamkaryan R.A., Galiev R.S.</i> Constitutional Legal Assessment of the Republic of Crimea Adoption as Part of the Russian Federation.....	36
<i>Nikitina O.A.</i> Coercive Measures, Countermeasures, Sanctions.....	40
<i>Puzyreva Yu.V., Gubernskaya A.A., Zimina K.I.</i> Issues of Individual Liability for International Crimes Committed during the Second World War.....	44
<i>Simonova A.E., Kozlova A.A.</i> Peaceful settlement of Disputes as a Basis for Post-War System of International Relations: Origins, Significance, Results	48

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

<i>Bulavtchik V.G., Drozd A.O.</i> Administrative and Legal Aspects of Daily Activities of Internal Affairs Agencies.....	51
<i>Gaidukov A.A.</i> Administrative and Legal Activity of Police for Crimes Prevention in the Sphere of Family Relations.....	55
<i>Grishakov A.G., Pribytko Ju.A.</i> Reconductio as a Measure of Maintenance of Administrative Proceedings in Police Activity: Theory and Practical Application.....	61
<i>Kuyanov A.V.</i> Police in the Russian Federation and Legal Regulation of its Activity	65
<i>Ravnushkin A.V.</i> Discharge from the Service in Internal Affairs Agencies for the Commission of the Offence Discrediting Honor of the Law Enforcement Officer when Committing Administrative Offences	72

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

<i>Plaksina T.A.</i> Regulation of Responsibility for the Murder of the Newborn Child by Mother in the Criminal Legislation of Russia, Kazakhstan and Kyrgyzstan.....	77
<i>Semeniuk R.A.</i> Typology of Persons who Commit Crimes while Intoxicated	82
<i>Terentieva V.A.</i> Respite of Serving Punishment to the Drug Addicted Persons.....	86
<i>Titarenko M.V.</i> Revisiting the Criminal Responsibility According to the Art. 148 of the Criminal Code of the Russian Federation	89
<i>Kharitonov I.I.</i> About the Delimitation of Slander from Related Crimes and Offences.....	92

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSICS ENQUIRY, INVESTIGATIVE ACTIVITY

<i>Vagin P.A.</i> Revisiting the Ethnic Organized Crime and Illegal Migration in the Tyumen Region.....	96
<i>Galakhov S.S.</i> Countering Criminal Threats Law Enforcement Functions of the State (Theory and Practice)	100
<i>Ivanov Ye.L.</i> Some Issues of Prevention (Investigative Prevention) of Theft and Illicit Gold Trafficking	105

CIVIL LEGAL RELATIONS

<i>Bondarenko S.A.</i> Judicial Discretion in the Application of Civil Legal Norms of the Institute of Invalid Transactions.....	110
<i>Verhoglyadov Ya.E.</i> Revisiting the Possibility of Informational Countermeasures Extremism in Youth Environment.....	113
<i>Komissarova E.G.</i> Honor of Police Officer as a Legislative and Ethical Concept (Methodological Aspect)	118
<i>Troitski S.V.</i> Interference with the Right of Property in the Prism of Practice of the European Court of Human Rights	125
<i>Tumakov A.V.</i> Responsibility and Resolution of Conflicts in Corporate Relations	130
<i>Cherepanova O.S.</i> Subject of the Lease Contract: Outstanding Issues of Theory and Practice..	135
<i>Chesnokov A.A., Akimisheva E.S.</i> Role of Internal Affairs Agencies in the Mechanism of Children Information Security	139

История государства и права

УДК 343.812

Л.А. Вишнякова, канд. ист. наук, доцент

Барнаулский юридический институт МВД России

e-mail: vishniakova@buimvd.ru

ЛИЧНЫЙ ФОНД Е.П. КЛЕВАКИНА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

Статья посвящена пенитенциарной системе Западной Сибири на стыке XIX-XX вв. Автор, базируясь на материалах архивного фонда Е.П. Клевакина, рассматривает тенденции развития системы на примере Томского тюремного замка и Барнаульской уездной тюрьмы.

Ключевые слова: записки, пенитенциарная система, Томский тюремный замок, Барнаульская тюрьма, тюремный майдан, тюремная артель, трудовое воспитание.

L.A. Vishnyakova, PhD. (Candidate of Historical Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: vishniakova@buimvd.ru

PRIVATE COLLECTION OF E.P. KLEVAKIN AS A HISTORY SOURCE OF THE PRISON SYSTEM OF WESTERN SIBERIA AT THE TURN OF XIX-XXth CENTURIES

The article is devoted to the prison system of Western Siberia at the turn of XIX-XXth centuries. The author examines development trends of the system on the example of the Tomsk prison house and Barnaul district prison based on E.P. Klevakin's archive.

Key words: memoir, penitentiary system, Tomsk prison house, Barnaul prison, prison maidan, prison gang, labour nurturing.

Важнейшим историческим источником являются мемуары. Именно они дают возможность исследователю изучить неповторимый алгоритм фактов, деталей, свидетелем которых являлся сам автор, почувствовать колорит эпохи. Источником подобного характера являются записки Евгения Поликарповича Клевакина. Материалы данных записок представлены в фонде 77 Государственного архива Алтайского края. Фонд включает в себя документы, написанные рукой человека, исполнявшего за годы своей долгой службы обязанности смотрителя Томской тюрьмы, помощника томского, бийско-

го исправников, директора Барнаульского отделения Томского попечительного о тюрьмах комитета. Несмотря на небольшой объем фонда, насчитывающего всего 31 единицу хранения, его значимость в контексте изучения региональных структур пенитенциарной системы Российской империи на рубеже XIX-XX вв. более чем очевидна. Чиновники такого уровня и компетенции нечасто оставляли потомкам наследие подобного рода.

Евгений Поликарпович Клевакин верой и правдой прослужил на государственной службе долгие годы. Симптоматично, что и в возрасте

76 лет его желание быть нужным не иссякло, что отражено в его письме от 14 марта 1917 г. на имя министра юстиции Временного правительства: «Был бы счастлив, если бы новое правительство, новая власть меня утвердила в звании директора попечительного о тюрьмах отделения» [4, л. 76].

Примечателен тот факт, что ради опубликования записок их автор даже вступил в переписку с российским адвокатом, общественным деятелем А.Ф. Кони. Об истинных целях написания второго письма убедительно свидетельствовали следующие строки: «Пока жив и здоров пристроить мои материалы, записки, заставляет меня следующее: в городе Барнауле жил протоирей и в течение всей жизни вел дневники и записки, а когда умер, то зять его все эти записки употребил на оклейку стен вновь построенного дома, конечно, не читая записок и не интересуясь содержанием их. Приятели мои, указывая на записки протоиерея на стенах, говорили мне со смехом, что и мои записки, после моей смерти, попадут на стены. А мне жалко, вот я и ищу, куда бы пристроить» [3, л. 182].

Много внимания в записках уделено тюремному делу, которому автор посвятил значительный период своей жизни. Особый интерес представляют материалы черного характера, которые Е.П. Клевакин писал систематически, не подвергая их никакой литературной обработке. Они несут ярко выраженные черты личности их автора, проявляющиеся в стилистических особенностях, эмоциональных характеристиках и оценках.

Структурно они состоят из двух частей. Первая является записками томского тюремного смотрителя, в должности которого Клевакин служил с апреля 1884 г. по февраль 1885 г. Вторая часть охватывает период с мая 1901 г. по апрель 1917 г., в течение которого он исполнял обязанности директора Барнаульского отделения Томского попечительного о тюрьмах комитета. Специфика служебных обязанностей обусловила стиль различных частей данного источника. Первая часть достаточно бессистемна, отражает события прожитого дня и настроения автора; часто изложение событий производится в назидательном, морализаторском ключе, что вполне объяснимо возрастом и чертами характера автора. Вместе с тем именно первая часть носит более личностный характер, здесь дано много характеристик арестантов, содержащихся в замке в рассматриваемый период. Вторая часть также выполнена в виде записок, однако значительную часть

здесь составляют доклады Клевакина Тюремному отделению. Несмотря на определенную шаблонность изложения, они в полной мере отражают личность автора и его позицию. Невзирая на значительный временной разрыв, записки представляют единый по своему смысловому содержанию источник и дают возможность взглянуть глазами современника на работу среднего и низшего звеньев управления пенитенциарной системой Западной Сибири.

Круг вопросов, рассматриваемый автором записок, весьма обширен. Первая часть записок уникальна тем, что дает возможность изнутри ознакомиться с особенностями организации и жизнедеятельности Томского тюремного замка. Здесь мы можем найти сведения о внешнем виде и внутреннем интерьере тюрьмы, распорядке дня арестованных, численности и составе заключенных, организации их досуга. Особое внимание вызывают таблицы, которые дают возможность получить представление о пищевом рационе заключенных, количестве обслуживающего персонала, соотношении заключенных мужского и женского пола, дифференциации заключенных по составу преступлений, поданных тюремной администрации прошениях, количестве заболевших арестантов.

Пристальное внимание Клевакин уделил арестантской тюремной общине – артели, останавливаясь на ее роли, функциях, статьях дохода и расхода, структуре. Тема арестантской артели, бесспорно, рассматривалась в литературе. Однако взгляд Клевакина помогает увидеть детали, штрихи, неразличимые в источниках более официального характера. Особый интерес представляет его рассказ о карательных функциях артели по отношению к своим провинившимся членам, наказание артели было более суровым по сравнению с официальным. Так, за кражу из тюремной церкви заключенный Грязнов был наказан артелью весьма жестоко: его высекли розгами, положивши головою к церковным дверям, спустив при этом кожу с головы до пят. Правда, как сообщает Клевакин, потом сами и вылечили в камере своими средствами, не пустив в тюремную больницу [3, л. 38]. В то же время именно артель снаряжала пересыльных в дорогу, снабжая деньгами; именно артель смягчала наказание посаженным на хлеб и воду в карцер, обеспечивая их продуктами и табаком.

Даются в записках сведения и обо всех чрезвычайных происшествиях в замке: побегах, подкопах, арестантских волнениях, которые автор

(также как и заключенные) называет «вольнками». Наиболее полным является описание автором тех явлений тюремной жизни, которые существовали вопреки запретам и с которыми он был обязан бороться. Несколько раз он обращается к теме организации арестантской торговли – майданам. Автор не просто описывает тюремные майданы (торговлю), называя все его виды: продуктовый, винный, карточный. Он дает возможность почувствовать саму систему организации подобного вида деятельности: описывает аукцион на право держать майдан, который он подсмотрел в одной из тюремных камер; называет цены, которые платили за содержание майданов. Особое нареkanie автора вызывала организация винного майдана, который велся, несмотря на превентивные меры, прямо из секретной камеры, у которой стоял часовой.

Материалы второй части написаны более сухим языком докладной записки, хотя и здесь слог Клевакина образен и узнаваем. Здесь значительно меньше личностных характеристик по сравнению с первой частью, что вполне объяснимо более редкими визитами в тюремный замок директора Е.П. Клевакина (как правило, несколько раз в месяц) и отсутствием в связи с этим более близкого контакта с заключенными. Ценность данных документов в том, что они дают возможность проследить функционирование различных структур пенитенциарного управления (смотритель замка – Барнаульское уездное отделение Томского попечительного о тюрьмах комитета – Томская тюремная инспекция – томский губернатор – Главное тюремное управление), выявить его взаимосвязи, решаемые задачи и возникавшие в работе проблемы. В частности, в записках можно найти обширный материал о составе Барнаульского попечительного о тюрьмах комитета, его основных функциях, взаимоотношениях с созданной в г. Томске тюремной инспекцией. Здесь же делается попытка оценить эффективность вновь созданных структур управления. Вместе с тем записки дают обширный материал об устройстве Барнаульской уездной тюрьмы, существующем здесь распорядке дня, организации досуга, духовно-нравственном воспитании.

Важный сюжет, переходящий из одной части в другую, – организация трудового воспитания. Тюремная реформа 1879 г. определила арестантский труд одним из основных факторов, оказывающих влияние на осужденных и способствующих их перевоспитанию. В литературе получили рассмотрение отдельные аспекты реализации реформы, здесь приводятся по-

дробные данные, прежде всего об организации трудового воспитания на каторжных тюрьмах и в исправительных арестантских отделениях Западной Сибири [1, с. 216-227]. Вместе с тем отмечается, что наиболее проблематичной была организация работ в уездных тюремных замках. Уже осенью 1884 г. в качестве смотрителя Томского тюремного замка Е.П. Клевакин дал ответ на вопрос, поставленный Томской контрольной палатой: каким по преимуществу оплачиваемым трудом занимаются арестанты в тюрьмах и что препятствует расширению существующих пределов труда?

По словам Клевакина, несмотря на то, что в Томском тюремном замке для исполнения работ имелись столярная и сапожная мастерские, кузница, работ по частным заказам было очень мало. Отвечая на вторую половину вопроса Контрольной палаты «Что препятствует расширению существующих пределов труда?», тюремный смотритель Клевакин выделил следующие основные причины: «1) нет доверия, поэтому нет заказов; 2) тесное устройство мастерских; 3) неимение инструментов; 4) произвольные за изделие цены, запрашиваемые арестантами, в большинстве случаев дороже вольных цен; 5) неудовлетворительность изделий в качественном отношении и медленность работы» [3, л. 147 об.].

Будучи смотрителем в г. Томске, Клевакин живо интересовался вопросами трудового перевоспитания, т.к., по его глубокому убеждению, праздность была несовместима с исправлением.

Получив 3 мая 1901 г. назначение на должность директора Барнаульского отделения попечительного о тюрьмах комитета, Клевакин уже 5 мая отмечал в своих записках, что в тюрьме работы «нет вовсе. Двое на швейных машинах, одна ножная и другая ручная, шьют солдатские летние фуражки. Трое работают, шьют сапоги, двое столяры <...> делают для тюрьмы скамейки. В одной из подследственных камер арестант делает столовые салфетки, плетет на рамах из бумажных ниток разных цветов – белого и красного. В другой камере подследственный арестант плетет из разных цветов гаруса на пенковой основе на колодке туфли. Вот и все работы» [4, л. 2]. В последующих докладах в тюремное отделение директор Клевакин активно развивал идею организации сельскохозяйственных работ, с привлечением к труду арестантов, большая часть которых была крестьянского происхождения. Он считал, что тюрьме нужно сделать школы, но не школой грамоты, а сельскохозяйственного труда, где бы «попавший на высидку

крестьянин научился бы правильному сельскому хозяйству, научился бы огородничеству в широком смысле этого слова. Научился бы травосеянию и хорошей обработке земли и, возвратившись в свою деревню, показал бы своим соседям, чему он научился, введя у себя огородничество, травосеяние и хорошую обработку земли» [4, л. 33].

По контракту с управляющим Барнаульским имением ведомства Кабинета Его Императорского Величества Барнаульская тюрьма получила в аренду 97,1 десятины с января 1904 г. по 1 января 1910 г. сроком на 6 лет [4, л. 38]. Рапортом от 21 марта 1911 г. Клевакин вновь сообщал о заключении им в качестве уполномоченного тюремного отделения контракта с управляющим Барнаульским имением Алтайского округа на аренду для тюремного ведомства 89 десятин 960 кв. сажен земли сроком на 12 лет. Инициативный Клевакин не только заключил контракт, он просил привлечь к руководству эксплуатацией арендованной земли специалиста – директора тюремного комитета А.О. Гарднера, агронома по образованию. Кроме того, он считал необходимым в условиях ликвидации Алтайским округом своего опытного поля ходатайствовать о передаче принадлежащих им сельскохозяйственных машин в тюремное ведомство [2].

Сельскохозяйственная ферма при Барнаульской тюрьме просуществовала вплоть до 1917 г., об этом свидетельствуют последние доклады директора Клевакина от 12 февраля 1916 г., 2 и 14 марта 1917 г. Актуальность такого рода занятий резко возросла в связи с сокращением в условиях Первой мировой войны посевных площадей и нехваткой рабочих рук, вызвавших рост цен на продукты пи-

тания и сокращение довольствия заключенных. В этих условиях Барнаульская тюремная ферма, располагавшая землей и свободными рабочими руками, могла сыграть добрую службу в организации питания, прежде всего самих арестантов.

Названный источник дает лишь фрагментарные сведения о характере и результатах трудового воспитания в пенитенциарных учреждениях Западной Сибири. Материал дневниковых записей Е.П. Клевакина зачастую схематичен, отрывочен, тенденциозен, часто он не столько помогает найти ответ на поставленный вопрос, сколько ставит новые. Вместе с тем личностный, неформальный взгляд автора на решение одной из сложнейших проблем в истории пенитенциарной системы помогает увидеть «изнутри» основные подходы к реализации реформы, выявить ее слабые стороны.

Записки написаны живым, образным языком, с частым использованием тюремного жаргона: арестантскую артель вслед за своими подопечными Е.П. Клевакин величал «кобылкою» или «шпанкою», тюремную торговлю – «майда-ном», волнения заключенных – «волынками». Данный источник является уникальным по истории сибирских тюрем на рубеже XIX-XX вв., аналогов которому найти очень сложно.

Публикация материалов одной из значимых частей его архивного фонда, подготовленная совместно Барнаульским юридическим институтом МВД России и Государственным архивом Алтайского края [5], поможет более объективно оценить как личность самого Е.П. Клевакина, так и его деятельность в качестве чиновника российской пенитенциарной системы регионального уровня.

Литература

1. Бортникова О.Н. Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801-1917 гг. Тюмень, 1999. 353 с.
2. ГААК (Государственный архив Алтайского края). Ф. 77. Оп. 1. Д. 5. Л. 50 об.-51.
3. ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 8.
4. ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 10.
5. Записки Е.П. Клевакина о тюрьме (по материалам личного фонда) (1884-1885, 1901-1917): сб. док-тов / отв. сост. Л.А. Вишнякова. Барнаул: БЮИ МВД России, Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края», 2012. 360 с.

УДК 331.556.4

И.А. Поликарпов, канд. ист. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: ivanpolikarpoff@mail.ru

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ ИЗ СИНЬЦЗЯНА В СССР В 30-40-Х ГГ. XX В. ОБЗОР АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Статья посвящена малоизученной теме, связанной с миграционными процессами, происходящими в 30-40-х гг. XX в. в Центрально-Азиатском регионе. В данной статье рассматриваются события, связанные с поддержкой мирного населения советской стороной в условиях начала мощного национально-освободительного движения коренных народов Синьцзяна. Советские государственные органы предоставляли материальную помощь жителям северных округов провинции, которая выражалась в поставках продовольственных и промышленных товаров, а также организации питания и расселения беженцев.

Ключевые слова: миграция, государственная граница, внешняя политика, СССР, Китай, Синьцзян.

I.A. Polikarpov, PhD. (Candidate of Historical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: ivanpolikarpoff@mail.ru

POLITICAL AND LEGAL REGULATION OF MIGRATION FROM XINJIANG TO THE USSR IN THE 30-40S OF THE 20TH CENTURY. ARCHIVE DOCUMENT REVIEW

The article is devoted to the poorly studied topic connected with migration processes that took place in the Central Asian region in the 30-40s of the 20th century. The article deals with the events concerned with Soviet support of civilian population in conditions of the beginning of a powerful national liberation movement of Xinjiang indigenous community. Soviet government bodies provided citizens of northern division residents with material aid which included food items, manufactured goods and arrangements for feeding and refugee resettlement.

Key words: migration, state border, external policy, USSR, China, Xinjiang.

Миграционные процессы, начавшиеся в Центрально-Азиатском регионе во второй половине 30-х гг. XX столетия, были вызваны сложившейся неблагоприятной социально-политической обстановкой, постоянно ухудшающимся экономическим положением населения на северо-западе Китая, а также восстанием коренного населения провинции Синьцзян против китайской администрации.

Сохранившиеся в центральных российских архивах документы, касающиеся ситуации в северо-западной провинции Китая, в т.ч. докладные записки, адресованные И.В. Сталину, В.М. Молотову, Л.П. Берии и другим членам политбюро ЦК ВКП(б), свидетельствуют о зна-

чимости данных событий для советского руководства. Среди них особое место занимают доклады и сообщения генерал-майора НКВД В.С. Егнарова и генерал-лейтенанта МГБ А.И. Лангфанга. В данных документах подробным образом рассматривается зарождение и развитие национального движения с предложениями решения тех или иных оперативных задач и корректировкой проводимых боевых действий [10, с. 113-114]. Руководству государства эти предложения вносили либо Министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов и Министр госбезопасности СССР В.С. Абакумов, либо непосредственно руководители вновь созданного оперативного штаба спецзаданий НКВД СССР [4].

В этот период появляется большое количество разведывательной информации и агентурных данных по экономическому и социальному положению в провинции, подробное описание местности ведения возможных боевых действий, а также сведения о коммуникациях провинции, состоянии автомобильных дорог и транспорта в Синьцзяне [11].

По некоторым данным, на территорию провинции было переброшено и постоянно там задействовано около трех тысяч солдат и офицеров Туркестанского военного округа СССР [3]. Кроме этого, сохранились документы, подтверждающие, что позже военных перебрасывали и с советско-германского фронта. Берия в своем письме Молотову «О переброске в Синьцзян рядовых и офицеров, демобилизованных из Красной армии для участия в повстанческом движении мусульман в Синьцзяне» [2] сообщает, что указанные мероприятия были проведены успешно. Существуют также документы, подтверждающие участие советской авиации в боевых действиях повстанцев против регулярной китайской армии [7].

В сложившихся непростых условиях советское руководство значительную роль уделяло поддержке мирного населения Синьцзяна, предоставляя материальную помощь, выражавшуюся в поставках продовольственных и промышленных товаров для жителей северных округов. В частности, в случае необходимости повстанцам предоставляли убежище от китайских войск на советской стороне. В условиях проведения боевых действий переходы государственной границы стали массовым явлением. Хотя в соответствии с постановлением ЦК КП(б) Казахстана от 29 сентября 1943 г. № 207-18 бюро Восточно-Казахстанского обкома КП(б) Казахстана приняло решение:

1. «Отвести для расселения перебежчиков из Синьцзяна в Предгорненский, Шемонаихинский, Кировский и Уланский районы.

2. Обязать председателей райисполкомов районов, перечисленных в первом пункте настоящего постановления, организовать прием перебежчиков из Синьцзяна и оказывать им содействие в части устройства на работу, учебу, а также в обеспечении их жилплощадью, продовольственным снабжением и медицинской помощью» [9, с. 77].

Третий и четвертый пункты данного постановления строго регламентировали порядок перевозок в зимнее время мигрантов из провинции до места их временного поселения. Кроме того,

определялись средства на расходы, связанные с приемом и организацией транспортировки вынужденных переселенцев [9, с. 77-78].

В этом отношении показательным примером будет письмо на имя Сталина летом 1944 г.: «27 июля с.г. в 4 часа 30 минут пограничниками 30 Бахтинского пограничного отряда (Казахской ССР) задержаны перешедшие из Китая в СССР 21 семья в числе 87 человек с домашним скотом и имуществом. Все по национальности русские и украинцы, бывшие уроженцы СССР.

В тот же день пограничный наряд в районе задержания 21 семьи обнаружил двух китайских солдат и одного в штатском, которые нарушили государственную границу СССР, углубившись в тыл нашей территории до двух километров.

При попытке задержания китайских солдат последние обстреляли наших пограничников. Ответным огнем один китайский солдат убит, второй задержан (в штатском скрылся). Задержанный солдат Ли-Тин-Сан показал, что они нарушили государственную границу с целью поимки бежавших из Китая граждан» [6]. Из письма видно, что китайское руководство довольно болезненно относилось к перебежчикам и пыталось их вернуть всеми способами и методами, в т.ч. и силовыми, направляя вооруженные отряды. Руководство СССР придерживалось политики доброжелательного отношения к своим бывшим соотечественникам.

Такое же отношение было и к китайским мигрантам. О постоянных переходах советско-китайской границы свидетельствует большое количество сохранившихся архивных документов [1]. После каждого задержания их расселяли в тыловых районах СССР и оказывали материальную помощь. Однако не всегда эта поддержка была достаточной. В постановлении бюро Восточно-Казахстанской области обкома КП(б) Казахстана от 18 января 1945 г. отмечено, что «...неоднократные указания ЦК и обкома КП(б) Казахстана по вопросу размещения перекочевщиков райкомами и райисполкомами Зайсанского, Маркакольского и Тарбагатайского районов выполняются крайне недостаточно, в результате значительная часть перекочевщиков размещена в неблагоустроенных и полуразваленных старых зимовках, на фермах колхозов, в юртах и шалашах, где не оборудованы печи. Имеются случаи обмораживания как взрослых, так и детей, особенно плохо размещены перекочевщики-бедняки, ремесленники-кустари. Снабжение перекочевщиков хлебом не налажено, особенно среди бедняцкой части перекочевщиков» [9, с. 78-79]. В этом же документе зафиксирова-

ны факты вымогательства и незаконного отбора скота у перекочевавшего населения отдельными руководителями колхозов Восточно-Казахстанской области [9, с. 79].

Вместе с тем в 1947 г. в информации за подписью секретаря Восточно-Казахстанской области обкома КП(б) Казахстана Бунакова уже начинают отмечаться позитивные тенденции в вопросе расселения и обеспечения перешедшего на территорию СССР населения: «Многие семьи квартирами обеспечены в домах хозяйственных организаций, колхозов и частных домовладений <...> однако в силу исключительно тяжелого состояния с жильем, особенно в промышленных предприятиях, некоторые семьи перебежчиков размещены уплотненно и нуждаются в дополнительной площади для расселения. Кроме того, некоторые из них, особенно прибывшие в 1947 г. и временно расквартированные в нашей области, нуждаются в одежде, обуви и постельных принадлежностях, на что мы не имеем ни фондов, ни средств.

В целях создания нормальных жилищно-бытовых условий перебежчикам, расселенным в области, и оказания помощи их наиболее нуждающимся семьям, а также организации приемных пунктов питания вновь прибывающим просим Вас дать указания о выделении в распоряжение Восточно-Казахстанского отдела хозяйства спецпереселенцев продовольственных, промтоварных фондов и денежных средств, одновременно решить вопрос об открытии кредита по линии сельхозбанка на строительство 50 индивидуальных домов для перебежчиков, осевших в области» [9, с. 80]. В результате просьба секретаря Восточно-Казахстанской области обкома КП(б) Бунакова к ЦК КП(б) Казахстана была удовлетворена.

Кроме того, в документах сохранилась информация, относящаяся к 1946-1947 гг. Так, например, в письме на имя Берии от 1 февраля 1947 г. содержится просьба о выделении для перебежчиков из Синьцзяна специальных денежных средств, товаров широкого потребления и продовольствия, а также примерный расчет необходимых для расселения и автоперевозок бывших жителей провинции [8]. В этом же документе сохранилось и заключение МВД СССР по состоянию жилищно-бытового и продовольственного обеспечения вынужденных переселенцев из Синьцзяна [8]. В докладной записке одного из сотрудников МВД СССР Молотову от 1946 г. содержится следующая информация:

«МВД СССР докладывает, что за последнее время на границе с Синьцзяном участились случаи перехода в СССР лиц в поисках лучших условий жизни.

С 1 января по 18 июня с.г. пограничными войсками МВД Казахского округа на этом участке задержано 510 человек, в том числе 120 человек несовершеннолетних» [5].

По показаниям задержанных, основными причинами, вынудившими их к переходу на территорию СССР, являлись, прежде всего, тяжелое экономическое положение в Синьцзяне, высокий уровень безработицы, в т.ч. среди молодого населения провинции, а также высокие цены на товары первой необходимости. В то же время молодежь провинции стремилась получить образование в учебных заведениях Советского Союза.

Среди перешедших из провинции в СССР было значительное число русских женщин и детей, которые во второй половине 30-х гг. XX в. переехали в Синьцзян со своими китайскими супругами по выданным им визам. Однако во время повстанческого движения, которое сотрясало провинцию начиная с 1944 г., их мужья были убиты или мигрировали в центральные и восточные провинции Китая, вследствие чего семьи этих лиц возвращались в Советский Союз к месту прежнего жительства.

Большинство задержанных имели на руках документы, выданные консульством Советского Союза в г. Урумчи, о принадлежности к гражданству СССР. Такие справки свидетельствовали о том, что вынужденные переселенцы обращались с заявлением в советские консульства Синьцзяна о своем желании переселиться на территорию Советского Союза с целью постоянного там проживания, однако получали неопределенные ответы, в т.ч. рекомендации о том, чтобы временно воздержаться от перехода границы [5].

Таким образом, интенсивные миграционные процессы 30-40-х гг. XX столетия в Центрально-Азиатском регионе стали объективным следствием развития международной ситуации на северо-западе Китая. Данные обстоятельства заложили основы становления эффективного контроля со стороны советских государственных и правоохранительных органов СССР за потоками переселенцев, а также выработки результативных мер по оперативному расселению беженцев в тыловые регионы Советского Союза.

Литература

1. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-9401. «Особая папка» В.М. Молотова. Оп. 2. Д. 69. Л. 16-18.
2. ГАРФ. Ф. Р-9401. «Особая папка» В.М. Молотова. Оп. 2. Д. 104. Л. 116.
3. ГАРФ. Ф. Р-9401. «Особая папка» В.М. Молотова. Оп. 2. Д. 105. Л. 337.
4. ГАРФ. Ф. Р-9401. «Особая папка» В.М. Молотова. Оп. 2. Д. 142. Л. 309-310.
5. ГАРФ. Ф. Р-9401. «Особая папка» В.М. Молотова. Оп. 2. Д. 173. Л. 16-18.
6. ГАРФ. Ф. Р-9401с/ч. «Особая папка» И.В. Сталина. Оп. 2. Д. 66. Л. 116.
7. ГАРФ. Ф. Р-9401с/ч. «Особая папка» И.В. Сталина. Оп. 2. Д. 98. Л. 398-399.
8. ГАРФ. Ф. Р-9401с. «Особая папка» Л.П. Берии. Оп. 2. Д. 176. Л. 30-38.
9. Жандабекова О.В. Под грифом секретности. Откочевки казахов в Китай в период коллективизации. Реэмиграция. 1928-1957 гг.: сб. док-тов. Усть-Каменогорск, 1998. 100 с.
10. Поликарпов И.А. Политика Советского Союза в отношении национального движения коренных народов Синьцзяна в 30-40-х гг. XX века. Барнаул, 2012. 208 с.
11. Российский государственный военный архив. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 955. Л. 18.

УДК 351.74:340.131.4(571.150)

А.В. Старцев, доктор ист. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России;

В.М. Антропов

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

e-mail: altai_police@mail.ru

СОБЛЮДЕНИЕ СЛУЖЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ И ЗАКОННОСТИ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ЧИНАМИ ПОЛИЦИИ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ПО МАТЕРИАЛАМ БИЙСКОГО ОКРУГА (УЕЗДА)

В статье дается обзор нарушений законности при исполнении служебных обязанностей чинами Бийской окружной (уездной) полиции, приводятся факты злоупотребления должностным положением чинами полиции Томской губернии, анализируются причины этих негативных явлений.

Ключевые слова: полиция, служебная дисциплина, законность, превышение должностных полномочий, дисциплинарная ответственность, Уложение о наказаниях.

A.V. Startsev, Ph.D. (Doctor of Historical Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia;

V.M. Antropov

a postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: altai_police@mail.ru

OBSERVING OF DISCIPLINE AND LEGALITY ON OFFICIAL DUTY BY POLICE RANKS OF THE TOMSK GUBERNIYA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES: ON MATERIALS OF THE BIYSK DISTRICT

This article gives a brief overview of legality violations on duty by the ranks of Biysk district police, mentions the facts of cumshaw by police ranks of the Tomsk guberniya, analyses the reasons of these negative phenomena.

Key words: police, discipline, legality, cumshaw, disciplinary responsibility, Code about punishments.

«Сильная, эффективная полиция немислима без дисциплины и ответственности», – заявил Министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев на церемонии вступления в должность 22 мая 2012 г. По мнению главы МВД, успешное выполнение сложных и ответственных задач, стоящих перед российской полицией, находится в прямой зависимости от уровня соблюдения личным составом при выполнении должностных обязанностей требований законности и служебной дисциплины [2].

Недобросовестное отношение сотрудников правоохранительных органов к своим служебным обязанностям не только вызывает недоверие граждан по отношению к ним, но и существенно снижает эффективность принимаемых мер по укреплению правопорядка, являясь серьезным дестабилизирующим фактором в обществе. В связи с этим проблема соблюдения законности и служебной дисциплины в органах внутренних дел имеет особую актуальность, а изучение исторического опыта работы органов полиции по повышению служебной дисциплины

представляет научный интерес и имеет практическое значение.

Еще в конце XIX – начале XX в. руководство МВД Российской империи признавало, что факты превышения должностных полномочий и халатного отношения к служебным обязанностям со стороны классовых и нижних чинов полиции имеют место и они «должны быть преследуемы и искореняемы самыми решительными мерами» [20]. Циркуляр Департамента полиции от 23 января 1914 г. за № 1752 предписывал губернаторам регулярно (каждые два месяца и ежегодно) предоставлять сведения о привлеченных к суду и следствию полицейских [11, л. 1]. Анализ этих списков позволяет установить, что чины полиции чаще всего привлекались к ответственности за такие преступления, как превышение или бездействие власти, оскорбление словом или действием, вымогательство, нанесение тяжких побоев, противозаконное задержание и заключение [21, с. 269; 22, с. 275, 277, 296, 299, 614, 622]. Это было повсеместным явлением, не являлась исключением и Томская губерния.

Так, в 1909 г. большой общественный резонанс получило дело новониколаевского полицеймейстера Б.П. Висмана [1; 12, с. 38]. Члены местного отдела «Союза русского народа» собрали заявления от 113 человек, пострадавших от злоупотреблений чинов полицейского управления, и добились возбуждения уголовного дела, в ходе расследования которого были вскрыты вопиющие факты, связанные с противоправными действиями должностных лиц полиции [17]. Было установлено, что ежемесячными поборами (от 25 до 200 руб.) полицейские обложили владельцев многочисленных питейных заведений (за возможность беспрепятственно работать) и евреев (за право проживать вне черты оседлости). Содержатели домов терпимости, число которых достигало 113 вместо 7 официально разрешенных, платили от 5 до 300 руб. в месяц, при этом они были «связаны обязательством не отпускать девиц ни в какие трактирные номера, кроме самого фешенебельного трактира Чиндорина, содержимого в компании с полицеймейстером Висманом» [13]. Доход, полученный главой Новониколаевской полиции преступным путем, оценивался в 120 тыс. руб.: «...у него в казначействе на книжке лежит 7 327 руб., в отделении Сибирского Торгового Банка свыше 32 тыс. руб. и в Ригу увезено и положено в банк на имя матери 80 тыс. руб.» [19]. Помимо коррупционных преступлений, Висман обви-

нялся в изнасиловании 19-летней бывшей учительницы Грановой [13].

Результатом 4-летнего следствия стала состоявшаяся в 1914 г. в г. Новониколаевске выездная сессия Омской судебной палаты, по приговору которой бывший полицмейстер был заключен в тюрьму на 4 месяца «без ограничения в правах и с освобождением от последствий, но с оставлением денежных взысканий 1340 руб.» [23, с. 38]. Его подчиненные М.Н. Добогрей, И.С. Зуевский, Н.Н. Кольчугин, Ф.В. Курницкий, В.Б. Пацановский, Н.В. Попов и П.В. Чукреев получили от 4 до 8 месяцев арестантских рот [14].

В 1909 г. в отношении барнаульского уездного исправника М.Н. Белоносова, ранее занимавшего аналогичную должность в г. Тюмени, поступила депеша о проведении предварительного расследования. Он подозревался в том, что, будучи исправником и одновременно председателем уездного распорядительного комитета, совершал приписки в денежных документах и присваивал часть средств, выделявшихся на ремонт мостов. Белоносов, признавший себя виновным только в небрежности по службе, был освобожден от должности и отдан в исправительное арестантское отделение сроком на 1 год и 4 месяца [15, с. 15-16].

В 1911 г. к уголовной ответственности по ст. 354, 372, 373, 377, 378 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (далее – Уложения о наказаниях) был привлечен томский полицмейстер А.М. Фукс. Ему, в частности, инкриминировалось ежемесячное получение от содержателя ресторана «Европа» и сада «Буфф» Морозова по 100 руб. за назначение полицейских нарядов в эти заведения и присвоение 300 руб. за изготовление табличек на дома [10].

По количеству нарушений служебной дисциплины в числе лидеров находились чины полиции Бийского уезда [23, с. 37]. Приведем лишь несколько характерных примеров.

В дневниковых записях Е.П. Клевакина, служившего во второй половине 80-х гг. XIX в. в должности помощника Бийского окружного полицейского исправника, приводятся многочисленные факты злоупотребления служебным положением как со стороны исправника Поршенникова, так и рядовых чинов полиции, в т.ч. получение взяток и взимание поборов с владельцев кабаков и содержателей домов терпимости [3]. Характеризуя главу окружной полиции, автор писал: «Исправник Поршенников считается формалистом. Все, что сделано хорошо, он приписывает себе и говорит: «Я сделал», «Я так

приказал». А если что сделано по его приказанию, но выйдет плохо, то он отказывается от своего приказания и говорит: «Я приказал сделать иначе, но меня не поняли» [4].

В 1911 г. полицейский надзиратель 3-й части г. Бийска Борисов докладывал Бийскому уездному исправнику: «Городовой вверенной мне части Митрофан Лукинин, командированный мною на ярмарочную площадь по делам службы... позволил себе напиться пьяным и в нетрезвом виде вел неподобающе его званию, чем вынудил находившихся на ярмарке горожан обратиться ко мне с жалобой. Донося о сем, имею честь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие наложить на Лукинина взыскание за учиненный им проступок» [9].

В 1913 г. в отношении пристава 4-го стана Бийского уезда В.К. Дементьева, бывшего заведующего полицейской частью г. Татарска, было возбуждено уголовное преследование по ч. 1 ст. 347 Уложения о наказаниях. Он был предан суду [11, л. 2-3].

В 1914 г. бывший надзиратель г. Бийска Л.В. Сергеев, обвиненный по ст. 14, 341, 447, 1524 Уложения о наказаниях, по приговору Омской судебной палаты был лишен всех особых прав и преимуществ и заключен в арестантское отделение сроком на 1 год и 8 месяцев [11, л. 90].

Однако наибольший процент нарушений приходился на должностных лиц сельской полиции. Комплектование должностей сотских и десятских осуществлялось путем выборов на крестьянском сходе в порядке очередности отбывания данной повинности либо из лиц, добровольно вызвавшихся замещать эти должности [16, с. 92]. К кандидатам не применялись образовательный и служебный цензы, не предъявлялись моральные требования [18, с. 100]. Вследствие этого нередкими были случаи незаконных обысков у крестьян, присвоение во время их проведения вещей подозреваемых, скота, птицы, продуктов сельскохозяйственного производства, словесных оскорблений и рукоприкладства со стороны полицейских [16, с. 106].

В 1891 г. полицейский сотский с. Карабинского Енисейской волости А.И. Шавров при производстве дознания о тайном хищении меда с пасеки местного крестьянина связал инородца¹ К. Юлусова, нанес ему побои и требовал уплатить 30 руб. Другого подозреваемого, инородца С. Набитова, он «таскал за волосы и ковырял

ему глаза», требуя, чтобы тот сознался в краже колодок с медом, после чего велел купить ему водки и, продолжая наносить побои, требовал денег на вино и за мед. В результате потерпевший был вынужден выдать долговую расписку на сумму 36 руб.

Шаврова уволили из полиции и обвинили по ч. 2 ст. 378 Уложения о наказаниях. Разбирательство по этому делу длилось 10 лет. В декабре 1901 г. Томский окружной суд вынес приговор, в ноябре 1902 г. утвержденный Омской судебной палатой. Бывший полицейский был лишен всех особенных, лично и по состоянию приобретенных прав и преимуществ и отдан в исправительные арестантские отделения сроком на 2 года 5 месяцев и 10 дней [7, л. 2-2 об.].

В марте 1896 г. товарищу прокурора Бийского округа поступила жалоба мещанина В.Т. Тимофеева на полицейского сотского с. Быстрый Исток Нижне-Чарышской волости С.Г. Елашкина, который вместе с сельским старостой и сельским писарем «без всякого с моей стороны повода начали наносить мне побои, а равно всему моему семейству: сыну Кириллу и жене» [6, л. 22 об.].

В ходе дознания, проведенного чиновником по крестьянским делам 2-го участка Бийского округа и земским заседателем, факты, изложенные в жалобе, не подтвердились. Сотский Елашкин показал: «Тимофеевых никто из нас, сельских властей, не бил и не обижал, но их только выдворяли из Быстрого Истока за то, что они были буйного характера, как отец, так и сыновья. Неоднократно они резали чужого скота и делали поджоги, так что надоели всему обществу. За это мы их и хотели представить полицейскими мерами к господину земскому заседателю, но они, Тимофеевы, все вооружились ножами и не дались нам... Одним словом, обиды Тимофеевым общество не давало, а они обществу только пакости причиняли» [6, л. 39 об.]. Сельский староста (на момент проведения дознания – уже бывший) М.Ф. Здобников подтвердил, что «побои никто Тимофееву и его семейству не наносили и других к тому не научали, но исполняли лишь общественный приговор в отношении выдворения Тимофеевых из села Быстрого Истока как вредных лиц, причинивших много пакостей и не повинующихся сельской власти» [6, л. 37].

В 1899 г. в мировой суд обратился крестьянин с. Нижне-Озеринского Нижне-Чарышской волости К.Е. Черных, жаловавшийся на то, что «полицейский сотский Леонтий Стребков с крестьянином Михаилом Поповым пришли ко мне в

¹ Инородцы – особая категория подданных Российской империи неславянского происхождения. В Бийском округе к инородцам относились калмыки и татары [24, с. 747].

дом до бесконечности в пьяном виде... стали сквернословить мою жену и меня и нанесли мне удары по голове... а во время буйства ихнего в доме у меня Попов кричал, что убейте Черных» [5, л. 2-2 об.]. Черных спрятался в доме односельчанина А. Беззубцева, однако сотский «с рассказанными выше лицами» пришли в дом Беззубцева и стали «насиловать за то, что будто я в общем с ним в одном сношении... силою приступили... и стали тащить нас в каталажку, но Беззубцев за неимением денег предложил сотскому Стребкову 2 пуда муки, чем и освободился от каталажной, меня же повлекли и заключили... Потом во время поздней ночи, когда снова сотский с поясненными лицами пришли на сборню¹ и просили с угрозами от каморщика... ключ от каталажной, причем грозились убить меня. Благодаря его (каморщика – авт.) благоразумию я и остался цел и невредим» [5, л. 3-3 об.].

Поводом для описанного конфликта послужило то, что тремя годами ранее Попов не рассчитался с женой Черных за жатву хлеба, задолжав 2 руб. 80 коп. Некоторое время спустя у Попова, проезжавшего мимо дома Черных, сломалась телега, и он оставил колеса от телеги (одно «шинованное», другое простое), договорившись с Черных, что заберет колеса, когда отдаст долг. Однако вместо этого заявил в полицию о краже. В отношении Черных был составлен акт о краже им колес с телеги Попова. Мировой суд не принял во внимание жалобу Черных и осудил его на 4 месяца.

В 1902 г. в Томском губернском управлении рассматривалась жалоба крестьянина д. Топольной Солонешенской волости Бийского уезда Ф.Е. Данилова на полицейского сотского с. Черный Ануй Ф.Е. Степина. В этом селе заявитель 31 декабря 1900 г. продал муку инородцу И. Угрюмову, которая при пересыпании в мешок «оказалось внизу черной». Прибывший на ярмарку сотский Степин изъясил муку и передал на хранение инородческому старосте. Самого же Данилова арестовал и продержал до утра в сельской сборне, «о чем никакого постановления и протокола не составил и начальству не донес» [7, л. 5].

Формально в действиях сотского содержались признаки преступлений, предусмотренных ст. 338, 341 и 348 Уложения о наказаниях, однако производивший дознание пристав оправдал подчиненного следующим образом: «Отобрав от Данилова муку и заарестовав его он, сотский,

думал, что поступает в своем праве, хотя не может объяснить, в чем виноват Данилов, ибо мука была действительно пшеничной, без всяких примесей» [7, л. 7 об.]. В Бийском уездном полицейском управлении было принято во внимание, что убытков Данилову не причинено, мука возвращена, поэтому на основании п. I ст. 1088 Устава уголовного судопроизводства дело было передано в Томское губернское управление [7, л. 15 об.]. 13 декабря 1902 г. из Томска пришел ответ: «На сотского падает обвинение в отобрании у лавочника муки и в лишении его, в виде наказания, свободы без всяких достойных уважения причин и оснований, однако Губернское Управление, приняв во внимание, что инкриминируемые деяния совершены сотским исключительно по невежеству и вследствие недостаточного ознакомления с предоставленными ему по закону полномочиями – признает возможным не привлекать его к ответственности в судебном порядке, а ограничиться дисциплинарным взысканием» [7, л. 16 об.].

В том же 1902 г. михайловский волостной старшина Нечаев в мае 1902 г. направил рапорт бийскому уездному исправнику с просьбой о наложении мер взыскания «в пример протчим» в отношении полицейского сотского С.В. Андриянова и десятских М.М. Рыжих и М.И. Зезюкова. В праздник Пасхи, осматривая «в предостережение пожара» печные трубы в с. Михайловском, полицейские занялись сбором яиц, вымогая их у каждого домовладельца и угрожая в случае отказа «уронить трубу». Собранные таким образом яйца они продали, на вырученные деньги купили вино, после чего «их деятельность усилилась и они усилили сбор» [7, л. 232].

Проводивший первоначальное дознание пристав 3-го стана пришел к выводу, что «яйца собраны не путем вымогательства, а через добровольную подачу жителями, в силу ранее существовавшего в России обычая». С ним в целом согласился бийский уездный исправник, не усмотревший в действиях Андриянова, Рыжих и Зезюкова состава преступления, предусмотренного ст. 372 Уложения о наказаниях: «...названные должностные лица принимали подарки по крайнему своему невежеству и неразвитости, основываясь лишь на бывшем ранее обычае, нахожу возможным, предавая их суду, применить к ним примечание к ст. 69 Уложения о наказаниях, подвергнуть виновных административному взысканию – сделать замечание с разъяснением, что никаких подарков, хотя бы и по обычаю, они принимать не могут» [7, л. 236-236 об.].

¹ Дом, в котором собирался сельский сход и где чаще всего находилась каталажная, – помещение для арестантов.

В 1903 г. в канцелярию бийского уездного исправника поступил рапорт Алтайского волостного старшины о том, что в с. Алтайское у казенной винной лавки пьяный крестьянин Р. Щербинин ругался «площадной бранью» и нанес ему оскорбление. Возмущение должностного лица вызвал тот факт, что находившийся там же полицейский десятский Карпов «на Щербинина, нарушавшего своею скверноматерною бранью тишину и спокойствие в публичном месте не обратил вниманием; я предложил Карпову взять Щербинина и арестовать, но Карпов отказался, требуя от меня какое-то постановление, тогда как до вытрезвления Щербинина арестовать я могу своею властью, я потребовал от Карпова содействия, но он уклонился» [7, л. 241-241 об.].

Донося об этом, волостной старшина просил подвергнуть Карпова административному наказанию, однако проводивший дознание пристав 2-го стана не усмотрел никакого «бездействия» со стороны Карпова, который «подошел к Щербинину, взял последнего и хотел увести в волость, но Щербинин вскочил на козлы экипажа старшины и поехал с ним» [7, л. 242].

В августе 1905 г. в с. Шебалино полицейский десятский В.В. Шарабарин отказался принять под стражу задержанного по подозрению в краже лошади крестьянина И. Русякова, которого привел караульщик К.Я. Амов, заявив, что ехать с арестантом очередь десятника Я. Шадрина. Пока полицейские спорили, Русяков скрылся; его задержали только через три дня. Постановлением бийского уездного

исправника Иванченко за неисполнение обязанностей Шарабарин был подвергнут аресту при каталажной камере Алтайского волостного правления [8].

Несоблюдение служебной дисциплины и законности при исполнении служебных обязанностей чинами полиции вызывало озабоченность у современников. К примеру, автор «Мыслей о петербургской полиции», опубликованных еще в 1881 г., утверждал: «В нашей полиции, в отличие от всех полиций в Европе, вы почти не находили самостоятельного, по собственной инициативе служения полицейскому делу, служения по призванию, служения полицейскому нравственному долгу» [13]. Приведенный выше обзор позволяет сделать вывод, что основными причинами этого являлись низкий профессиональный уровень и небольшое жалование провинциальных полицейских, подталкивавшие их к злоупотреблениям, недостаточный надзор за местной полицией со стороны МВД и губернских учреждений, а также снисходительное отношение к нарушителям, что в ряде случаев позволяло им оставаться безнаказанными. Это отрицательным образом сказывалось на эффективности деятельности полиции и не способствовало успешной реализации ею правоохранительной функции государства. Предшествующий исторический опыт может быть востребован в настоящее время, когда в Российской Федерации реализуется комплекс мероприятий по построению современной и эффективной правоохранительной системы.

Литература

1. Борисов А. Новониколаевск. Оборотни в погонах // Вечерний Новосибирск. 2011. 10 июня.
2. Владимир Путин представил личному составу МВД нового руководителя – Владимира Колокольцева // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/15402> (дата обращения: 24.05.2015).
3. ГААК (Государственный архив Алтайского края). Ф. 77. Оп. 1. Д. 9. Л. 27.
4. ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 9. Л. 27-27 об., 32 об., 34.
5. ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4.
6. ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 51.
7. ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 259.
8. ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 338. Л. 40-40 об.
9. ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 544. Л. 176.
10. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 102. Оп. 109. Д. 75. Л. 103, 105-106.
11. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 112. Д. 194 (ч. 65).
12. Желтиков М. Откройте-с, полиция. Кого боялись преступники Новониколаевска // SibFace. 2012. Дек.
13. Жирнов Е. «Чины полиции пользуются не совсем хорошей репутацией» // Коммерсантъ-Власть. URL: <http://kommersant.ru/doc/1213401> (дата обращения: 10.07.2015).

14. Инзов И. Темная сторона начальника полиции // Городской портал: Новосибирск. URL: <http://gorodskoportal.ru/novosibirsk/news/society/9726868/> (дата обращения: 13.06.2015).
15. Кобелев А.И. На страже законов Державы. Барнаул, 2007.
16. Москвитин Ю.Н. Полиция Томской губернии в 1867-1917 гг. (устройство, численность и материальное обеспечение служащих). Барнаул, 2006.
17. Новониколаевск-Новосибирск. События. Люди. 1893-1993. Новосибирск, 1993.
18. Реент Ю.А. Общая и политическая полиция России (1900-1917). Рязань, 2001.
19. Сеницын В. Полицейстер Ново-Николаевска занимался рэкетом и «крышевал» сутенеров. URL: <http://sibkgray.ru/news/1/31645/> (дата обращения: 23.06.2015).
20. Сысоев А.А., Кожин А.В. Оперативно-розыскная деятельность сыскной полиции Восточной Сибири в ракурсе российского общественного мнения начала XX в. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/power/7.html#15 (дата обращения: 11.06.2015).
21. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Российское законодательство XIX-XX веков: в 9 т.; т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М., 1988.
22. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб., 1892.
23. Храпцов А.Б. Привлечение чинов полиции Томской губернии за противоправные действия к ответственности в 1914-1916 годах // Влада. Людина. Закон. 2013. № 2.
24. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1900. Т. XXIX.

УДК 351.74(571.15):343.91-053.2

Л.Я. Тарасова, канд. ист. наук

Барнаулский юридический институт МВД России

e-mail: lmila09@mail.ru

БОРЬБА АЛТАЙСКОЙ МИЛИЦИИ С ДЕТСКОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 ГГ.)

В статье автор выявляет особенности борьбы сотрудников милиции с детской преступностью в годы Великой Отечественной войны на территории Алтая, анализирует методы и формы борьбы с детской преступностью, а также раскрывает значение данного направления деятельности алтайской милиции для преодоления проблемы детской беспризорности и безнадзорности.

Ключевые слова: детская преступность, деятельность милиции, детская беспризорность и безнадзорность, трудовые воспитательные колонии, детские комнаты.

L.Ya. Tarasova, PhD. (Candidate of Historical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: lmila09@mail.ru

FIGHTING OF THE ALTAI POLICE AGAINST CHILD CRIMINALITY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)

The author reveals the features of police officers fighting against child criminality on the territory of Altai during the Great Patriotic War, analyzes methods and forms of fighting against child criminality and reveals the importance of this activity of Altai police to overcome the problem of child neglect.

Key words: child criminality, police activities, child neglect, labour colony, juvenile delinquents' departments.

В последнее время значительно возрос интерес к истории Великой Отечественной войны, в частности к истории борьбы с детской преступностью в указанный период. Анализ деятельности алтайской милиции показывает, что далеко не все направления изучены и представлены в научной литературе. Многие авторы отмечают, что борьба с детской преступностью велась наравне с борьбой с детской беспризорностью и безнадзорностью.

Однако хотелось бы заметить, что борьба с детской преступностью занимает особое место. С началом Великой Отечественной войны на Алтае произошла перестройка всех направлений деятельности на военный лад, в т.ч. и деятельности алтайской милиции. 23 июня состоялось заседание бюро партийной организации краевого управления милиции. Был заслушан и обсужден доклад начальника управления И.Ф. Воробьева «О работе партийной организации в условиях мобилизации и войны». 20 июля 1941 г. был

принят указ Президиума Верховного Совета СССР об объединении Народного комиссариата государственной безопасности СССР и Народного комиссариата внутренних дел СССР в единый Народный комиссариат внутренних дел. Данный указ позволил сосредоточить в одном органе все усилия, направленные на укрепление законности и охрану общественного порядка.

В годы Великой Отечественной войны преступность в несовершеннолетней среде возросла как в целом по стране, так и в Алтайском крае. Так, в СССР за 1941 г. беспризорными было совершено 3 976 преступлений, в 1942 г. – 7 367, в 1943 г. – 13 185, за 4 месяца 1944 г. – 5019, в 1945 г. – 5464 [2-6]. В Алтайском крае в 1941 г. несовершеннолетние совершили 5% от всех зарегистрированных преступлений, а в 1944 г. этот показатель увеличился до 11% [7]. В 1942-1943 гг. милицией с помощью общественности было задержано около 300 тыс. беспризорных подростков [13, с. 266]. В 1944 г. на Алтае заре-

гистрировано 1 044 преступления, совершенных подростками. За преступные деяния привлечено к уголовной ответственности 750 несовершеннолетних, в основном это беспризорные и безнадзорные дети. Лишь к концу войны наметился спад детской преступности в стране и регионе. В 1945 г. зарегистрировано всего 387 преступлений. К уголовной ответственности привлечено 369 несовершеннолетних [1, с. 11].

Главным в работе органов внутренних дел в годы Великой Отечественной войны было своевременное пресечение и предотвращение совершения преступлений несовершеннолетними. В реализации поставленных перед милицией задач широко применялся оперативный состав, участковые уполномоченные. Секретные данные агентуры использовались на выявление уголовных элементов, склонных к организации преступных групп среди несовершеннолетних. С 1943 г. отделениям по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью для увеличения эффективности борьбы с детской преступностью и усиления профилактических мер разрешалось вербовать секретных осведомителей с 15 лет [12, с. 352]. В военное время сотрудники НКВД периодически проводили облавы и проверки документов на рынках и вокзалах края. Всех задержанных подростков в поездах, на вокзалах и базарах подвергали санобработке и направляли в детские комнаты для выяснения их личности.

В 1941 г. по всей стране насчитывалось около 200 детских комнат, в 1943 г. их стало 745, а в 1945 г. уже выросло до 1 тыс. [11, с. 75]. С 1944 г. детские комнаты стали именоваться детскими комнатами милиции. Содержание детей в детской комнате милиции ограничивалось до 6 ч с момента доставления. Помещения, выделенные под комнаты милиции, были далеко не самые лучшие. Свыше 27% всех детских комнат милиции Советского Союза к маю 1944 г. размещались в непригодных для нормальной работы помещениях или совершенно не имели их [8]. В случае отсутствия детских комнат несовершеннолетних доставляли в дежурные комнаты отделений милиции. Известны случаи, когда задержанные дети содержались вместе со взрослыми уголовниками. В г. Рубцовске долгое время отсутствовали детские комнаты при отделениях милиции, и задержанных детей до выяснения их личности помещали в камеры предварительного задержания для взрослых. В Алтайском крае в 1945 г. действовало 5 детских комнат милиции в г. Барнауле, Бийске, Слав-

городе, Рубцовске, Ойрот-Тура. К работе в комнатах привлекались комсомольцы (269 человек) и педагоги (71 человек). В детских комнатах имелись детские игры и художественная литература для чтения [16].

Для усиления борьбы с детской преступностью на транспорте распоряжением СНК СССР от 17 мая 1943 г. для органов транспортной милиции выделялось 487 единиц старших инспекторов и инспекторов детских комнат. При линейных отделениях, оперативных пунктах железнодорожной милиции страны было открыто 228 детских комнат [10, с. 43].

Детские комнаты играли серьезную роль в борьбе с детской преступностью. Они находились под управлением Наркомата внутренних дел. В городской местности в основном работали с детьми помощники оперативного уполномоченного, а на селе – участковые уполномоченные. С 22 сентября 1942 г. повсеместно в детских комнатах появляются штатные должности старшего инспектора и помощника инспектора. В случае отсутствия закрепленного работника его обязанности временно мог выполнять дежурный по отделению милиции.

Дети задерживались за воровство, нищенство, торговлю, было арестовано 48 взрослых подстрекателей. Несовершеннолетние, задержанные за совершение серьезных уголовных преступлений, в детские комнаты не доставлялись, а направлялись в отделения по борьбе с преступлениями среди несовершеннолетних отдела уголовного розыска управления милиции.

Колонии для несовершеннолетних делились на трудовые и трудовые воспитательные. Последние отличались более либеральным режимом; нахождение в них не считалось судимостью, туда направлялись подростки, не совершившие злостных преступлений, для трудового перевоспитания. В трудовые воспитательные колонии направлялись воспитанники с более высоким образовательным уровнем. Для них предусматривалось усиленное питание и улучшенное вещевое довольствие. Во всех трудовых колониях страны на начало 1943 г. находилось 7 288 человек, на начало 1944 г. – 18 530, а на начало 1945 г. – 23 927. В трудовых воспитательных колониях на начало 1944 г. находилось 3 295 воспитанников, а на начало 1945 г. – 18 957 [9].

Согласно приказу начальника УНКВД Алтайского края № 1062 от 2 августа 1944 г. [14] в трудовые воспитательные колонии направлялись дети, задержанные за хулиганство, мелкие кражи и другие незначительные преступления.

Образовательный процесс являлся важным звеном в деятельности колоний для несовершеннолетних. Во всех детских колониях были организованы школы-семилетки. В 1944 г. в них обучались 92% воспитанников. Из них успешно завершили учебный год и были переведены в следующий класс 81% учеников. Подростки, вернувшиеся из трудовых воспитательных колоний и так и не ставшие на путь исправления, подлежали усиленному контролю со стороны милиции. На малолетних правонарушителей, склонных к бродяжничеству, побегам из дома, заводились регистрационные карточки. В карточках указывались мероприятия по исправлению взятого на учет несовершеннолетнего ребенка, а также отмечалось их выполнение [15]. К 1945 г. число задержанных значительно снизилось. Заметно улучшалась

профилактическая работа в среде подростков [16, 17].

Таким образом, борьба с детской преступностью в Алтайском крае в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) сотрудниками алтайской милиции велась регулярно. Использовались такие методы, как регулярные облавы, обходы, массовые проверки общественных мест, установление контроля над транспортными магистралями. Результаты данной борьбы были неоднозначны. С одной стороны, большая часть преступлений, совершенных несовершеннолетними, была раскрыта, число задержанных несовершеннолетних преступников снизилось. С другой стороны, недостаточная квалификация сотрудников алтайской милиции, обусловленная военным временем, стала одной из причин роста и высокогоря уровня преступности в военное время.

Литература

1. Афанасьев А.М. Милиция Алтая в годы войны (материалы для выступлений перед личным составом). Барнаул, 1975. 63 с.
2. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 9415. Оп. 3с. Д. 12а. Л. 41-43.
3. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3с. Д. 28а. Л. 14.
4. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3с. Д. 49. Л. 12, 13.
5. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3с. Д. 32а. Л. 19.
6. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5с. Д. 204. Л. 25, 25об.
7. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 12а. Л. 42.
8. ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 35. Л. 66.
9. ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 17. Л. 1-2.
10. Ермаков Е.Г. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941-1950 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 187 с.
11. История советской милиции: в 2 т. / под ред. Н.А. Щелокова. М., 1977. Т. 1. 126 с.
12. МВД России 1802-2002. Исторический очерк: в 2 т. / под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2002. Т. 2. 340 с.
13. Некрасов В.Ф., Борисов А.В. Органы и войска МВД России: краткий исторический очерк. М., 1996. 172 с.
14. ОРАИ ИЦ ГУ МВД по Алтайскому краю (Отдел реабилитации и архивной информации информационного центра ГУ МВД по Алтайскому краю). Ф. 2. Оп. 1. Д. 7а. Л. 83-85.
15. ОРАИ ИЦ ГУ МВД по Алтайскому краю. Ф. 8. Оп. 3. Д. 12. Л. 69.
16. ОРАИ ИЦ ГУ МВД по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 453. Л. 39.
17. ОРАИ ИЦ ГУ МВД по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 469. Л. 1.
18. Суверов Е.В., Тарасова Л.Я. Алтайская милиция в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (1941-1945 гг.): монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2014. 88 с.
19. Тарасова Л.Я. Деятельность государственных и общественных организаций по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Алтайском крае: 1941-1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013. 164 с.

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

УДК 342.7

Ю.В. Анохин, доктор юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России
e-mail: anohinuv@buimvd.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье представлена авторская позиция относительно давнего спора в юридической науке о соотношении категорий «обеспечение», «защита», «охрана», «реализация» применительно к правам и свободам личности.

Ключевые слова: обеспечение, защита, охрана, реализация прав и свобод личности.

Yu.V. Anokhin, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
e-mail: anohinuv@buimvd.ru

PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS: TERMINOLOGICAL ASPECT

The article presents the author's position regarding a long-standing dispute in legal science on the relation between the categories «enforcement», «protection», «security», «implementation» in relation to the human rights and freedoms.

Key words: enforcement, protection, security, implementation of human rights and freedoms.

Вопрос о том, что заложено в основу прав человека, никогда не решался однозначно. В связи с этим важно отметить, что в юридической литературе среди ученых-правоведов, в первую очередь, изучающих права человека, идет давний спор относительно соотношения ключевых категорий: «обеспечение», «реализация», «охрана» и «защита». Для нас содержательная сторона и соотношение указанных понятий имеют существенное значение. Поэтому в своем исследовании нам предстоит дать ответ на вопрос, являются ли эти категории составляющими одного и того же феномена правовой действительности или же, наоборот, они несовместимы и представляют разрозненные части единого механизма, имеющие различное предназначение.

Четкое разграничение рассматриваемых понятий необходимо в силу того, что немаловажное значение в юридической науке придается терминологии. Как мы полагаем, каждое из понятий должно иметь строго очерченное содержание. Поэтому так важно на первой ступени исследования проблемы правового регулирования уделить должное внимание терминологическому аспекту, что позволит свободно оперировать необходимыми понятиями.

Несмотря на некоторую лексическую и смысловую близость понятий указанных категорий, они имеют разное содержание. В данном случае, на наш взгляд, верны позиции А.С. Мордовца и других авторов, утверждающих, что их следует различать по сути, содержанию и форме [24, с. 88].

Базовой или, как указывает Л.А. Григорян, родовой [10, с. 13-14] выступает категория «обеспечение». Фундаментальное значение данного термина очевидно, хотя до последнего времени он не получил должного и широкого распространения. Большинство исследователей значение этого термина связывают с понятием «гарантии». Так, например, по мнению авторов учебного пособия «Правовое регулирование обеспечения прав человека при производстве следственных действий», термины «обеспечить» и «гарантировать» в соответствии с толкованием, данным в словарях, являются полными синонимами. Их значение сформулировано так: гарантировать – ручаться, обеспечивать, защищать; гарантия – ручательство, условие, обеспечивающее что-либо; обеспечить – предоставить средства, сделать действительным, оградить, охранить. Очевидно, считают авторы, обеспечить и гарантировать означает и создать условия, и предотвратить, и устранить неправомерные и создать правомерные препятствия, в т.ч. и охранить, защитить [13, с. 19-20].

В.Н. Витрук пишет: «Под обеспечением конституционных прав и свобод понимается система их гарантирования, т.е. система общих условий и специальных (юридических) средств, которые обеспечивают их правомерную реализацию, а в необходимых случаях их охрану» [18, с. 195-196]. Мы не возражаем против такого подхода, поскольку, действительно, одним из значений этого явления можно считать гарантирование. Однако следует иметь в виду, что термин «гарантия» может иметь и иное значение. Например, гарантировать – значит обещать, категорично утверждать, что взятое обязательство будет выполнено, провозглашать реально осуществимое. В этом смысле и особенно применительно к правам человека термин «обеспечение» имеет несколько расширительное понимание по сравнению с термином «гарантирование». По нашему мнению, значение этого термина заключается в подготовке, создании условий для реализации, охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина. К обеспечивающим относятся те «средства, при помощи которых определяются границы, пределы прав, их конкретизация, процессуальные формы их использования; меры стимулирования и др.» [6, с. 4], т.е. то, что предшествует воплощению их в реальность.

Таким образом, понятие «обеспечение» следует считать основной категорией, входящей в институт прав человека, т.к. без обеспечивательных мероприятий невозможны ни реализация, ни охрана, ни защита прав и свобод личности.

Обеспечение включает широкий комплекс мер законодательного, исполнительного и судебного характера. Соответственно, реализацию, охрану и защиту необходимо рассматривать не иначе, как формы выражения обеспечения прав и свобод личности.

Поэтому применительно к различному роду правовых предписаний вообще и к правам и свободам в частности «обеспечение» следует рассматривать в трех аспектах:

- во-первых, как создание предварительных условий, выражающихся в нормативном закреплении прав и свобод личности;
- во-вторых, как процесс охраны и защиты прав и свобод граждан;
- в-третьих, как итог, результат деятельности личности, государства и всего общества, выражающийся в фактической реализации прав и свобод личности.

На основании изложенного обеспечение также можно представить как деятельность по подготовке, предварительному созданию условий экономического, политического, социального, правового и иного характера, направленных на более полное воплощение прав и свобод личности.

Реализация как одна из ключевых форм выражения обеспечения прав и свобод личности предполагает их претворение в жизнь, воплощение в реальную действительность на основе правомерного поведения субъектов. Актуальность реализации прав и свобод личности в теоретическом и практическом плане состоит в том, что именно посредством своего осуществления права и свободы обретают действенность и реальность, обеспечивая тем самым их обладателям возможность удовлетворения различных потребностей и интересов.

Исходя из субъективного существования права, предоставляемое (разрешенное, допустимое), должное и запретное удовлетворение потребностей и интересов личности происходит в форме использования установленных в законодательстве правил поведения. Обычно, говоря о реализации прав и свобод, имеют в виду правомерную положительную деятельность, которая, как утверждают ученые, «...заключается в том, что гражданин как носитель этих прав и свобод осознает пределы его содержания, порядок реализации и другие необходимые условия, предусмотренные нормами права и другими социальными нормами, и превращает социальную возможность, закрепленную в конституционном праве или свободе, в действительность, т.е. определяет и направляет свои действия в рамках

этих норм, преследуя достижение правомерных целей реализации конституционного права или свободы» [16, с. 201-202].

Реализация прав и свобод личности происходит в процессе воплощения субъектами поведения предписаний правовых норм. Под реализацией права в самом широком смысле понимается его претворение в жизнь, реальное воплощение содержания юридических норм в фактическое поведение субъектов [2, с. 114]. Реализация прав и свобод личности есть не что иное, как практическая деятельность людей по осуществлению прав. Обладатель права его использует. При этом следует отметить, что соблюдение и исполнение как формы реализации права относятся к другим субъектам правоотношений, которые обеспечивают право на использование. Иными словами, это воплощение в поступках людей тех требований, которые в общей форме выражены в нормах права. Реализация прав и свобод личности есть непосредственный результат их обеспечения, конкретное проявление. Соответственно, люди реализуют свои права в форме использования (это выражается в осуществлении возможностей, вытекающих из дозволений). Здесь следует согласиться с позицией авторов, утверждающих, что реализация прав и свобод личности связана, прежде всего, с управомочивающими нормами. Именно управомочивающие, а не обязывающие и запрещающие нормы предоставляют обладателю прав и свобод возможность свободного выбора в отношении их использования. Личность самостоятельно принимает решение о том, когда, как, какими конкретно путями и средствами из законодательно предусмотренных реализовать свое право или свободу и нужна ли реализация вообще [17, с. 100-101].

От реализации прав и свобод личности следует отличать их охрану и защиту, т.к. они ее обеспечивают. Хотя эти категории зависимы и производны от реализации. В научной литературе многие авторы понятия «охрана» и «защита» рассматривают либо как тождественные [5, с. 95; 29, с. 77-92], либо «защита» понимается как более узкое понятие по сравнению с «охраной», либо каждое из них наделяется самостоятельным содержанием [9, с. 111; 20; 32, с. 11-15]. Объясняется это прежде всего тем, что законодатель использует оба термина в качестве понятия обеспечительной деятельности соблюдения прав человека, а также охраняемых законом интересов государства. Так, в ст. 2 и 45 Конституции Российской Федерации говорится о государственной защите прав и свобод человека и

гражданина, а в ст. 82 – об охране этих прав и свобод. Этимологически эти понятия, согласно словарю русского языка, рассматриваются как тождественные. В частности, в словаре сказано: «Защитить... охраняя, оградить от посягательств, опасности...» [26, с. 228].

Тесное единство и взаимную связь понятий «охрана прав» и «защита прав» неоднократно подчеркивал в своих работах Н.В. Витрук [7, с. 104-105; 14, с. 529; 23, с. 96-97; 27, с. 203-204]. Условно разъединяя охрану и защиту прав, он каждому из этих явлений дает определение. Так, по мнению автора, охрана – это деятельность, направленная на устранение препятствий в реализации прав и обязанностей, на борьбу с неисполнением обязанностей и злоупотреблением правом, на профилактику и предупреждение нарушений прав и обязанностей, а защита наступает тогда, когда есть неисполнение обязанности или злоупотребление правом, а также когда возникает препятствие к их осуществлению либо налицо спор о наличии самого права или обязанности [27, с. 203-204].

Необходимость в охране права или свободы, считает Н.В. Витрук, наступает, когда есть неисполнение обязанности или злоупотребление правом в процессе их реализации, а также когда возникает препятствие к их реализации либо налицо спор о наличии самого права или свободы [18, с. 202].

По мнению Б.Ю. Тихоновой, охрана прав – это совокупность различных взаимосвязанных между собой мер, осуществляемых органами государственной власти, общественными объединениями и направленными на предупреждение нарушений прав человека либо устранение препятствий, не являющихся правонарушениями, на пути осуществления прав и обязанностей [32, с. 11-20].

Полагаем, что не допустить нежелательные явления, способные повлечь нарушения прав человека, – важнейшее предназначение охраны в системе обеспечения прав и свобод личности. Охраняя права человека, государство и его органы, общественные объединения и граждане посредством комплекса действий, регламентированных правом, способствуют предотвращению проступков, нарушающих нормальное развитие отношений в обществе.

Следует отметить, что процесс охраны прав и свобод личности включает в себя такой важный компонент, как предупреждение нарушений прав граждан. Несмотря на то, что, казалось бы, предупреждение активно было подвержено исследованию в отечественной науке [12, 15, 22],

споры по-прежнему продолжаются. По мнению одних авторов, понятие «предупреждение» тождественно понятию «профилактика» [21, с. 239]; по мнению других, профилактика – это компонент процесса предупреждения правонарушений [1, с. 407]; третьи, наряду с профилактикой, в «предупреждение» включают в качестве его составляющих также «предотвращение» и «меры пресечения» [28, с. 80-90]; четвертые полагают, что «предупреждение» объединяет в себе как объективные предпосылки ликвидации правонарушений, так и субъективные факторы борьбы с ними, т.е. профилактику [15, с. 12].

В литературе существует позиция, согласно которой профилактика (предупреждение) правонарушений занимает самостоятельное место в системе обеспечения прав и свобод граждан [29, с. 12-15].

Вообще, предупреждение определяют как деятельность, направленную на выявление и устранение объективных внешних причин, порождающих нарушение прав и свобод граждан, и условий, способствующих их совершению [33, с. 5].

Наиболее предпочтительным при исследовании этого вопроса выглядит положение о том, что «предупреждение правонарушений выступает как позитивное воздействие объективных результатов развития общества и субъективной деятельности людей на причины существования правонарушений с целью устранения последних» [31, с. 24].

По нашему мнению, предупреждение следует рассматривать как меры позитивного воздействия со стороны общества, личности и государства, направленные на уведомление лиц, склонных к совершению правонарушений, отказаться от противоправной деятельности в целях обеспечения целостности прав и свобод граждан.

Таким образом, предупреждение следует рассматривать как составной элемент охраны прав и свобод граждан, осуществляемой государством, его органами и должностными лицами, а также общественными организациями, органами местного самоуправления и гражданами в тех случаях, когда деятельность субъектов не выходит за рамки правомерного поведения.

Еще одним способом охраны прав и свобод личности является предотвращение их нарушения. Предотвращение, на наш взгляд, – это деятельность позитивного характера, направленная на устранение опасности нарушения прав и свобод личности и таким образом обеспечивающая их охрану.

В целом мы считаем, что под охраной следует понимать меры, предпринимаемые уполномоченными на то субъектами и гражданами, направленные на предупреждение нарушений прав и свобод личности, устранение и предотвращение причин, их порождающих, и способствующие воплощению этих прав и свобод в жизнедеятельности граждан.

Защиту как форму обеспечения прав и свобод личности следует понимать в качестве направления правового воздействия, выраженного в своевременном реагировании на нарушение прав и свобод граждан в целях восстановления их первоначального состояния или предоставления соразмерной компенсации.

Наша точка зрения, по сути, совпадает с позицией тех авторов, которые считают, что под защитой следует понимать принудительный в отношении обязанного лица законный способ восстановления прав человека либо самим уполномоченным лицом, либо компетентным органом [32, с. 11-20; 8, с. 203]. Отметим одну важную особенность защиты. Специфическое назначение данной формы обеспечения прав человека заключается в том, что она проявляется лишь в случае совершения правонарушения и выражается в непосредственном применении юридических санкций к лицам, совершившим правонарушение. При этом восстановление прав и свобод граждан следует рассматривать как атрибут их защиты, т.к. здесь раскрывается гуманная природа права, а также оказывается содействие в раскрытии правонарушений и устранении причин, способствующих их совершению.

В.В. Копейчиков справедливо отмечает, что восстановление нарушенных субъективных прав, действия по их защите могут выражаться в различных вариантах: «возмещение потерпевшему ущерба в тех или иных формах, пресечение и запрет совершать впредь действия, нарушающие права граждан, и т.д.» [19, с. 15]. При этом следует дополнительно указать на то, что материальная форма возмещения ущерба должна сочетаться с моральной (принесение извинения, выступление в средствах массовой информации с опровержением неправомερных сведений, послуживших причиной нарушений прав и свобод граждан, и т.д.).

Исходя из того, что Конституцией Российской Федерации предусмотрен широкий спектр способов защиты прав и свобод личности: «...признание этих прав; восстановление положения, существующего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право; принуждение к исполнению обязанно-

сти в природе; прекращение или изменение правоотношения; взыскание с лица, нарушающего право, причиненных убытков», речь прежде всего идет о мерах по восстановлению нарушенного права. Приведенный перечень правоохранительных мер явно не является исчерпывающим, т.к. конституционные положения детализируются в отраслевом законодательстве, и, кроме прочего, государственная защита не исключает самостоятельных активных действий каждого гражданина по защите себя всеми способами, не запрещенными законом. В данном случае речь идет о самозащите, которая, по мнению И.Я. Дюрягина, представляет собой «применение самим управомоченным лицом предусмотренных законом мер для защиты своих прав или законных интересов от посягательств» [11, с. 86].

Право граждан на самозащиту было официально сформулировано в Итоговом документе Венской встречи представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Государства-участники Венской встречи выразили решимость «уважать право своих граждан, самостоятельно или совместно с другими вносить активный вклад в развитие и защиту прав человека и основных свобод» [25, с. 95].

Несмотря на то, что гражданину представлен широкий выбор возможностей самостоятельной защиты своих прав, его действия не должны выходить за рамки правил поведения, установленного в обществе.

Таким образом, защита представляет собой правомерную деятельность уполномоченных органов, а также граждан по пресечению правонарушений, восстановлению нарушенных прав и свобод, а также в целях вытеснения чуждых обществу противоправных явлений, нарушающих права человека.

В свою очередь, защита прав и свобод личности обеспечивается посредством таких способов, как:

а) материальный: конституционно-правовой; административно-правовой; уголовно-правовой; гражданско-правовой;

б) процессуальный: уголовно-процессуальный; гражданско-процессуальный.

Материальный способ представляет совокупность прав и обязанностей, которыми наделяется личность в целях восстановления нарушенных прав и свобод.

Процессуальный способ определяет порядок (процедуру) обеспечения нарушенных прав и свобод личности.

Существует в юридической литературе и иной подход, кардинально отличающийся от изложенного. Его авторы полагают, что «правоохрана – это прежде всего государственное принуждение, которое включает в себя такие элементы, как институт ответственности; институт защиты; институт предупреждения; институт процессуального обеспечения» [4, с. 12; 16, с. 65; 28, с. 58-60].

На основе анализа имеющихся в юридической литературе подходов, по нашему мнению, значение исследуемых терминов можно определить следующим образом. Под охраной следует понимать взаимосвязанные меры, осуществляемые государственными органами, общественными организациями и гражданами, направленные на предупреждение нарушений прав, устранение причин, их порождающих, и способствующие нормальному процессу реализации личностью своих прав и свобод. Защита предполагает принудительный способ осуществления права, применяемый в установленном законом порядке компетентными органами и гражданами в целях восстановления нарушенного права.

Исследуемые явления имеют единство и различия. Общее в них состоит в том, что в сфере деятельности охрана и защита являются составной частью правоприменительной деятельности государственных органов, у них единое общественное назначение и одна цель – создать нормальные условия жизнедеятельности человека.

Различия между охраной и защитой состоят в том, что:

– охрана прав осуществляется на основе всего комплекса социальных норм в целях ограждения от возможного нарушения;

– защита прав реализуется только через правовые нормы в целях восстановления нарушенного субъективного права.

Основные цели и сущность государства раскрываются в его реакции на нарушение провозглашенных им прав и свобод граждан. Реагирование государства, его органов и должностных лиц на нарушенное право гражданина выражается в форме мер по устранению нарушений и восстановлению нарушенного права, а также наказанию лиц, виновных в совершении правонарушений.

С правомерным поведением связываются все многообразные юридические последствия, кроме неблагоприятных. Так, в зависимости от конкретных условий и ряда обстоятельств (добросовестное выполнение служебных обязанностей, участие в общественной жизни коллектива и т.д.) лицо может претендовать на

получение материальных благ и мер социального стимулирования.

Правомерное поведение поддерживается государством. В законодательстве устанавливается ряд гарантий, обеспечивающих реализацию законных интересов граждан, их объединений и коллективов. Государство ставит своей целью также расширение реальных возможностей и дарований человека.

Признание поведения правомерным одновременно означает возможность защиты его со стороны государственных органов. Следует заметить, что права человека получают свое воплощение в результате их обеспечения специальной деятельностью государства. Поэтому реализация, охрана и защита прав и свобод граждан во многих случаях невозможна без деятельности уполномоченных на то субъектов по их обеспечению. Даже принадлежащие гражданину права с момента рождения,

например на жизнь, здоровье, свободу, т.е. неотъемлемые от него, не всегда могут быть им реализованы, если не будут обеспечены государством от их признания до воплощения в реальность.

Таким образом, можно предположить, что реализация, охрана и защита выступают непосредственными элементами обеспечения прав и свобод личности. Преимущественно они выражаются в действиях государства по созданию условий правомерной реализации прав и свобод личности, основанных на правомерном поведении субъектов, и в деятельности по предупреждению, пресечению неправомерных посягательств на права и свободы граждан, наказанию правонарушителей и возмещению ущерба в случае нарушения, а также создания условий по осуществлению гражданами активных, юридически значимых действий, направленных на защиту своих прав и свобод.

Литература

1. Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980.
2. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999.
3. Анохин Ю.В. Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007.
4. Ардашкин В.Д. К теории правоохранительного механизма // Известия вузов. Серия 11. Правоведение. 1989. С. 12.
5. Боброва Н.А. Гарантии реализации государственно-правовых норм. Воронеж, 1984.
6. Бутылин В.Н., Сидоров В.Г. Милиция в механизме реализации конституционных прав и свобод граждан. М., 1996.
7. Витрук Н.В. Процессуальные формы реализации и охраны прав и обязанностей граждан // Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под ред. П.Е. Недбайло, В.М. Горшенева. М., 1976. С. 104-105.
8. Витрук Н.В. Социально-правовой механизм реализации конституционных прав и свобод граждан // Социализм: Опыт. Проблемы. Перспективы. М., 1980. С. 203.
9. Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972.
10. Григорян Л.А. Конституция СССР – правовая основа организации и деятельности органов внутренних дел // Конституционно-правовые основы организации и деятельности органов внутренних дел: Труды Академии МВД СССР. М., 1982. С. 13-14.
11. Дюрягин И.Я. Гражданин и закон. М., 1989.
12. Жалинский А.Э. Специальное предупреждение преступлений в СССР (Вопросы теории). Львов, 1976.
13. Задерако В.Г., Волошкина Н.Н. Правовое регулирование обеспечения прав человека при производстве следственных действий. Ростов-н/Д., 2003.
14. Законность: понятие, защита и обеспечение // Общая теория права: курс лекций / под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 529.
15. Игошев К.Е., Остинов В.С. Введение в курс профилактики правонарушений. Горький, 1977.
16. Кожевников С.Н. Меры защиты в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1968.
17. Комаров С.А., Ростовщиков И.В. Личность. Права и свободы. Политическая система. СПб., 2002.
18. Конституционный статус личности в СССР / под ред. Н.В. Витрука, В.А. Масленникова, Б.Н. Топорнина. М.: Юрид. лит. 1980.

19. Копейчиков В.В. Реализация субъективных прав граждан // Советское государство и право. 1984. № 3. С. 15.
20. Корешкова И.Н. Конституционные права и свободы советских граждан и их развитие в текущем законодательстве: автореф. дис ... канд. юрид. наук. М., 1981.
21. Кудрявцев В.Н. Право как элемент культуры // Право и власть. М., 1990.
22. Марцев А.И. Теоретические вопросы общего и специального предупреждения преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1975.
23. Механизм реализации политических прав и свобод советских граждан // Советское государство в условиях развитого социалистического общества. М., 1978. С. 96-97.
24. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов: СВШ МВД России, 1996.
25. Общая теория прав человека / под ред. Е.А. Лукашевой. М., 1996.
26. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1989.
27. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979.
28. Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985.
29. Ростовщиков И.В. Права и свободы личности в СССР и роль органов внутренних дел в их обеспечении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984.
30. Ростовщиков И.В. Права личности в России: их обеспечение и защита. Волгоград, 1997.
31. Стремouxов А.В. Человек и его правовая защита: теоретические проблемы. СПб., 1996.
32. Тихонова Б.Ю. Субъективные права советских граждан, их охрана и защита: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972.
33. Токарев А.Ф. Общее предупреждение преступлений в деятельности органов внутренних дел. М., 1995.

УДК 341.123

П.Г. Зверев, канд. юрид. наук

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

ПРИМЕНИМОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

*Статья посвящена проблеме применимости международного гуманитарного права к деятельности региональных организаций, в частности ООН. Автор подробно останавливается на применимости *ratione personae*, опираясь на прецеденты, доктринальные воззрения и основополагающие источники международного гуманитарного права.*

Ключевые слова: ООН, международное гуманитарное право, применимость, международные организации.

*P.G. Zverev, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

APPLICABILITY OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW TO THE ACTIVITIES OF UNITED NATIONS

*The article deals with the applicability of international humanitarian law to the activities of regional organizations, particularly UN. The author dwells on the applicability *ratione personae*, basing on precedents, doctrinal opinions and fundamental sources of international humanitarian law.*

Key words: UN, international humanitarian law, applicability, international organizations.

В то время, когда принимались первые международные договоры, ограничивающие ведение войны, вооруженными силами обладали только государства, только они были в состоянии вести военные действия. Соответственно, они были единственными субъектами сначала обычного, а затем и договорного международного гуманитарного права. Впоследствии с принятием Женевских конвенций 1949 г. нормы гуманитарного права распространили свое действие на новые субъекты – всех тех, кто принимал участие в «вооруженных конфликтах немеждународного характера» (ст. 3, общая для Женевских конвенций 1949 г.). Спустя годы вмешательство вооруженных сил под командованием международных организаций, в особенности Организации Объединенных Наций (далее – ООН, Организация), послужило основой для возникновения вопроса по поводу применимости норм указанной отрасли международного права в таких ситуациях.

Данный вопрос затрагивает две проблемы. С субъективной точки зрения – может ли ООН, равно как и другие международные организации, быть связана правами и обязанностями,

предусмотренными нормами международного гуманитарного права? С объективной точки зрения – в какой мере операции, проводимые международными организациями, подпадают под действие его норм?

Применимость *ratione personae* международного гуманитарного права к деятельности международных организаций

Первый вопрос заключается в том, обладают ли международные организации способностью быть связанными нормами международного гуманитарного права, которая зависит от характера и объема международной правосубъектности этих органов. Соответствующее прецедентное право и научные труды на эту тему в основном касаются ООН. Однако рассуждения, затрагивающие Всемирную организацию, являются справедливыми и в отношении ее региональных партнеров.

*О способности международных организаций
быть связанными международным
гуманитарным правом. Прецедентное право*

В консультативном заключении от 11 апреля 1949 г. по делу о возмещении за ущерб, по-

несенный на службе ООН, Международный Суд ответил на этот вопрос лишь частично. Суд сделал предварительное замечание о том, что ООН «обладает одновременно значительной степенью правосубъектности и способностью действовать в международной плоскости» [14, р. 179]. Суд подчеркнул также, что ООН не смогла бы реализовать намерения своих учредителей, если бы была лишена международной правосубъектности. Подписывая в 1945 г. Устав Организации, государства выразили намерение предоставить ей все возможности, необходимые для достижения ее целей и осуществления ее функций [14, р. 179]. В действительности перед ООН были поставлены широкие задачи, не зависящие от полномочий ее государств-членов. Так, Организация имеет право принимать меры в целях поддержания мира, включая создание «армии ООН» в соответствии со ст. 43 ее Устава. Кроме того, она обладает правом заключения соглашений об опеке и контроля над их соблюдением силами административного органа. Для выполнения таких задач ООН должна обладать правосубъектностью, отличной от правосубъектности ее членов, которую она проявляет при помощи собственных функциональных органов. Таким образом, Суд пришел к выводу о том, что Организация обладает способностью иметь международные права и выполнять международные обязанности [14, р. 179].

Правосубъектность ООН не включает весь спектр прав и обязанностей, признаваемых международным правом, ограничиваясь теми из них, которые необходимы для достижения целей и выполнения функций, изложенных в учредительном акте Организации [1, с. 19]. Цели и функции могут быть косвенно выведены из учредительного акта (имплицитные полномочия) или вытекать из сложившейся практики [14, р. 179; 15, р. 158]. Таким образом, для определения норм международного права, применимых к ООН *ratione personae*, необходимо обращаться к ее целям и функциям [11, para. 25].

В практической плоскости ООН может быть связана нормами международного гуманитарного права, т.е. обладает субъективными правами. Учитывая, что в соответствии с ее целями (ст. 1 (1) Устава ООН – поддержание международного мира и безопасности) [10, р. 31; 20, р. 49] и функциями (ст. 42 Устава – способность применять военную силу) [6, р. 705; 7, р. 628] ООН, скорее всего, будет вовлечена в столкновения, достигающие уровня вооруженного конфликта,

напрашивается вывод о том, что право, регулирующее такого рода ситуации, применимо к Организации [4, р. 191]. Субъективное право Организации следует оценивать абстрактным образом, т.е. вполне достаточно презумпции того, что ООН *может* быть вовлечена в вооруженный конфликт. Другими словами, основное право использования вооруженных сил влечет за собой субъективную возможность быть связанным нормами международного гуманитарного права [9, р. 27].

Правоспособность других международных организаций

Вопрос субъективной способности иных международных организаций (особенно региональных) быть связанными нормами международного гуманитарного права не представляет никакой принципиальной разницы. Подобно ООН, такие организации могут в соответствии с целями и функциями, изложенными в их учредительных документах, развертывать вооруженные силы, поэтому применимость рассматриваемых норм по отношению к ним также должна признаваться [5, р. 208].

Таким образом, в результате обращения к вооруженной силе возникает *ratione personae* способность быть связанным нормами международного гуманитарного права. Такое правомочие может быть прямо зафиксировано в учредительных документах организации либо выясняется имплицитно по мере необходимости осуществления функций, относящихся к компетенции организации, или достижения ее целей [14, р. 178]. Другими словами, международное гуманитарное право будет применяться сообразно тому субъективному праву, которое имеет та или иная универсальная или региональная международная организация в деле внесения вклада в поддержание международного мира и безопасности путем участия в военных действиях в силу ли своего устава или на основе практики, принятой его государствами-членами.

Источники международного гуманитарного права, применимого к деятельности международных организаций

Установив принцип применимости *ratione personae* международного гуманитарного права к международным организациям, мы приходим к необходимости определения конкретных норм, применимых к рассматриваемым вооруженным силам. В этой связи ученые-международники разработали несколько теорий, основанных на нормах обычного или договорного права. Особый интерес представляет

вопрос об источниках права, применимого к силам международной организации. Целесообразно начать его рассмотрение с общих теоретических аспектов, основанных на нормах Устава ООН, после чего исследование должно плавно перейти в русло постоянно совершенствующейся практики.

Вопреки бытующему мнению, военные операции ООН развивались не в правовом вакууме, а в рамках механизмов, предусмотренных Уставом Организации. В частности, если такие операции носят принудительный характер, их правовая основа заключена в гл. VII Устава. Также им может быть передан миротворческий мандат без права применения силы, за исключением ситуаций самообороны. В таких случаях их мандат опирается на практику ООН, которая, в свою очередь, основывается на гл. VI Устава, и неписаное (обычное) право, проистекающее из наиболее значимых прецедентов. В принципе такие операции проводятся под командованием ООН, хотя ответственность за их проведение также может возлагаться на государства. Наконец, право их проведения может быть делегировано региональным организациям в соответствии с гл. VIII Устава ООН. Указанные рамки не ограничиваются определением юридических параметров применения вооруженных сил в международных отношениях, но и определяют характер норм, применимых к любым боевым действиям. Действительно, Устав закрепляет полномочие Организации по поддержанию международного мира и безопасности (ч. 1 ст. 1), связывая его с обязательством поощрять и развивать уважение к правам человека и основным свободам для всех (ч. 3 ст. 1). Однако *lex specialis*, соединяющий воедино обе указанные цели, представляет собой международное гуманитарное право, которое и содержит нормы по защите человека во время войны. Таким образом, неизбежно возникло бы нарушение баланса, предусмотренного Уставом ООН, если бы международный мир и безопасность поддерживались без одновременного признания того, что силы, выполняющие эту миссию, являются объектом международного гуманитарного права. Данный вывод касается как сил ООН, так и сил других международных организаций. Хотя региональные организации формально не являются частью системы ООН, нормы Устава ООН являются источником санкционирования применения ими военной силы [18, р. 324]. В большинстве случаев их мандат явным образом основан на резолюции Совета Безопасности

ООН. Однако в любом случае ст. 53(1) Устава сохраняет приоритет Совета Безопасности ООН, предусмотрев, что «никакие принудительные действия не предпринимаются, в силу этих региональных соглашений или региональными органами, без полномочий от Совета Безопасности». Таким образом, участвуя в глобальной системе поддержания международного мира и безопасности путем предоставления военных ресурсов, они также соглашаются соблюдать все международно-правовые нормы, в т.ч. относящиеся к *jus in bello*.

Все эти соображения, которые в целом применимы ко всем международным организациям, обладающим военной мощью, в случае ООН подтверждаются соответствующей практикой.

Приверженность Организации к уважению норм международного гуманитарного права развивалась на протяжении десятилетий [8, р. 73]. Поначалу ООН указывала на значимость данной отрасли права путем регулярного признания того, что войска, развернутые под эгидой Организации, должны уважать принципы и дух общих международных конвенций, применимых к поведению военного персонала. Это обязательство было включено в целый ряд разработанных ООН военных правил применения силы (*rules of engagement, ROE*) (например, UNEF Regulations, ST/SGB/UNEF/1 [1957], Art. 44; ONUC Regulations, ST/SGB/ONUC/1 [1960], Art. 43; UNFICYP regulations, ST/SGB/UNFICYP/1 [1964], Art. 40 [2]), ставших моделью, которая служит основой для заключения соглашений между ООН и ее государствами-членами, участвующими в миротворческих операциях [12, para. 28], а также вошедших в Модельное соглашение о статусе сил (SOFA). Последнее определяет отношения между ООН и государством, на территории которого действуют силы Организации [13]. Впоследствии, согласившись оформить данное обязательство в ряде других контекстов [18, р. 407], ООН показала, что ее готовность соблюдать принципы и дух договорного международного гуманитарного права основана на устоявшейся к тому моменту практике.

Возникает вопрос, ограничивается ли данное обязательство только нормами обычного международного гуманитарного права, как полагают некоторые исследователи [17, р. 187, 196], или же распространяется на более широкий круг норм международного права. Думается, что все зависит от того, какой смысл вкладывается ООН в выражение «принципы и дух общих международных конвенций, приме-

нимых к поведению ее персонала». В этой связи П. Бенвенути напоминает, что цель этой общей формулы состояла в реагировании на конкретные практические проблемы, возникающие в рамках каждой операции [3, р. 116]. В то же время, чтобы быть завершённой, формула требовала конкретизации для формирования четкого нормативного инструментария, отвечающего практическим потребностям.

По мнению ряда ученых, такая конкретизация должна основываться на обычно-правовых нормах [16, р. 527; 17, р. 196]. Например, еще в 1984 г. Д. Шиндлер отстаивал позицию о том, что «не подлежит сомнению тот факт, что Организация Объединенных Наций обязана соблюдать обычные нормы МГП, будучи вовлеченной в военные действия» [16, р. 526]. Однако обычное право является не единственным источником и в любом случае обладает не самыми серьезными практическими характеристиками ввиду явной неопределенности относительно его конкретного содержания. Как показывают исследования Международного комитета Красного Креста в данной области, в отсутствие однозначной практики зачастую очень трудно установить точные нормы [9, р. 54]. Поэтому, как правило, требуется обращение к договорному гуманитарному праву с целью нахождения норм, способных оперативно разъяснить содержание «принципа и духа» международного гуманитарного права, которое ООН согласилась соблюдать. Сама Организация подтверждает данный подход, указывая на то, что ее общая приверженность распространяется на четыре Женевские конвенции 1949 г., Дополнительные протоколы к ним 1977 г. и Конвенцию ЮНЕСКО от 14 мая 1954 г. «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» [12, para. 28].

Очевидно, цель выражения «принципы и дух» не состоит в том, чтобы ограничить сферу применимого права до обычного международного права. Скорее, оно служит напоминанием о том, что договорное гуманитарное право разрабатывалось для применения только в отношении государств, и, соответственно, некоторые его нормы не подходят для конкретной структуры международных организаций [5, р. 203]. Данное выражение не означает принципиального возражения применимости конвенций по гуманитарному праву, но напоминает о необходимости более требовательного подхода. Необходим баланс между невключением слишком большого количества норм, с учетом практических возможностей Организации, и неисключением тех

положений, которыми должны быть связаны силы ООН. Это и будет явным применением принципа того, что никто не обязан делать невозможное.

Это относится как к ООН, так и к другим субъектам международного права. Организация не может быть принуждена исполнять те обязательства, которые, в отличие от государства, оно физически неспособно исполнять (например, ввиду отсутствия территории). Вместо того чтобы пытаться перечислить одно за другим все потенциально проблемные положения, было найдено более простое и удобное решение в виде гибкой формулы «принципы и дух». Таким образом, международное гуманитарное право применимо постольку, поскольку оно дает конкретное воплощение формуле «принципы и дух» и поскольку конкретные положения его договоров могут по существу применяться к силам международной организации.

Такое расширенное толкование «принципов и духа» конвенций по международному гуманитарному праву подтверждается современной практикой. Несколько важных документов вышли за рамки традиционного взвешенного подхода и выразили более широкое признание международного гуманитарного права. Поэтому сегодня совершенно очевидно, что источники права, применимого к международным силам, могут быть как обычными, так и договорными.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о позиции ООН относительно применимости международного гуманитарного права к международным организациям и, в частности, к ее собственным силам. Практика последнего времени показывает, что Организация решительно отказалась от ранее занимаемой осторожной и, по сути, неопределенной позиции, в рамках которой считала себя связанной только принципами и духом конвенций по международному гуманитарному праву. Нынешняя дискуссия более не касается применимости международного гуманитарного права как таковой, но строится вокруг вопросов адаптации отдельных его норм к конкретным элементам международных организаций. Безусловно, данный процесс требует юридической детализации, первый шаг на пути к которой был сделан еще в 1999 г. в Бюллетене Генерального секретаря ООН. Сегодня этот процесс должен быть продолжен в целях решения тех проблем, которые пока еще остаются неразрешенными [9, р. 20].

Литература

1. Галиев Р.С. К вопросу о юридической природе обязанности государств сотрудничать в борьбе с морским пиратством // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 6. С. 18-20.
2. Basic Documents on United Nations and Related Peace-Keeping Forces / R.C.R. Siekmann (Ed.). 2nd ed. Dordrecht; Boston; London, 1989.
3. Benvenuti P. The Implementation of International Humanitarian Law in the Framework of UN Peace-Keeping // Law in Humanitarian Crises: How Can International Humanitarian Law Be Made Effective in Armed Conflicts? Luxembourg, CE, 1995.
4. Bothe M. Le droit de la guerre et les Nations Unies. Genève, 1967.
5. David E. Principes de droit des conflits armés. Bruxelles: Bruylant, 2002.
6. Fischer G. Art. 42 // Cot J.-P., Pellet A. (Eds.) La Charte des Nations Unies – Commentaire article par article. Paris: Economica, 1991.
7. Frowein J.A. Art. 42 // The Charter of the United Nations – A Commentary / B. Simma (Ed.). 2 ed. Oxford: University Press, 2002.
8. Glick R.D. LIP Service to the Laws of War: Humanitarian Law and United Nations Forces // Michigan Journal of International Law. 1995. Vol. 17.
9. Kolb R. Droit humanitaire et opérations de paix internationales. Bâle / Bruxelles, Helbing & Lichtenhahn / Bruylant, 2002.
10. Lachs M. Art. para. 1 // Cot J.-P., Pellet A. (Eds.) La Charte des Nations Unies – Commentaire article par article. Paris: Economica, 1991.
11. Legality of the use of nuclear weapons. Advisory Opinion, International Court of Justice Report, 8 July 1996.
12. Model Agreement between the United Nations and Member States contributing personnel and equipment to the United Nations peace-keeping operations, UN Doc. A/46/185, 23 May 1991.
13. Model Status of Forces Agreement (SOFA) between the United Nations and the State on whose territory United Nations Forces are deployed, UN Doc. A/45/594, 9 October 1990.
14. Reparation for injuries suffered in the service of the United Nations. Advisory Opinion, International Court of Justice Report, 11 April 1949.
15. Schemers H.G., Blokker N.M. International Institutional Law. 3rd ed. The Hague – Boston – London, 1999.
16. Schindler D. United Nations Forces and International Humanitarian Law // Mélanges Pictet / C. Swinarski (Ed.). Genève / La Haye: CICR / Nijhoff, 1984.
17. Seyersted F. United Nations Forces in the Law of Peace and War. Leyden, 1966.
18. Shraga D. UN Peacekeeping Operations: Applicability of International Humanitarian Law and Responsibility for Operations-Related Damages // American Journal of International Law. 2000. Vol. 94.
19. Villani U. Les rapports entre l'ONU et les organisations régionales dans le domaine du maintien de la paix // Recueil des Cours de l'Académie de Droit International. 2001. Vol. 290.
20. Wolfrum R. Art. 1 // The Charter of the United Nations – A Commentary / B. Simma (Ed.). 2 ed. Oxford: University Press, 2002.

УДК 342

Р.А. Каламкарян, доктор юрид. наук, профессор

Институт государства и права РАН;

Р.С. Галиев, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: galiev.barnaul@gmail.com

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПРИНЯТИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В представленной работе анализируется порядок принятия Республики Крым и города федерального значения Севастополь в состав Российской Федерации с позиции норм конституционного права.

Ключевые слова: референдум, сецессия, принятие новых субъектов Российской Федерации, Крым, постановление Конституционного Суда Российской Федерации.

R.A. Kalamkaryan, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;

R.S. Galiev, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: galiev.barnaul@gmail.com

CONSTITUTIONAL LEGAL ASSESSMENT OF THE REPUBLIC OF CRIMEA ADOPTION AS PART OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyses accession procedure of Republic of Crimea and the city of federal significance Sevastopol as part of the Russian Federation from the perspective of constitutional law standards.

Key words: referendum, secession, accession of new territorial entity of the Russian Federation, Crimea, Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Принятие в 2014 г. Республики Крым и города федерального значения Севастополь в состав Российской Федерации является одно-значно самым значимым событием 2014 г. и весьма значимым для российской истории в целом. Данное событие требует правовой оценки; в представленной статье будет проведен неполитизированный, объективный, конституционно-правовой анализ принятия Республики Крым в состав Российской Федерации. Однако стоит отметить, что в представленном материале мы не будем затрагивать вопросы международно-правовой оценки сецессии Крымского полуострова, в т.ч. и актуальный вопрос о соотношении принципов международного права, этот вопрос будет рассмотрен в следующей публикации, предметом настоящей статьи является именно конституционно-правовая оценка произошедшего события.

Следует отметить, что исторически Крым долгое время был в составе России. 8 (19) апреля 1783 г. российская императрица Екатерина II подписала Манифест «О присоединении Крымского полуострова, острова Тамани с всея Кубанской стороны к России» [3, с. 328]. И на протяжении 171 года Крым находился в составе нашей страны. Но в 1954 г. органами государственной власти СССР, РСФСР и УССР были приняты документы о выходе Крымской области из состава РСФСР и передаче ее в Украинскую ССР. Как справедливо отмечает А.В. Федоров, приведенные в документах основания передачи выглядят весьма расплывчато, а само решение о передаче – недальновидным и безответственным [13, с. 8]. На сегодняшний день, по нашему мнению, историческая справедливость восторжествовала.

В связи с обострением политической ситуации на Украине в марте 2014 г. парламент Авто-

номной Республики Крым принял решение о проведении референдума, на который выносился вопрос о присоединении АР Крым к Российской Федерации. С одной стороны, Конституция Украины вопросы о территориальной целостности относит исключительно к всеукраинскому референдуму (ст. 73 КУ), а в полномочия Автономной Республики Крым входит назначение лишь местных референдумов (ст. 138 КУ). Так законодатель стремился защитить провозглашенный в ст. 132 принцип единства и целостности государства. Однако фактически при закреплении таких положений, а именно запрета на вынесение вопроса об изменении территории государства, нарушается принцип международного права на самоопределение народов, закрепленный в Декларации о принципах международного права 1970 г.: «Создание, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, а также установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, является формами осуществления права на самоопределение». Кроме того, следует отметить, что свое отношение к высшему Закону Украины как представители действующей нелегитимной власти Украины, так и многие западные политики проявили еще 22 февраля 2014 г., когда легитимного президента Украины В. Януковича сместили с должности в нарушение норм Конституции Украины.

Согласно положениям Федерального конституционного закона от 17.12.2001 № 6-ФКЗ (ред. от 31.10.2005) «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» [7] (далее – Закон, Закон «О принятии») принятие в Российскую Федерацию нового субъекта – процедура, предусматривающая изменение состава субъектов Российской Федерации в результате присоединения к Российской Федерации иностранного государства или его части.

11 марта 2014 г. Верховным Советом Автономной Республики Крым и Севастопольским городским советом была принята Декларация о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя, которая содержала в себе следующее положение: «В случае если в результате предстоящего 16 марта 2014 года прямого волеизъявления народов Крыма будет принято решение о вхождении Крыма, включая Автономную Республику Крым и город Севастополь, в состав России, Крым после референдума будет объявлен независимым и суверенным государством с республиканской формой правления». По результатам проведенного референдума,

96,77% избирателей отдали свои голоса за присоединение Крыма к Российской Федерации. Всего в голосовании приняли участие 1 274 096 человек, что составляет 83,11% от общего числа зарегистрированных избирателей.

17 марта на внеочередном пленарном заседании Парламента Крыма было принято постановление «О независимости Крыма», в соответствии с которым Крым провозглашен независимым суверенным государством – Республикой Крым, в котором г. Севастополь имеет особый статус.

В связи с этим мы можем говорить о том, что первое из условий принятия в Российскую Федерацию (а именно то, что в качестве нового субъекта в Российскую Федерацию может быть принято иностранное государство или его часть (ч. 1 ст. 4 Закона «О принятии»)) соблюдено, в т.ч. путем признания независимости Республики Крым со стороны Российской Федерации [8].

Следующим условием принятия в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства или его части является взаимное согласие Российской Федерации и данного иностранного государства в соответствии с международным договором о принятии в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства или его части, заключенным Российской Федерацией с данным иностранным государством.

Важно отметить, что в соответствии с Законом «О принятии» инициатором предложения о принятии в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства и заключении международного договора была Республика Крым; власти Крыма обратились к России с предложением о принятии Республики Крым в состав Российской Федерации в качестве нового субъекта со статусом республики.

18 марта в Кремле был подписан соответствующий международный договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов. Его подписали Президент России Владимир Путин, председатель Совета министров Крыма Сергей Аксенов, председатель Государственного Совета Республики Крым Владимир Константинов и председатель Координационного совета Севастопольского городского управления по обеспечению жизнедеятельности города Алексей Чалый.

В соответствии с Законом «О принятии» (ч. 1 ст. 7) данным договором были урегулированы

вопросы о наименовании и статусе нового субъекта Российской Федерации; о порядке приобретения гражданства Российской Федерации гражданами иностранного государства и распространения на них в полном объеме правового статуса гражданина Российской Федерации; о действии законодательства Российской Федерации на территории нового субъекта Российской Федерации; о функционировании органов государственной власти и органов местного самоуправления иностранного государства на территории нового субъекта Российской Федерации.

Согласно Закону «О принятии» (ч. 4 ст. 7) после подписания международного договора Президент Российской Федерации обращается в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке соответствия данного международного договора Конституции Российской Федерации.

19 марта Конституционный Суд Российской Федерации признал не вступивший в силу международный договор соответствующим Конституции Российской Федерации, после чего В. Путин в соответствии с ч. 1 ст. 8 Закона внес указанный международный договор в Государственную Думу на ратификацию в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О международных договорах Российской Федерации» [6].

Существует мнение, что Конституционный Суд в данной ситуации повел себя «неконституционно», допустив множество нарушений в процедурной составляющей рассмотрения дела (недопустимость принятия к проверке запроса о конституционности подлежащего ратификации международного договора; нарушения процедуры рассмотрения; несоблюдение пределов предмета проверки; противоречие законодательству условия о вступлении договора в силу в момент его подписания; противоречие собственным правовым позициям, изложенным в иных решениях Суда и т.д.). Подобного мнения придерживается, например, профессор Е.А. Лукьянова [5].

Однако, как справедливо отметил профессор В.Д. Зорькин, подобными заявлениями проводятся попытки лишить Конституционный Суд России права на толкование Конституции и международных норм в соответствии с их духом, а также уличить Конституционный Суд в нарушениях конституционной «буквы», выводя «за скобки» весь контекст событий, происходящих в тот момент на Украине и в Крыму [2]. Более того, в самом решении Конституционный Суд содержательно и убедительно обосновал свой вердикт в отношении интерпретации при-

меняемых норм [12], представив удачный симбиоз естественно- и позитивно-правового подхода в толковании права.

20 марта Государственная Дума Российской Федерации ратифицировала Договор о вхождении Крыма и Севастополя в качестве новых субъектов в состав Российской Федерации [10]. В поддержку документа высказались 445 депутатов, против – 1, воздержавшихся не было.

Одновременно с международным договором в Государственную Думу вносится проект федерального конституционного закона о принятии в Российскую Федерацию нового субъекта (ч. 2 ст. 8 Закона «О принятии»).

21 марта был принят Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [9].

Следует отметить, что обращают на себя внимание положения договора и названных законов о присвоении Севастополю статуса города федерального значения, поскольку согласно ч. 3 ст. 4 Закона «О принятии» в случае принятия в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта части иностранного государства этому субъекту предоставляется статус республики, края, области, автономной области или автономного округа в соответствии с международным договором.

Имеющаяся некоторая правовая коллизия, связанная с отсутствием в Законе «О принятии» возможности присвоения вновь принимаемому субъекту Российской Федерации статуса города федерального значения, является несовершенством самого Закона. Это объяснимо тем, что в начале 2000-х гг., когда данный Закон принимался, законодатель не предполагал, что помимо г. Москвы и г. Санкт-Петербурга в составе Российской Федерации могут появиться другие города федерального значения [1, с. 42].

Стоит согласиться с мнением И.В. Лексина, полагающего, что перечисленные в ст. 4 Закона конституционно-правовые статусы для пожелавших войти в состав Российской Федерации иностранных государств или их территорий (республика, край, область, автономная область, автономный округ), во-первых, подчеркивают статусное неравенство субъектов Федерации, во-вторых, игнорируют «существование за рубежом населенных пунктов, могущих претендовать на статус городов федерального значения» [4, с. 315].

Кроме того, необходимо обратить внимание, что в результате заключения одного международного договора было образовано два новых субъекта Российской Федерации, что на первый взгляд не соответствует требованиям законодательства.

Как отмечалось выше, Законом «О принятии» установлено, что принятие в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства или его части осуществляется по взаимному согласию Российской Федерации и данного иностранного государства (его части) в соответствии с международным договором, заключенным Российской Федерацией с данным иностранным государством. Из смысла указанного Закона следует,

что каждый новый субъект должен быть принят по отдельному международному договору, заключенному между Российской Федерацией и иностранным государством. Тем не менее следует учесть, что г. Севастополь является частью Республики Крым, соответственно, заключения отдельного международного договора на принятие его как части иностранного государства не требуется.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что все условия принятия в Российскую Федерацию в качестве новых субъектов федерации Республики Крым и города федерального значения Севастополя соблюдены. Сама процедура принятия новых субъектов полностью соответствует нормам конституционного права.

Литература

1. Евдокимов В.Б., Тухватуллин Т.А. Принятие Республики Крым и города Севастополя в состав Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 5. С. 37-42.
2. Зорькин В.Д. Право и только право // Российская газета. 2015. 24 марта. № 6631 (60).
3. Ключевский В. Русская история. Полный курс лекций. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2002. Т. 3. 592 с.
4. Лексин И.В. Территориальное устройство России: конституционно-правовые проблемы. М., 2014. 432 с.
5. Лукьянова Е. О праве налево // Новая газета. 2015. 19 марта. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/67715.html> (дата обращения: 20.05.2015).
6. О международных договорах Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный конституционный закон от 17.12.2001 № 6-ФКЗ (ред. от 31.10.2005). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О признании Республики Крым: указ Президента Российской Федерации от 17.03.2014 № 147 // СЗ РФ. 2014. № 12. Ст. 1259.
9. О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов Республики Крым и города федерального значения Севастополя: федеральный конституционный закон Российской Федерации от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ (ред. от 31.12.2014) // Российская газета. 2014. 24 марта. № 6338.
10. О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов: федеральный закон Российской Федерации от 21 марта 2014 г. № 36-ФЗ // Российская газета. 2014. 24 марта. № 6338.
11. Остапович И.Ю. Понятие и сущность конституционного контроля // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2. С. 131-143.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2014 № 6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2014. № 3.
13. Федоров А.В. Правовой статус Крыма. Правовой статус Севастополя. М.: Изд-во МГУ, 1999. 56 с.

УДК 341.65

О.А. Никитина, канд. юрид. наук

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

e-mail: o-lik@inbox.ru

МЕРЫ ПРИНУЖДЕНИЯ, КОНТРМЕРЫ, САНКЦИИ

В статье проводится анализ международно-правовых терминов «меры принуждения», «принудительные меры», «контрмеры», «ответные меры», «санкции» как формы реализации ответственности за нарушение международно-правовых норм, определяются сферы действия каждого термина и возможность их корректного использования.

Ключевые слова: международно-правовая ответственность, меры принуждения, принудительные меры, контрмеры, ответные меры, санкции.

O.A. Nikitina, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs

of Russia named after V.Y. Kikot

e-mail: o-lik@inbox.ru

COERCIVE MEASURES, COUNTERMEASURES, SANCTIONS

The article analyzes international legal terms «coercive measures», «enforcement measures», «countermeasures», «retaliatory measures», «sanctions» as realization forms of the responsibility for violation of international legal norms, defines scope of each term and their correct use.

Key words: international legal responsibility, coercive measures, enforcement measures, countermeasures, retaliatory measures, sanctions.

Вопрос применения силы и ответственности за ее применение традиционно является одним из наиболее дискуссионных проблем в международном праве. Одним из аспектов данного вопроса является одновременное существование множества международно-правовых терминов, связанных с реализацией ответственности, которые, по мнению ряда авторов, представляют собой синонимы, а по мнению других, обозначают совершенно разные явления в международном праве. Речь идет о таких терминах, как «меры принуждения», «принудительные меры», «контрмеры», «ответные меры», «санкции». Но обозначают ли данные термины разные стадии реализации ответственности или же это термины-синонимы? Какие из них уместны для использования в политическом контексте, а какие – в правовом? Поскольку все вышеприведенные термины так или иначе связаны с реализацией ответственности за нарушение международно-правовых норм субъектами международного права, представляется чрезвычайно важным определить

сферы действия каждого термина и возможность их корректного использования.

Правовой базой при раскрытии данного вопроса является Проект статей об ответственности государств 2001 г. и комментарии Комиссии международного права к нему. Доктринальная база гораздо более обширна, поскольку вопросы, касающиеся санкций и контрмер, изучались в трудах таких отечественных авторов, как Д.Б. Левин, В.А. Василенко, Т.Н. Нешатаева, Ю.А. Решетов, И.И. Лукашук и др., а также зарубежных исследователей – М.П. Докси, Г. Кунца, Д. Лейтон-Браун. Наиболее широкий по своему охвату термин «принудительные меры». Принудительные меры, согласно Юридическому словарю, представляют собой «коллективные действия, применяемые сообществом государств на основе Устава ООН по решению Совета Безопасности ООН с целью устранить угрозу миру или ликвидировать акт агрессии. Подразделяются на две категории: не связанные с вооруженными силами; с использованием вооруженных сил» [12]. Второй вариант опреде-

ления принудительных мер – «это коллективные меры, применяемые по решению Совета Безопасности в целях устранения угрозы миру, нарушения мира или ликвидации акта агрессии. К ним прибегают в крайних случаях, чтобы силой положить конец противоправному поведению сторон в конфликте, создающему угрозу миру либо являющемуся нарушением мира или актом агрессии» [12]. Представляется, что ответственность в международном праве все же шире принуждения и принудительных мер, т.к. не исключает добровольной реализации ответственности субъектом, нарушившим нормы международного права, а принуждение связано с неотвратимостью наказания как определенных неблагоприятных последствий для нарушителя, вне зависимости от того, признает он свою вину или нет. Как отмечает И.И. Лукашук в монографии «Право международной ответственности», единственной крупной работе по проблематике международно-правовой ответственности за последние десять лет, «ответственность может реализоваться без санкций и государственного принуждения» [8, с. 9].

К принудительным мерам в международном праве относят, в первую очередь, санкции. Ю.А. Решетов отмечал: «Если говорить в самом широком смысле, соответствующем широкому понятию санкций во внутреннем праве, то все принудительные меры, применяемые по Уставу ООН, есть санкции. Кроме того, в некоторых случаях международное право допускает использование принудительных мер отдельными государствами» [9, с. 14]. Позиции представителей доктрины международного права и Комиссии международного права ООН по данному вопросу существенно отличаются. Так, Комиссия ООН еще с 1970-х гг. настаивает на том, что термин «санкции» используется лишь относительно мер, предпринимаемых Советом Безопасности ООН на основании гл. VII Устава ООН «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии» [10]. Некоторые специалисты (например, К.А. Багинян) также утверждают, что санкции присущи лишь международным организациям: «Санкциями в международном праве именуется меры принудительного характера, осуществляемые Организацией Объединенных Наций в целях поддержания или восстановления международного мира и безопасности» [1, с. 101]. Некоторые специалисты отечественной доктрины, особенно в советское время, утверждали, что санкции и ответственность в международном праве тождественны, по аналогии с гражданским законодательством: «Приме-

нение санкций за нарушение вытекающей из правовой нормы обязанности есть юридическая ответственность нарушителя» [11, с. 39]. Однако позже проявилась тенденция к разделению санкций и ответственности. Например, Ю.Н. Жданов отмечает, что «в международно-правовой литературе принудительные меры зачастую смешивают с формами ответственности, что, на наш взгляд, ошибочно. Принудительные меры связаны с ответственностью, но не сводятся к ней» [4, с. 15]. И.И. Лукашук разделяет данное утверждение: «Принуждение, будь то контрмеры или санкции, является самостоятельным институтом, который связан с ответственностью, но ему присущи другие характеристики» [7, с. 8]. Кроме того, можно согласиться с утверждением, что «отождествление санкций и ответственности, понимание последней как меры государственного принуждения лишает возможности выяснить природу каждого из этих явлений, занимающих особое место в механизме действия права» [8, с. 123].

В отечественной доктрине термином «санкции» порой обозначают не только санкции по линии СБ ООН, но и принудительные меры, используемые отдельными государствами, в частности при реализации права на самооборону. Например, Д.Б. Левин под санкциями понимает «главным образом принудительные меры, применяемые международными организациями или государствами в отношении государств, совершивших наиболее тяжкие международные деликты, именуемые международными преступлениями» [6, с. 88]. Однако Комиссия международного права ООН по данному вопросу высказалась достаточно однозначно, используя в ч. 1 ст. 30 Проекта статей термины «мера» и «ответные меры» вместо термина «санкции», предложенного специальным докладчиком для описания так называемых «односторонних» видов реагирования на противоправные деяния. Комиссия зарезервировала термин «санкция» для описания мер, принимаемых тем или иным международным органом. Однако в разное время в разных структурах ООН отношение к термину различалось. К примеру, в знаменитой программной «Повестке дня для мира» [3] Б. Бутроса-Гали понятием «принудительные действия» обозначаются миротворческие операции ООН, а понятием «санкции» обозначены меры, не связанные с использованием вооруженных сил. К настоящему моменту сложилась двухуровневая система санкций ООН – санкции с применением военной силы и санкции без применения военной силы. Первая группа санк-

ций реализуется через систему миротворческой деятельности Организации Объединенных Наций. Применение вооруженной силы в подобном случае в обязательном порядке санкционируется Советом Безопасности ООН. Цель применения таких санкций – сломить агрессора, заставить государство прекратить агрессию, привлечь его к ответственности.

Вторая группа санкций раскрывается в ст. 41 Устава ООН и включает в себя полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных и других средств сообщения и т.д. Некоторые исследователи выделяют санкции с экономическим подтекстом в особую группу санкций: разновидностью таких санкций являются экономические санкции, в форме эмбарго, бойкота и блокады. Некоторые авторы также относят занесение в «черные списки» предприятий или коммерсантов, торгующих со страной-нарушителем, к одной из форм реализации экономических санкций. Санкции как форма реализации ответственности в международном праве во многом рассчитаны на эффект, упреждающий правонарушения и дисциплинирующий потенциального нарушителя: практика использования санкций показала их отрезвляющее воздействие на подпадающие под их действие субъекты. Превентивную роль может сыграть даже одна лишь угроза санкций. Но происходит это только тогда, когда такая угроза воспринимается как реальная и когда в ней заложен недвусмысленный посыл готовности действовать в случае необходимости.

Анализируя практику применения санкций, можно отметить, что за последние шестьдесят лет применялись также формы санкций, связанные с намеренной изоляцией нарушителя, которые можно также выделить в отдельную группу: запрет туризма; запрет телефонных, телеграфных и почтовых связей; запрет воздушным судам приземляться или осуществлять транзитные полеты; запрет или приостановление водного или морского транзита, запрет или приостановление предоставления привилегий в том, что касается автомобильного и железнодорожного транспорта.

Хотелось бы отдельно остановиться на такой форме санкций, как приостановление членства и исключение из членства в организации, что в современном взаимозависимом и стремительно глобализирующемся мире может быть достаточно эффективным средством, т.к. существенным образом ограничивает права государства, которое утрачивает возможность отстаивать свои интересы в рамках международной организации

и влиять на принятие решения ее органами. Кроме того, П.М. Курис, глубоко исследовавший природу санкций, отмечает, что «нельзя упускать из виду тот факт, что с юридической точки зрения санкция – это еще и составная часть нормы права. Несмотря на то, что в действующем международном праве «очень редко встречаются нормы со сформулированными санкциями, это вовсе не означает, что в международном праве не может быть применена «трехчленная» структура правовой нормы и что в нормах международного права отсутствуют санкции» [5, с. 153].

Западные специалисты в области международного права в большинстве своем обозначают термином «санкции» как действия международных организаций, так и принудительные действия отдельных государств. Возможно, истоки подобной подмены понятий проистекают из того, что в период работы Лиги Наций термином «санкция» обозначались предусмотренные ст. 16 ее Статута принудительные меры, подлежащие применению всеми государствами-членами этой организации против государства, совершившего акт агрессии. В частности, В.А. Василенко отмечает, что это не могло не повлиять на мышление представителей доктрины международного права.

Классик отечественной доктрины международного права М.М. Богуславский замечает, что «иногда санкциями в современном международном праве называются меры принудительного характера, которые применяют государства индивидуально в рамках самопомощи в ответ на совершение другим государством без применения вооруженной силы правонарушений, затрагивающих его законные интересы или права» [2, с. 303].

В этих последних случаях более правильным было бы применение понятия не «санкция», а «ответные меры». Некоторые ученые также придерживаются мнения, что если принудительные меры осуществляются международными организациями, они должны именоваться санкциями, а если отдельными государствами, то правильнее применять термин «ответные меры» или «контрмеры». Например, Ю.Н. Жданов пишет: «Наиболее подходящим для определения совокупности мер, которые потерпевшее государство может принять для прекращения деяния государства-нарушителя или исправления его последствий, является термин «контрмеры». На сессии Комиссии международного права в 1991 г. отмечалось, что именно термин «контрмеры» «представляется самым нейтральным и

потому наиболее емким для описания различных видов мер, которые потерпевшие государства могут на законных основаниях принимать индивидуально или совместно в отношении государства или государств, являющихся правонарушителями» [4, с. 155].

В отечественной доктрине термины «контрмеры» и «ответные меры» обычно используются как синонимы. Исходя из специфики современного международного права, основанного на принципе универсальной коллективной безопасности, когда Организация Объединенных Наций в целом несет ответственность за обеспечение международного мира и безопасности и действует правило постоянных членов Совета Безопасности ООН (как несущих особую ответственность за поддержание международного мира и безопасности), представляется принципиально важным терминологически разделять действия по линии ООН и международных организаций и индивидуальные действия государств.

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Принудительные меры являются одной из форм реализации ответственности в международном праве. В том случае, когда принудительные меры реализуются международной организацией, они именуется «санкциями». Когда принудительные меры осуществляются государствами индивидуально в ответ на правонарушение, адекватным термином для обозначения принудительных мер являются термины «контрмеры» или «ответные меры». Также можно с уверенностью утверждать, что право международной ответственности справедливо называют самой сложной отраслью в международном праве, при этом имеющей стратегическое значение. Нельзя не отметить изрядное количество терминологических расхождений по данному вопросу, в частности в отечественной доктрине международного права, которые, безусловно, не способствуют прогрессивному развитию отрасли.

Литература

1. Багинян К.А. Агрессия – тягчайшее международное преступление. К вопросу об определении агрессии / отв. ред. А.Н. Трайнин. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 127 с.
2. Богуславский М.М. Международное частное право. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. 604 с.
3. Доклад Генерального секретаря ООН «Повестка дня для мира» A/47/277 от 02.07.1992. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N92/289/17/IMG/N9228917.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.12.2014).
4. Жданов Ю.Н. Принудительные меры в международном праве: монография. М.: Диалог-МГУ, 1998. 249 с.
5. Курис П.М. Международные правонарушения и ответственность государств. Вильнюс: Минтис, 1973. 280 с.
6. Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве. М.: Международные отношения, 1966. 152 с.
7. Лукашук И.И. Кодификация права международной ответственности // Московский журнал международного права. 2002. № 3. С. 3-15.
8. Лукашук И.И. Право международной ответственности // Law of International Responsibility. Российская академия наук. Институт государства и права. М.: Волтерс Клувер, 2004. 432 с.
9. Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М.: Международные отношения, 1983. 223 с.
10. Справочник по практике Совета безопасности. URL: <http://www.un.org/ru/sc/repertoire/actions.shtml> (дата обращения: 20.12.2014).
11. Флейшиц Е.А. Общие начала ответственности по основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик // Советское государство и право. М.: Наука, 1962. № 3. С. 34-43.
12. Юридический словарь. URL: http://inform-ust.ru/dictionary/juristical/juristical_dictionary.htm?dic_tid=17580 (дата обращения: 20.12.2014).

УДК 341.322.5

Ю.В. Пузырева, канд. юрид. наук

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

e-mail: yuliya_dugina@mail.ru;

А.А. Губернская

адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

К.И. Зимица

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

e-mail: ashiha.ouwen5@gmail.com

ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассмотрены вопросы привлечения к ответственности гитлеровских военных преступников как в рамках национальной судебной юрисдикции, так и в Международных военных трибуналах, специально созданных для суда и наказания главных преступников европейских стран «оси».

Ключевые слова: Вторая мировая война, международные преступления, Нюрнбергский и Токийский процессы, Чрезвычайная комиссия, Международный военный трибунал, Международный трибунал для Дальнего Востока.

Yu. V. Puzyreva, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs

of Russia named after V.Y. Kikot

e-mail: yuliya_dugina@mail.ru;

A.A. Gubernskaya

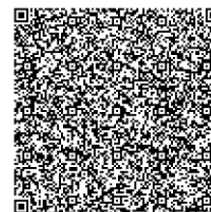
a postgraduate student of the Moscow University of the Ministry

of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot;

K.I. Zimina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot

e-mail: ashiha.ouwen5@gmail.com

ISSUES OF INDIVIDUAL LIABILITY FOR INTERNATIONAL CRIMES COMMITTED DURING THE SECOND WORLD WAR

The issues of bringing to liability of Hitler war criminals, both within national judicial jurisdiction and in the International Military courts which are specially created for court and punishment of chief criminals of European countries, are considered in the article.

Key words: Second World War, international crimes, Nuremberg and Tokyo judgments, Extraordinary Commission, International Military Tribunal, International Tribunal for the Far East.

В этом году во всем мире отмечалась 70-я годовщина окончания Второй мировой войны и победы над нацизмом. Эта война, унесшая огромное количество людских жизней, еще долгое время будет ложиться тенью на историю мирового сообщества, вызывать горесть будущих поколений, напоминая об ужасах военного вре-

мени и недопустимости повторения подобного события.

За годы Второй мировой войны на территориях воюющих государств было совершено значительное количество международных преступлений – наиболее серьезные деяния, посягающие на международный мир, правопорядок

и безопасность в целом, вызывающие озабоченность всего мирового сообщества, – преступления геноцида и агрессии, преступления против человечности, военные преступления. Актуальным и значимым для восстановления справедливости в ходе войны и после ее окончания являлся вопрос о привлечении к ответственности лиц, виновных в данных преступных деяниях. Немалую активность в его разрешении проявил Советский Союз. При поддержке СССР державы антигитлеровской коалиции заключили ряд международных соглашений о преследовании гитлеровцев за совершаемые преступления. С началом войны Советский Союз неоднократно заявлял о необходимости строгого наказания гитлеровских захватчиков за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы. Идея об ответственности военных преступников нашла отражение во многих международно-правовых документах: в Декларации правительств СССР и Польши (4 декабря 1941 г.), в Московской декларации правительств СССР, США и Великобритании (30 октября 1943 г.), постановлениях Крымской (Ялтинской) (февраль 1945 г.), Потсдамской (июль-август 1945 г.) конференций руководителей трех союзных держав, а также в Соглашении между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран «оси» от 8 августа 1945 г. В документах отмечалось, что за совершаемые зверства или добровольное участие в них германские офицеры, солдаты и члены нацистской партии будут отосланы в страны, в которых ими были совершены преступления, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами освобожденных стран, подразумевая под этим возможность реализации уголовного преследования нацистских преступников национальными судами тех государств, на территориях которых они совершили преступления [4, с. 156].

В рамках национальной уголовной юрисдикции вопросами раскрытия и расследования чудовищных злодеяний германского фашизма на территории Советского Союза занималась специально созданная Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

Уголовным преследованием гитлеровских военных преступников из числа представителей вражеских государств занимались органы внутренних дел, государственной безопасности и

военной юстиции; эта работа занимала передовое место в общем объеме производства по делам об особо опасных государственных преступлениях и затронула беспрецедентное количество лиц. Стоит отметить, что указанные органы с должной добросовестностью и настойчивостью проделали весь комплекс предусмотренных на тот момент оперативно-следственных мероприятий, возможных в создавшихся неблагоприятных условиях, по установлению и расследованию злодеяний, совершенных нацистскими преступниками на временно оккупированной территории Советского Союза. В результате удалось выявить и привлечь к заслуженной ответственности значительное количество виновников военных преступлений. Так, с 1943 по 1952 г. к ответственности были привлечены не менее 81 780 человек, в т.ч. 25 209 иностранцев [7].

Процесс привлечения военных преступников к уголовной ответственности отличался ускоренным и упрощенным порядком, а также повышенной суровостью, выраженной в ужесточении и повышении сроков наказаний, их позорящем характере. По мотивам причастности к злодеяниям немецко-фашистских захватчиков на территории СССР репрессиям подверглись родственники и соотечественники осужденных военных преступников и их пособников, т.е. наказание приобретало коллективный характер [3, с. 47]. В то же время уголовный процесс по делам гитлеровских преступников всегда находился под строгим контролем со стороны кассационных и надзорных инстанций, которые настойчиво предпринимали надлежащие меры по устранению недостатков и нарушений в этой области [6, с. 14].

Таким образом, опыт, накопленный советскими правоохранительными органами за период уголовного преследования военных преступников Второй мировой войны, можно оценить как положительный и результативный.

По окончании Второй мировой войны более сложной стала проблема привлечения к международной уголовной ответственности физических лиц, виновных в подготовке, организации и совершении международных преступлений, «скрывающихся» за высокими государственными должностями и военными погонами [10]. Следует отметить, что к этому времени в трудах юристов-международников и иных видных деятелей неоднократно изучался вопрос о необходимости сотрудничества государств в сфере создания специальных международных судебных инстанций, призванных осуществлять уголовное

преследование и наказание лиц, виновных в совершении самых тяжких преступлений, посягающих на международный мир, безопасность, международную стабильность, нарушающих принципы международного права. Впервые на доктринальном уровне предложения об учреждении специального международного судебного органа выдвинул президент МККК Г. Муанье в 1872 г. после окончания Франко-прусской войны в 1870-1871 г. В дальнейшем тезисы по данной проблематике стали развиваться и в научном направлении. Так, в 1881 г. известный российский юрист Л.А. Комаровский защитил докторскую диссертацию на тему «О международном суде», которая была в дальнейшем опубликована в виде самостоятельной книги [1, с. 55]. Однако данным идеям не суждено было претвориться в правовые нормы с реальным исполнением до начала Второй мировой войны. После окончания Первой мировой войны 28 июня 1919 г. между Германией и 27 союзными и ассоциированными державами был подписан Версальский мирный договор, нормы которого предписывали «организовать специальный международный трибунал для публичного рассмотрения дела по обвинению императора Вильгельма II Гогенцоллерна в "совершении тягчайшего преступления против международной нравственности и священной власти договоров"». К сожалению, эти положения на практике так и не были реализованы [2, с. 6; 5, с. 17].

Ужасные последствия Второй мировой войны гуманитарного, социального, экономического, экологического, политического характера заставили государства предпринять кардинальные шаги в сфере прогрессивного сотрудничества и развития концепции индивидуальной уголовной ответственности физических лиц за совершение международных преступлений. Так, в 1945 и 1946 гг. были созданы Международный военный трибунал (Нюрнбергский трибунал) и Международный военный трибунал для Дальнего Востока (Токийский трибунал) для осуществления правосудия над главными военными преступниками Второй мировой войны. Значение Нюрнбергского и Токийского процессов трудно переоценить. «Впервые, наконец, в лице подсудимых предстали не только они сами, но и преступные учреждения и организации, ими созданные, человеконенавистнические «теории» и «идеи», ими распространенные в целях осуществления давно задуманных преступлений против мира и человечества» [9, с. 263].

Уставы Нюрнбергского и Токийского трибуналов имели большое значение для дальнейшего

развития таких отраслей международного публичного права, как международное уголовное и международное гуманитарное право. Так, к примеру, влияние было оказано на понятие суверенитета государства, на его ограничение в определенных пределах. Были заложены концептуальные основы понимания того, что систематические, достоверно подтвержденные грубые нарушения прав человека и основных свобод, такие, например, как геноцид, апартеид, преступления против человечности, не могут рассматриваться в качестве дел, входящих исключительно во внутреннюю компетенцию государства. Право государства судить в национальных судах своих граждан или иных лиц, совершивших преступления на территории данного государства, не исключает индивидуальную уголовную ответственность физических лиц за совершение международных преступлений в международных трибуналах специального или постоянного характера [8, с. 4].

Подчеркивая историческое значение учреждения Международного военного трибунала и Международного военного трибунала для Дальнего Востока, отметим, что принципы международного уголовного права, нашедшие закрепление в их уставных документах и окончательных приговорах, были официально закреплены на уровне Организации Объединенных Наций и нашли отражение в таких документах, как Резолюция 95(1) Генеральной Ассамблеи ООН «Подтверждение принципов международного права, признанных статутом Нюрнбергского трибунала» от 11 декабря 1946 г., а также в принятом в 1950 г. на второй сессии Комиссии международного права ООН документе «Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого трибунала».

Юрисдикционные, процессуальные, организационные основы деятельности Нюрнбергского и Токийского трибуналов явились «эталоном» при неоднократном создании новых органов международной уголовной юрисдикции, призванных осуществлять правосудие в отношении физических лиц, виновных в совершении *международных преступлений*. Это наглядно можно проследить, анализируя учредительные акты созданных международных судебных органов: Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г. (Международный трибунал по Югославии); Международного уголовного три-

бунала для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств в период с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г. (Международный трибунал по Руанде); Международного уголовного суда (1998 г.), Специального суда по Сьерра-Леоне (2002 г.), Специального трибунала по Ливану (2007 г.) и др.

Таким образом, практическое разрешение 70 лет назад в международном праве вопроса о реализации института ответственности физических лиц за совершение международных преступлений позволило восстановить не только историческую справедливость, но и способствовало прогрессивному развитию всего международного права, эволюционированию раз-

вития международных отношений между суверенными государствами в духе норм, заложенных в Уставе Организации Объединенных Наций 1945 г.

И вдвойне приятно осознавать, что наше великое государство не только ценой неимоверных жертв и потерь добыло Великую Победу в этой кровопролитной войне, но и внесло вклад в формирование фундаментальных идей, которые позволяют на протяжении вот уже 70 лет утверждать, что лица, виновные в совершении международных преступлений, неотвратимо понесут наказание в международных органах правосудия вне зависимости от своего должностного положения, статуса в качестве главы государства или иного должностного лица. Это грозное напоминание следует помнить всем правителям, кто в наше время, разжигая войны и вооруженные конфликты, несет бедствия, разрушения и гуманитарные катастрофы.

Литература

1. Волеводз А.Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2. С. 55-68.
2. Грицаев С.А. Международная уголовная ответственность физических лиц. История и современность: учеб. пособие. Белгород: ООНИ и РИД БелЮИ МВД России, 2005.
3. Конасов В.Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект проблемы. М.: Институт военной истории МО РФ, 2005. С. 45-46.
4. Котляров И.И. Нюрнбергский процесс и прогрессивное развитие международного гуманитарного права // Вестник Московского университета МВД России. М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2006. № 8. С. 156-160.
5. Котляров И.И., Пузырева Ю.В. Гражданская война в Украине: международное право и уголовная ответственность за совершение международных преступлений // Московский журнал международного права. 2014. № 4 (96). С. 16-39.
6. Котляров И.И. 70 лет Великой Победы: международно-правовая оценка военных действий германских войск в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 5. С. 13-21.
7. О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины: указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39. URL: <http://www.alppp.ru/law/pravosudie/44/ukaz-prezidiuma-vs-sssr-ot-19-04-1943--39.html> (дата обращения: 24.05.2015).
8. Рабаданова А.А. Международное уголовное правосудие: становление, современное состояние, перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 24 с.
9. Руденко Р.А. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. М., 1957. 310 с.
10. Русинова В.Н. Нарушения международного гуманитарного права: индивидуальная уголовная ответственность и судебное преследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 28 с.

УДК 341.62

А.Е. Симонова, канд. юрид. наук

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

e-mail: for-alex.07@mail.ru;

А.А. Козлова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

e-mail: nastena.kozlova.14@mail.ru

МИРНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ КАК ОСНОВА ПОСЛЕВОЕННОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ИСТОКИ, ЗНАЧЕНИЕ, ИТОГИ

В статье рассматривается один из основных принципов международного права, его становление и роль в деле послевоенного миростроительства.

Ключевые слова: принцип мирного разрешения споров, международные конфликты, безопасность, ООН.

A.E. Simonova, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs

of Russia named after V.Y. Kikot

e-mail: for-alex.07@mail.ru;

A.A. Kozlova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs

of Russia named after V.Y. Kikot

e-mail: nastena.kozlova.14@mail.ru

PEACEFUL SETTLEMENT OF DISPUTES AS A BASIS FOR POST-WAR SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS: ORIGINS, SIGNIFICANCE, RESULTS

The article describes one of the basic principles of international law, its development and role in post-war peace-building.

Key words: principle of peaceful settlement of disputes, international conflicts, security, United Nations.

Война на протяжении столетий, к сожалению, является основным способом решения международных проблем, несущим за собой массовые разрушения и гибель большого количества людей. По подсчетам исследователей, на протяжении известной нам человеческой истории лишь около трехсот лет были полностью мирными. Все остальное время в том или ином месте земли полыхали войны.

Принцип мирного разрешения споров является одним из основных принципов международного права, закрепленных в различных международно-правовых актах. Принцип мирного разрешения международных споров – это

значимое свойство современного международного права, выражающее мирное сосуществование государств независимо от их социальных систем. Согласно этому принципу каждое государство разрешает свои международные споры с другими государствами мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость [2]. Первые попытки его закрепления в многостороннем международном соглашении относятся к концу XIX – началу XX в., однако в условиях признания допустимости применения силы в международных отношениях обращение к мирным средствам урегулирования

споров не носило юридически обязательного характера.

Первая Международная конференция мира была созвана в Гааге в 1899 г. для разработки соглашений по мирному разрешению кризисов, предупреждению войн и правилам ведения войны. Конференция приняла Конвенцию о мирном решении международных столкновений и учредила Постоянную Палату Третейского Суда, которая начала свою работу в 1902 г.

Впервые принцип мирного разрешения споров в обязательном порядке нашел свое выражение в Парижском договоре об отказе от войны как орудия национальной политики от 27 августа 1928 г. XX век вошел в историю как эпоха, породившая две мировые войны, в которых участвовали десятки стран и миллионы людей. Так, в орбиту Второй мировой войны было втянуто более 70 государств, а общие потери составили 55 млн человек.

2015 год – год знаменательный. 9 мая Россия вместе со всем миром отметила 70-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Это один из самых трагических и героических этапов истории нашего народа.

Для нашей страны эта дата наполнена особым смыслом. Это священная память о погибших на полях сражений. Это наша история, наша боль, наша надежда.

Чем ближе война подходила к своему завершению, тем больше задумывались политические лидеры СССР, США, Великобритании о принципах послевоенного устройства Европы – мира в целом. Каждый из них представлял интересы своей страны и упорно, настойчиво отстаивал их в спорах с партнерами. В начале февраля 1945 г. в г. Ялте «большая тройка» собралась в том же составе, что и в г. Тегеране в 1943 г. Несмотря на разногласия ее участников, по многим вопросам удалось достичь реальных договоренностей. К ним относилось согласование принципов безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии: ликвидация нацистских партий, репрессивный аппарат гитлеровского режима, роспуск вооруженных сил Германии, установление контроля над германской военной промышленностью, наказание военных преступников.

Важным достижением конференции стало решение создать Организацию Объединенных Наций (далее – ООН), в задачу которой входило мирное урегулирование всех международных конфликтов. Она была основана представителями 51 страны, являвшимися сторонниками курса на поддержание мира и безопасности во всем

мире, развитие дружеских отношений между странами и оказание содействия социальному прогрессу, улучшение условий жизни и положения дел в области прав человека.

Создание ООН было результатом мощного движения народов за мир и демократию, за создание таких условий в мире, которые бы сделали невозможным повторение ужасов фашизма и массовой гибели невинных людей [6, с. 292].

Устав ООН вступил в силу 24 октября 1945 г. В Уставе ООН записаны ее цели и принципы: поддержание международного мира и безопасности, разрешение мирными средствами международных споров, развитие дружественных отношений между нациями, запрещение агрессии и любого неправомерного применения силы и другие [7].

ООН – это организация, которая помогла нуждающимся в трудные времена, стояла на страже мира, поддерживала независимость и свободный выбор, охраняла здоровье планеты, объединяла мировых лидеров.

В этом году ООН исполняется 70 лет. Она по-прежнему является ведущей международной организацией, которая осуществляет и поддерживает правопорядок во всем мире, играет уникальную и координирующую роль в международных отношениях в качестве безальтернативного механизма обеспечения глобальной стабильности.

Неоценимый вклад в развитие международного права в послевоенный период внес Нюрнбергский процесс. Страны-победительницы СССР, США, Великобритания и Франция в ходе лондонской конференции утвердили Соглашение о создании Международного военного трибунала и его Устава, принципы которого Генеральная Ассамблея ООН ратифицировала как общепризнанные в борьбе с преступлениями против человечества. 1 октября 1946 г. в г. Нюрнберге был провозглашен приговор Международного военного трибунала, осудивший главных военных преступников. Нередко его называют «Судом истории». Это был не только один из самых крупных судебных процессов в истории человечества, но и важнейшая веха. Нюрнбергский процесс юридически закрепил окончательный разгром фашизма. Главным нацистским военным преступником было предъявлено обвинение в заговоре против мира путём подготовки и ведения агрессивных войн, в военных преступлениях и преступлениях против человечности [5, с. 141].

Именно с Нюрнбергского процесса началась история международного уголовного права. Принципы, закрепленные в Уставе Трибунала,

вскоре были подтверждены решениями Генеральной Ассамблеи ООН как общепризнанные принципы международного права. С вынесением обвинительного приговора главным нацистским преступникам Международный военный трибунал признал агрессию тягчайшим преступлением международного характера [4, с. 156].

Прошли годы, сменились поколения. Но в сердцах людей до сих пор жива память о той страшной войне. Память о том, какой ценой была достигнута Великая Победа, какой ценой был сохранён мир.

Прошедшие десятилетия еще ярче и полнее показали всемирно-историческое значение Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Разгром германского фашизма оказал глубочайшее воздействие на весь ход мирового развития.

Одной из наиболее сложных задач XXI в. является обеспечение законности и правопорядка на международном уровне. Международные споры являлись и являются неизбежным элементом международных отношений во все времена. Как бы ни старалось международное сообщество искоренить очаги различных конфликтов, споры и конфликты возникают снова и снова.

При этом, как показывает международная практика государств, самым опасным спором

является территориальный, развитие которого может привести к вооруженному конфликту между двумя соседними государствами. Поэтому необходимо сохранять мир и обеспечивать безопасность как на региональном, так и на глобальном уровнях.

На сегодняшний день существует большое количество мирных средств, а также процедур невоенного разрешения споров как на глобальном, так и региональном уровне [1, с. 15]. Необходимо развитие и совершенствование механизмов и процедур, призванных на основе международного права предотвращать и разрешать споры.

В этой связи особое внимание целесообразно уделить проблеме выбора алгоритма действий при их разрешении. Имеющийся в международном праве большой арсенал средств мирного разрешения споров обеспечивает выбор наиболее подходящего из них для каждого конкретного спора в зависимости от его условий и затронутых в нём вопросов.

Для этого необходимо объединить все усилия международных организаций по обеспечению мирного урегулирования конфликтов в соответствии с положениями международного законодательства и созданию более безопасного, стабильного и справедливого мира.

Литература

1. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы: монография. М.: РУДН, 2012. 307 с.
2. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 07.06.2015).
3. История Организации Объединенных Наций. Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/ru/aboutun/history> (дата обращения: 23.06.2015).
4. Котляров И.И. Нюрнбергский процесс и прогрессивное развитие международного гуманитарного права // Вестник Московского университета МВД России. М.: Изд-во Московского ун-та МВД России, 2006. № 8. С. 156-160.
5. Котляров И.И., Пузырева Ю.В. 10 лет Международному уголовному суду // Вестник Московского университета МВД России. М.: Изд-во Московского ун-та МВД России, 2012. № 6. С. 141-146.
6. Международное право: учебник для вузов / Л.П. Ануфриева, Г.М. Мелков, В.П. Панов, Г.Г. Шинкареца, В.М. Шумило; отв. ред. Г.М. Мелков; РГТЭУ. М.: ИД РИОР, 2009. 720 с.
7. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26.06.1945). URL: http://base.garant.ru/2540400/1/#block_1000.

Административное право и административный процесс

УДК 351.74

В.Г. Булавчик, доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель наук
Российской Федерации, академик

Санкт-Петербургский университет МВД России

e-mail: bulavchikvg@yandex.ru;

А.О. Дрозд, канд. юрид. наук

Санкт-Петербургский университет МВД России

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье авторы выделяют аспекты контроля подчиненных, осуществляемого руководителем органа внутренних дел при решении правоохранительных задач в повседневной деятельности.

Ключевые слова: административное право, правовая регламентация, управление, органы внутренних дел, служебная деятельность, контроль, эффективность.

V.G. Bulavtchik, PhD. (Doctor of Military Sciences), professor,
Honored Scientist of the Russian Federation, academician

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: bulavchikvg@yandex.ru;

A.O. Drozd, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

ADMINISTRATIVE AND LEGAL ASPECTS OF DAILY ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES

The authors of the article emphasize the aspects of subordinates' control by the head of the Department of Internal Affairs Agencies in solving of law enforcement problems in everyday activity.

Key words: administrative law, legal regulation, administration, Internal Affairs Agencies, employment activity, control, efficiency.

Административно-правовая регламентация деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД) основывается на научно обоснованном выводе о том, что основная задача заключается не только в своевременном определении каких-либо противоречий повседневной деятельности, но и в уменьшении или устранении их негативного влияния на управление ими.

Как и любая организация, ОВД с точки зрения административно-правовой регламентации должны обладать определенной свободой. В свою очередь, это должно обеспечить стимулирование потенциальных способностей и творческих возможностей сотрудников органов внутренних дел, являющихся членами коллектива [5, с. 68].

Неоптимальная структура – наиболее распространенный изъян в деятельности многих коллективов, поэтому организационная структура ОВД должна отражать долгосрочную программу и комплекс основных целей правоохранительной деятельности. Достижение этих целей является основой совместной практической работы сотрудников. Структура органов внутренних дел эффективна только в том случае, когда она в полной мере способствует достижению поставленных перед коллективом правоохранительных задач при минимальных затратах труда и ресурсов [2, с. 76].

К сожалению, поиск оптимальной структуры ОВД для данного времени нередко сопровождается серьезными административно-правовыми ошибками. Среди них превышение нормы управляемости и неверно выбранный стиль административно-правовой регламентации. Поскольку оптимизация должна быть присуща любой организационной структуре, независимо от применяющихся критериев оптимальности, одним из способов оптимизации можно рассматривать возможность передачи руководителем ОВД части своих служебных функций подчиненным сотрудникам. Этот оптимизационный прием в административно-правовой регламентации, предполагающий уменьшение степени вмешательства руководителя в действия сотрудников при решении правоохранительных задач, называется методом делегирования полномочий [1, с. 45]. Методологические основы этой формы ясны. Вместе с тем еще недостаточно подробно обоснованы некоторые практические аспекты административно-правовой регламентации, вытекающие из её реализации при решении разнообразных правоохранительных задач. Кроме того, следует четко и однозначно понимать, в каком объеме руководителю можно передавать подчиненным управленческие функции. Особое значение имеют методы контроля повседневной деятельности подчиненных [3, с. 96].

Главная практическая ценность формы делегирования полномочий состоит в том, что руководитель освобождает свое время от менее сложных повседневных дел и решения типичных управленческих задач. В совокупности это позволяет ему сконцентрировать свои усилия на решении более сложных административно-управленческих проблем. Форма делегирования полномочий в повседневной деятельности может рассматриваться в качестве одного из эффективных способов повышения квалификации сотрудников, способствующих мотивации их

труда, а также проявлению инициативы и самостоятельности при решении повседневных служебных задач [4, с. 264].

С точки зрения административно-правовой регламентации повседневной деятельности руководитель ОВД обязан не только эффективно выполнять возложенные функциональные обязанности в рамках служебного регламента, но и брать на себя ответственность и применять властные полномочия, обеспечивая безусловное выполнение поставленных перед подразделением задач. Если возглавляемый им коллектив знает свои задачи и понимает применяемые руководителем методы достижения правоохранительных целей, руководитель может уверенно рассчитывать на поддержку большинства сотрудников. Одной из задач в таком коллективе является поиск исполнителей, которым можно доверить самостоятельное решение разнообразных, а иногда и многофункциональных служебных задач. Руководитель обязан не только подготовить достойных исполнителей, но и полностью доверять им. Во всех случаях подчиненные ему сотрудники должны быть профессионально подготовленными, иметь опыт практической административно-управленческой деятельности. Вместе с тем они должны быть готовыми к принятию самостоятельных управленческих решений в рамках повседневной деятельности [6, с. 81].

В случае принятия сотрудником управленческих решений проявляется еще одна положительная черта формы делегирования полномочий, поскольку исполнитель проходит хорошую и совершенно необходимую школу самостоятельности принятия административно-управленческих решений. Тем самым сотрудник приучается к ответственности за принятые единолично решения, что приводит к расширению инициативы и уверенности в своих силах, вместе с тем он имеет право на ошибку. В свою очередь, руководитель обязан оказывать ему всестороннюю помощь в самой тактичной форме, понимая, что тем самым он развивает у своих подчиненных способности и умения нестандартно мыслить и действовать в любой оперативной обстановке [1, с. 92].

Теория административно-правовой регламентации и практика лучших специалистов свидетельствует, что отсутствие контроля подчиненных ничего, кроме вреда, не дает и может привести к принятию ими неэффективных административно-управленческих решений. Контроль подчиненных в повседневной деятельности позволяет установить четкую обратную

связь, а также обмен информацией между сотрудниками. Во всех случаях решению проблемы контроля способствует достаточно высокий авторитет и управленческое мастерство руководителя. В целях составления объективного мнения о качестве работы руководителя всегда следует исходить из того, как в повседневной деятельности исполняют служебные обязанности его подчиненные. Делегирование полномочий эффективно, если подчиненные действительно знают и понимают, какие служебные обязанности делегированы им от своего начальника. У руководителя должна быть уверенность в их способности выполнять возложенные обязанности. Кроме того, руководитель должен обеспечить действие механизма стимулирования и мотивации сотрудников. В совокупности это позволит совершенствовать административно-правовую регламентацию повседневной деятельности ОВД, когда с одной стороны подчиненные не будут получать «ценных указаний» от другого начальника через голову своего непосредственного руководителя. С другой стороны, исполнители будут точно знать возложенные на них служебные обязанности [4, с. 348].

Административно-правовая регламентация повседневной деятельности предполагает, что исполнитель должен быть свободен в своих действиях, в выборе путей реализации поставленных задач и в праве совершения возможных ошибок. Это можно рассматривать и как способ эффективной борьбы с рутинной и косностью в повседневной деятельности ОВД. Подчиненные должны правильно понимать необходимость контроля хода выполнения порученных им служебных заданий и исходить из того, что они обязаны принимать правильные управленческие решения, в т.ч. при резком обострении оперативной обстановки, когда человеческий фактор приобретает первостепенное значение [2, с. 36].

Отдельные начальники, управляя подчиненными, робко осуществляют свою руководящую роль, что, как правило, свойственно лицам, недавно получившим повышение в должности и которым трудно отказаться от привычного стереотипа прошлой деятельности. Однако следует понимать, что в административно-правовой регламентации повседневной деятельности ОВД существует комплекс управленческих задач, решение которых всегда следует оставлять только за руководителем. В первую очередь это касается принятия принципиальных управленческих реше-

ний. Долг первого лица состоит в необходимости принятия на себя выполнения задач с высокой степенью риска. Кроме того, это, как правило, касается задач особо доверительного характера, а также всех необычных задач, выходящих за рамки сложившегося административно-правового регламента и традиций ОВД. Вместе с тем отдельным молодым руководителям ОВД свойственно недоверие к подчиненным, низкая оценка способностей своих сотрудников и завышенная самооценка, а также боязнь получить негативную оценку своих действий со стороны вышестоящего руководства [3, с. 98].

Определить соответствие сотрудника занимаемой должности – задача не из легких для руководителя ОВД. Необходим опыт и умение. Отделить профессиональные деловые качества от словесной мишуры и внешней помпезности сотрудника – весьма сложная задача. Значительно реже встречаются случаи недооценки у подчиненных своих возможностей, робость и застенчивость. Если молодому сотруднику поручать выполнять только рутинную канцелярскую работу, то значительная часть его знаний, умений и навыков, полученных в высшем учебном заведении, пропадет без пользы, и, как правило, такой сотрудник будет стараться сменить место работы ради более интересной должности [6, с. 85].

В совокупности административно-правовая регламентация повседневной деятельности ОВД располагает рядом способов, позволяющих молодому сотруднику найти свое место в коллективе. Много дает система наставничества, когда к новичку прикрепляют опытного специалиста. В определенной мере становлению в должности молодого специалиста способствуют его контакты с руководителем в неофициальной обстановке и практика обязательных квартальных письменных отчетов о деятельности. Такие отчеты позволяют руководителю глубже вникнуть в процесс их становления и объективно оценить результаты работы сотрудника на порученном участке, а также делать обоснованные выводы о его соответствии занимаемой должности. Такая практика должна соответствовать интеллектуальным и физическим возможностям сотрудников. Главная задача и основное свидетельство умения руководителя – это его способность дать сотрудникам задания по их способностям и добиться от них эффективного выполнения функциональных обязанностей по решению правоохранительных задач.

Литература

1. Бугель Н.В. Методология управления сложными социальными системами: монография. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2009.
2. Бугель Н.В. Право как средство управления в социальных системах: монография. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2008.
3. Вершигора Е.Е. Менеджмент: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2012.
4. Кнорринг В.И. Теория, практика и искусство управления: учебник для вузов по специальности «Менеджмент». М.: Изд-во «НОРМА», 2001.
5. Основы управления в органах внутренних дел: курс лекций / под ред. Н.В. Бугеля. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2010.
6. Томин В.Т. Проблемы оптимизации среды функционирования органов внутренних дел: учеб. пособие. СПб., 2012.

УДК 351.74

А.А. Гайдуков

адъюнкт Омской академии МВД России

Барнаульский юридический институт МВД России

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье анализируются административно-правовые аспекты деятельности полиции по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений.

Ключевые слова: координация, профилактический учет, индивидуальная профилактическая работа, участковый уполномоченный полиции, правовые ограничения, усмотрение в деятельности полиции.

A.A. Gaidukov

*a postgraduate student of the Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia*

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

ADMINISTRATIVE AND LEGAL ACTIVITY OF POLICE FOR CRIMES PREVENTION IN THE SPHERE OF FAMILY RELATIONS

The article analyzes administrative and legal aspects of police activities in crimes prevention in the sphere of family relations.

Key words: coordination, preventive record, individual preventive maintenance, local district police chief, legal restriction, discretion in policing.

В соответствии со «Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [9] повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования личной безопасности, а также высоких стандартов жизнеобеспечения является приоритетом устойчивого развития семьи, общества и государства. Принятая Правительством Российской Федерации государственная программа «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [6] предполагает за счет эффективной деятельности полиции по предупреждению и пресечению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений обеспечить снижение к 2020 г. доли преступлений, совершенных на бытовой почве.

По данным МВД России, на профилактических учетах полиции в настоящее время состоит свыше 2,8 млн граждан. Среди них 216 тыс. лиц допускают правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений [5].

Выступая на расширенном заседании коллегии МВД России 21 марта 2014 г., В.А. Колокольцев отметил, что приоритетным направлением деятельности полиции является обеспечение безопасности граждан, защита их прав и законных интересов, в т.ч. в сфере семейно-бытовых отношений [14].

Административно-правовая деятельность полиции по предупреждению правонарушений в рассматриваемой сфере общественных отношений осуществляется по нескольким направлениям. Во-первых, это выявление причин и условий их совершения. Во-вторых, принятие в пределах своих полномочий мер по их устранению. В-третьих, осуществление индивидуальной профилактической работы с лицами, состоящими на учетах в органах внутренних дел (профилактических учетах).

Первые два направления реализуются в процессе взаимодействия с другими государственными и правоохранительными органами, обще-

ственными объединениями и гражданами, формируя тем самым общую структуру профилактики. Третье направление представляет собой сугубо полицейскую деятельность, речь о которой пойдет в дальнейшем. Вместе с тем указанные направления неразрывны между собой и представлены в единой системе предупреждения правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений. Важным условием эффективности предупредительной деятельности полиции является координация действий как на межведомственном, так и на внутриведомственном уровне. В данном случае координационные отношения направлены на согласование действий органов публичной власти, сопоставление целей, ресурсов, форм и методов деятельности для достижения общих целей [1, с. 16].

Важным направлением деятельности полиции является индивидуальная профилактическая работа с лицами, допускающими правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений и представляющими опасность для окружающих.

Согласно п. 16 ч. 3 ст. 17 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3 ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») собранные полицией сведения (информация) формируются в банк данных о лицах, состоящих на профилактических учетах [8].

Создание данных учетов обусловлено необходимостью накопления, систематизации и доведения до должностных лиц органов внутренних дел в целях служебного пользования информации о лицах, совершивших или склонных к совершению преступлений и административных правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений.

Профилактический учет – это форма индивидуальной профилактики правонарушений, целью которой является предупреждение совершения (возможного совершения) правонарушений. Указанный учет предполагает ведение служебной документации, в которой отражаются:

- персональные данные граждан;
- информация о дате постановки и сроке нахождения гражданина на учете;
- сведения о событии совершенного преступления или административного правонарушения;
- результаты индивидуальной профилактической работы.

Лица, допускающие правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений и представляющие опасность для окружающих, относятся к категории профилактического учета. С данными лицами проводится индивидуальная профилактиче-

ская работа, которая является одной из форм несения службы участковым уполномоченным полиции [2].

Предупреждение полицией правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений включает в себя комплекс последовательных административно-правовых действий, которые условно можно разделить на четыре стадии.

Первая стадия заключается в выявлении сотрудниками полиции лиц, совершивших правонарушения в указанной сфере общественных отношений либо имеющих намерение их совершить. Данная стадия носит информативный характер и представляет собой сбор информации и сведений о преступлениях, административных правонарушениях и происшествиях, а также о лицах, их совершивших. Пункт 6.7 приказа МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (далее – приказ МВД России № 19) обязал территориальные органы МВД России на районном уровне выявлять и ставить на профилактические учеты лиц, склонных к совершению преступлений, и осуществлять за ними контроль [7].

Одним из основных источников выявления лиц, совершивших правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, является личное общение участкового уполномоченного полиции с гражданами во время профилактического обхода административного участка. Кроме того, информация о правонарушителях поступает во время приема граждан.

Другим источником выявления лиц, совершивших правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, являются сведения, поступившие в дежурную часть территориального органа МВД России. Сотрудники дежурной части занимаются приемом и регистрацией поступившей информации от граждан и должностных лиц, а также медицинских организаций. В дежурную часть поступают сведения различного характера: об антиобщественном поведении людей в быту, семейных скандалах и конфликтах, доставленных в медицинские организации жертвах семейного насилия, преступлениях и административных правонарушениях. Сотрудники полиции незамедлительно реагируют на полученную информацию и принимают неотложные меры, направленные на пресечение правонарушений в указанной сфере общественных отношений. Принятая и обработанная информация в дальнейшем поступает для принятия процессуального решения соответствующему должностному лицу органов внутренних дел. При выяв-

лении лиц, совершивших правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, следует учитывать информацию из приговоров судов, отказных материалов и информации внештатных сотрудников полиции [13, с. 38]. Следует подчеркнуть, что полученная информация в обязательном порядке должна тщательно перепроверяться и анализироваться.

Вторая стадия включает в себя принятие решения и процедуру постановки на профилактический учет лиц, допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений. Инициатором постановки на профилактический учет выступает участковый уполномоченный полиции, который является основным субъектом предупреждения и пресечения правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений. В соответствии с п. 65 «Наставления по организации деятельности участковых уполномоченных полиции», утвержденного приказом МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 (далее – Наставление), в постановке на учет принимают участие участковый уполномоченный полиции, начальник отдела участковых уполномоченных полиции и начальник территориального органа МВД России [2].

Пункт 4 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции» вменяет в обязанность полиции проведение индивидуальной профилактической работы с лицами, состоящими на профилактическом учете, однако не содержит четко определенных правовых оснований для их постановки. По мнению М.П. Смирнова, основанием для постановки на профилактический или иной вид учета органов внутренних дел служит наличие задокументированных фактов противоправной деятельности. Сроки нахождения лиц на соответствующем виде учета, порядок их постановки и снятия регулируются подзаконными ведомственными нормативными актами [11]. В Наставлении регламентированы порядок постановки и основания снятия с профилактического учета (п. 63.5, 68.1-68.7).

Необходимость постановки на профилактический учет лиц, допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, указана в приказе МВД России № 19. В соответствии с п. 14.3 и 18.3 подразделения дознания и следствия в трехдневный срок информируют участкового уполномоченного полиции о необходимости постановки на учет лиц, допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, если:

- в отношении гражданина избрана мера пресечения, не связанная с лишением свободы;

- прекращено уголовное преследование по реабилитирующим основаниям [7].

Вместе с тем для правоприменителя остается открытым вопрос, будет ли правовым основанием постановления на учет совершение лицом административного правонарушения, предусмотренного Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях либо законом субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях. Кроме того, будет ли являться правовым основанием для постановки на учет заявление от родственников, членов семьи о доставлении в подразделение полиции совместно проживающего с ними лица, находящегося в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, если есть основания полагать, что он может причинить вред жизни и здоровью, нанести ущерб имуществу.

Мы разделяем высказанную М.П. Смирновым точку зрения о том, что основанием постановления на учет должен быть установленный, задокументированный и доказанный лицу факт совершения им противоправных действий в сфере семейно-бытовых отношений либо факт угрозы жизни и (или) здоровью окружающих членов семьи. В настоящее время при решении вопроса о постановке на учет лица, совершившего правонарушение в сфере семейно-бытовых отношений, правоприменитель вынужден действовать исходя из необходимости, полезности и целесообразности в соответствии с внутренним убеждением, в рамках административного усмотрения. По мнению Ю.П. Соловья, сотруднику полиции при постановке лица на учет следует «самостоятельно оценивать фактические обстоятельства основания (критерии), которые не закреплены в правовых нормах достаточно полно или конкретно при выборе в пределах, допускаемых нормативными актами оптимального варианта решения конкретного управленческого вопроса» [12, с. 20]. При этом не следует забывать, что сотрудник полиции обязан руководствоваться Конституцией РФ и общими требованиями ФЗ «О полиции».

Процедура постановки на профилактический учет представлена подготовкой, согласованием и утверждением соответствующего служебного документа. Участковый уполномоченный полиции подает мотивированный рапорт на имя начальника территориального органа МВД России с просьбой поставить гражданина на учет. Рапорт в обязательном порядке согласовывается с руководителем подразделения. Гражданин считается поставленным на учет с момента

утверждения рапорта начальником территориального органа МВД России. Срок нахождения на учете составляет один год с момента постановки. В случаях совершения лицом административных правонарушений (против порядка управления и (или) посягающих на общественный порядок и общественную безопасность), а также при поступлении на него неоднократных (двух и более) жалоб в течение года срок нахождения на профилактическом учете может быть продлен [2].

После чего сведения о лице заносятся в паспорт на участок в бумажном и электронном виде (п. 90 Наставления). Сведения о постановке на учет поступают в информационный банк данных «Регион». Кроме того, информация о количестве лиц, допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, фиксируются в статистических документах ГИАЦ МВД России в разделе 6 формы 578 «Профилактика». При перемещении места жительства (пребывания) лица, состоящего на профилактическом учете, участковый уполномоченный полиции направляет информацию в соответствующий территориальный орган МВД России по территориальности.

Третья стадия включает в себя индивидуальную профилактическую работу с лицами, допускающими правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений. Данная стадия является оценочной для всей административно-правовой деятельности полиции по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений. Следует согласиться с высказанной М.А. Медведевым точкой зрения о том, что «индивидуальная профилактика, пожалуй, самая сложная и ответственная сфера деятельности. Она более чем все другие меры призвана обеспечивать конечный результат профилактики – предотвратить совершение правонарушений, исправить и перевоспитать правонарушителя, изменить к лучшему его поведение» [10, с. 100].

В результате постановки на учет возникают правовые основания для проведения индивидуальной профилактической работы, в ходе которой на гражданина осуществляется властное воздействие со стороны органов внутренних дел при помощи методов убеждения и принуждения.

Индивидуальная профилактическая работа с лицами, допускающими правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, включает в себя:

- проведение профилактических бесед;
- наблюдение за их поведением, образом жизни, кругом общения;
- опрос родственников, соседей и других лиц.

Согласно п. 73 Наставления участковый уполномоченный полиции не реже одного раза в квартал проводит беседы с лицами, допускающими правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, а также с членами их семей, другими гражданами, которые могут оказать на них профилактическое воздействие [2]. По мнению А.Г. Гришакова, основной целью профилактики в сфере семейно-бытовых отношений является снятие психологического напряжения в конкретной семье или в отношениях между близкими родственниками, сожителями, соседями, знакомыми и иным окружением субъекта [3, с. 51].

Результаты проведения индивидуальной профилактической работы ежеквартально докладываются участковым уполномоченным полиции рапортом на имя начальника территориального органа МВД России. В дальнейшем рапорты передаются начальнику отдела участковых уполномоченных полиции для исполнения резолюции руководителя, анализа, обобщения результатов работы и хранения в течение пяти лет.

Эффективность индивидуальной профилактической работы во многом зависит от правильной ее организации и детальной регламентации правового положения лица, состоящего на учете. Зачастую граждане не знают о том, что они состоят на профилактическом учете и сведения о них занесены в информационный банк данных. Более того, проведение профилактических бесед и проверка по месту жительства лица, допускающего правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, может иметь формальный характер, не несущий предупредительного воздействия на нарушителя.

В результате постановки на профилактический учет для лица, допускающего правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, не наступает каких-либо правовых последствий. Гражданин не подвергается каким-либо ограничениям в правах и свободах и не получает дополнительных обязанностей, т.е. в принципе в любой момент может совершить повторное административное правонарушение или преступление. Данное обстоятельство является прямым следствием отсутствия законодательно установленных правовых оснований постановки на учет лиц, допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, а также их правового статуса. Поэтому постановка на учет лиц данной категории носит в большей степени ведомственный информативный характер.

В этой связи представляется целесообразным ввести определенные правовые ограничения для данных лиц: необходимость являться на регистрацию в территориальный орган внутренних дел, лишение права хранения и ношения огнестрельного оружия на период нахождения под учетом. В тех случаях, когда речь идет о совершении правонарушений на фоне злоупотребления спиртными напитками или наркотическими веществами, требуется пройти курс медицинской и психологической реабилитации. Несоблюдение и нарушение установленных обязанностей и ограничений должно вести к административной ответственности. Предложенные обязанности и ограничения призваны обеспечить интересы общества в целом или отдельной личности в частности.

Безусловно, введение обязанностей и правовых ограничений должно быть в рамках закона либо производиться по судебному решению. Полиция в данном случае должна ходатайствовать в суд о наложении обязанностей и правовых ограничений. При этом стоит заметить, что правовые ограничения нельзя напрямую связывать с функцией сдерживания противоправного деяния, они, как правило, носят превентивный характер, остерегают от возможных неблагоприятных последствий как субъектов, относительно которых действуют ограничения, так и иных лиц [4, с. 235]. Тем не менее не стоит забывать, что нахождение лица на профилактическом учете ни в коем случае не должно носить характер наказания.

Четвертая стадия предполагает снятие с профилактического учета и прекращение индивидуальной профилактической работы. Данная стадия, по нашему мнению, предполагает наличие определенных результатов административно-правовой деятельности полиции по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений. Одним из результатов может быть снижение числа лиц указанной категории, другим – повторность совершения ими преступлений и административных правонарушений.

Снятие лица с профилактического учета происходит в строго установленном порядке, путем подготовки, согласования и утверждения соответствующего служебного документа (рапорта), в нем должно быть обязательно указано правовое основание снятия. Основаниями для снятия являются:

1) окончание (истечение) срока нахождения на профилактическом учете;

2) осуждение к лишению свободы и направление к месту отбывания наказания;

3) прекращение противоправного поведения, когда поведение и образ жизни лица, состоящего на профилактическом учете, не нуждаются в дальнейшем наблюдении;

4) прохождение военной службы по призыву в Вооруженных Силах Российской Федерации, внутренних войсках МВД России, воинских формированиях и органах;

5) признание гражданина безвестно отсутствующим (умершим) по решению суда;

6) смерть гражданина;

7) иные основания, установленные законодательством Российской Федерации [2].

Несмотря на перечисленные основания, по нашему мнению, нельзя исключать возможность того, что лицо, совершившее правонарушение в сфере семейно-бытовых отношений, может развестись с супругой(-ом) и выехать на постоянное место жительства в другой регион или населенный пункт. Поэтому следует учитывать данные обстоятельства и дополнить перечень правовых оснований снятия с профилактического учета следующим пунктом «в связи с изменением семейного положения и смены места жительства (пребывания)». Снятие с профилактического учета по данному основанию должно осуществляться только после предъявления документа о расторжении брака и заявления потерпевшей стороны.

Затем рапорт проходит процедуру согласования с начальником отдела участковых уполномоченных, и в дальнейшем начальник территориального органа МВД России выносит решение о снятии с учета. Данное решение оформляется в виде резолюции на рапорте. Гражданин считается снятым с профилактического учета с момента принятия решения начальником территориального органа МВД России. В случае снятия лица с профилактического учета в паспорте на административный участок делается соответствующая запись. По нашему мнению, с учетом особенностей и специфики семейно-бытовых отношений при снятии с профилактического учета гражданина должны учитываться интересы членов семьи, родственников, близких, а также профилактирующего органа.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что эффективность административно-правовой деятельности полиции по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений будет зависеть от скоординированной работы по выявлению причин и условий их совершения, мер, направленных на их устранение,

как на межведомственном, так и на внутриведомственном уровне. Индивидуальная профилактическая работа также требует совершенствования законодательства. Это обусловлено прежде всего отсутствием конкретных правовых оснований постановки на учет лиц, допускаю-

щих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, законодательно закрепленных обязанностей и правовых ограничений предупредительного характера, которые в совокупности будут определять правовой статус профилактируемого лица.

Литература

1. Бучакова М.А. Административно-правовое регулирование координации как функции государственного управления // Административное право и процесс. 2014. № 11.
2. Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции: приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 // Российская газета. 2013. 27 марта. № 65.
3. Гришаков А.Г. Индивидуальная профилактика в деятельности участкового уполномоченного полиции в современный период // Вестник СПб ун-та МВД России. 2014. № 3.
4. Маковецкая М.Г. Понятие правовых ограничений прав и свобод человека // Вестник ННГУ. 2012. № 6-1.
5. Об утверждении ведомственной целевой программы «Сельский участковый» [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 19 ноября 2013 г. № 919. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
9. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Роль правового воспитания в предупреждении правонарушений / под ред. А.В. Мицкевич. М.: Юрид. лит. 1985.
11. Смирнов М.П. Комментарий законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации и за рубежом (постатейный) [Электронный ресурс]: учеб. пособие. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Соловей Ю.П. Усмотрение в административной деятельности советской милиции: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982.
13. Шелег О.А. Особенности профилактики участковым уполномоченным полиции преступлений и административных правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1.
14. URL: <http://kremlin.ru/news/20624>.

УДК 351.741:35.078.18

А.Г. Гришаков, канд. юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России
e-mail: grischakow@buimvd.ru;

Ю.А. Прибытко, канд. юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России
e-mail: y.aleks@list.ru

ДОСТАВЛЕНИЕ КАК МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Статья посвящена теоретическим и практическим вопросам применения доставления как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в правоприменительной деятельности сотрудников полиции.

Ключевые слова: меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, меры государственного принуждения, доставление, принудительное препровождение физического лица, орган административной юрисдикции.

A.G. Grishakov, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
e-mail: grischakow@buimvd.ru;

Ju.A. Pribytko, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
e-mail: y.aleks@list.ru

RECONDUCTION AS A MEASURE OF MAINTENANCE OF ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS IN POLICE ACTIVITY: THEORY AND PRACTICAL APPLICATION

The article is devoted to theoretical and practical issues of application of reconduction as a measure of maintenance of administrative proceedings in law enforcement activity of police officers.

Key words: measures of maintenance of administrative proceedings, official enforcement measures, reconduction, reconduction of private person, administrative jurisdiction.

Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [7] определено, что полиция осуществляет свою деятельность в точном соответствии с законом. Всякое ограничение прав, свобод и законных интересов граждан, а также прав и законных интересов общественных объединений, организаций и должностных лиц допустимо только по основаниям и в порядке, которые предусмотрены федеральным законом. Применение сотрудником полиции мер государственного принуждения для выполнения обязанностей и реализации прав полиции допустимо только в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Кроме этого, для выполнения возложенных на полицию обязанностей сотрудникам полиции предоставляются определенные права, среди которых закреплено право составлять протоколы об административных правонарушениях, собирать доказательства, применять меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применять иные меры, предусмотренные законодательством об административных правонарушениях (п. 8 ст. 13 ФЗ «О полиции»).

Рассмотрим такую меру принуждения, как доставление, которая, являясь мерой административно-процессуального обеспечения, в пре-

обладающем большинстве случаев предшествует административному задержанию [3] и, на наш взгляд, имеет с ним тесную взаимосвязь. Учитывая, что данная мера административного принуждения урегулирована различными федеральными законами и ведомственными нормативными актами, регламентирующими деятельность полиции, проведем анализ доставления, предусмотренного ст. 27.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

Итак, под доставлением понимается принудительное препровождение физического лица, а в случаях, предусмотренных п. 8 и 10.1 ч. 1 ст. 27.2 КоАП РФ, судна и других орудий совершения административного правонарушения, осуществляемое в целях составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, если составление протокола является обязательным.

Обращаем внимание, что до июля 2011 г., пока не были внесены соответствующие изменения и дополнения в ст. 27.2 КоАП РФ, доставление могло быть осуществлено только в отношении физических лиц. Кроме этого, в правоприменительной деятельности сотрудников полиции доставление как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях не может применяться в отношении судна и других орудий совершения административного правонарушения, т.к. диспозиция административно-правовой нормы прямо указывает на должностных лиц, уполномоченных осуществлять такое принудительное препровождение¹.

В юридической литературе используют два подхода к определению роли и значения доставления в механизме административного принуждения. В рамках первого доставление рассматривается в качестве лишь «составляющего» или «факультативного» элемента административного задержания. Согласно другому подходу, доставление есть самостоятельная мера административного принуждения [6, с. 72].

В то же время существует мнение, что доставление, осуществляемое в соответствии со ст. 27.2 КоАП РФ, следует считать самостоятельной мерой принуждения и рассматривать его только как меру административно-процессуального обеспечения. Об этом прежде всего четко свидетельствует его целевое

назначение – составление протокола об административном правонарушении [6, с. 72]. Доставление как самостоятельная мера обеспечительного характера выражается в принудительном препровождении физического лица, при котором игнорируются личные интересы доставляемого, его намерения и нежелание подчиняться требованиям должностного лица [10, с. 19].

Более того, согласно ч. 2 ст. 27.2 КоАП РФ доставление физического лица в целях составления протокола об административном правонарушении должно быть осуществлено в возможно короткий срок, при этом не определено, какой именно промежуток времени подразумевается законодателем под «возможно коротким сроком». По мнению отдельных исследователей, законодатель сознательно применил неопределенный срок, т.к. правовой нормой невозможно предусмотреть и учесть в каждом отдельном случае конкретные обстоятельства (территориальная удаленность, наличие и / или техническое состояние транспорта, климатические условия, состояние здоровья доставляемого и пр.) [4, с. 117]. С таким подходом законодателя согласны и другие ученые-административисты [10, с. 19-20].

Между тем существует мнение, что с позиции защиты прав и законных интересов личности в КоАП РФ важно закрепить хотя бы примерный срок доставления, поскольку оно имеет самостоятельный процессуальный статус. Кроме того, сторонники данной позиции указывают на то, что КоАП РФ не определил, сколько времени доставленное лицо может находиться в соответствующем органе, если административное задержание за данное правонарушение производить нельзя. И высказывают предположение, что срок должен быть не более одного часа, обосновывая данную позицию положением, ранее содержащимся в ч. 6 ст. 238 КоАП РСФСР, где было закреплено, что нахождение доставляемого в штабе добровольной народной дружины не может длиться более одного часа [11, с. 27].

Профессор А.И. Каплунов придерживается точки зрения, что «...устанавливать какой-либо примерный срок доставления нет необходимости, поскольку в каждом конкретном случае он будет разным по продолжительности, исходя из индивидуальных особенностей отдельной ситуации. Такой подход законодателя к определению времени, необходимого для доставления нарушителей, является оптимальным, в равной степени учитывающим интересы лица, совершившего административное правонарушение, и лица, осу-

¹ Должностные лица пограничных и таможенных органов.

ществляющего производство по данному делу» [5, с. 326].

Другие исследователи, в свою очередь, утверждают, что в целях защиты прав личности необходимо восполнить существующий пробел в законе и установить хотя бы предельный срок применения доставления [9]. Третьи полагают, что правом определять возможно короткий срок осуществления доставления должен обладать компетентный орган административной юрисдикции, т.к. временной промежуток препровождения может быть различным в зависимости от конкретных обстоятельств [8, с. 312-313].

По нашему мнению, установление конкретного срока, необходимого сотрудникам полиции для осуществления доставления физического лица, совершившего административное правонарушение, в орган внутренних дел (полицию), по-видимому, является вполне обоснованным. В частности, это подтверждается наглядными примерами из практической деятельности сотрудников полиции различных подразделений территориальных органов.

Например, сотрудниками патрульно-постовой службы полиции (далее – ППСП), задействованных в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности, ежедневно выявляются физические лица, совершившие различные административные правонарушения¹, которые доставляются в орган внутренних дел (полицию), в соответствии со ст. 27.2 КоАП РФ. В большинстве случаев доставление правонарушителей осуществляется на служебном автотранспорте. Практика показывает, что при доставлении указанных лиц наряд ППСП зачастую получает информацию от дежурного территориального органа МВД России о совершенном преступлении или административном правонарушении и необходимости проследовать на место происшествия.

В данном случае наряд полиции, выполняя распоряжение оперативного дежурного, в соответствии с требованиями нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность строевых подразделений ППСП [2], следует на место происшествия с доставляемым правона-

рушителем, находящимся в служебном транспорте. Соответственно, срок его доставления увеличивается на время, необходимое для прибытия на место происшествия, проведение осмотра и принятие мер к пресечению противоправных действий или задержанию правонарушителей.

Или другой пример, связанный с доставлением правонарушителей сотрудниками строевых подразделений вневедомственной охраны полиции. Так, при выявлении граждан, совершивших противоправные действия, направленные на пропускной или внутриобъектовый режим охраняемого объекта, сотрудники рассматриваемых подразделений полиции принимают решение об их доставлении в орган внутренних дел для разбирательства и составления протокола об административном правонарушении.

В процессе следования в орган внутренних дел группа задержания вневедомственной охраны полиции получает от дежурного Центра оперативного управления информацию о срабатывании на обслуживаемом ими участке охранно-пожарной сигнализации на охраняемом объекте (квартире, доме, магазине и т.д.). Естественно, группа задержания принимает полученную информацию и в соответствии с Наставлением [1] выдвигается по указанному адресу, при этом лицо, в отношении которого осуществлялось доставление, вынуждено находиться в служебном автомобиле все время, необходимое для следования на «сработавший» объект и его последующий осмотр. Зачастую при доставлении правонарушителей в орган внутренних дел (полицию) группа задержания вневедомственной охраны полиции получает несколько «сработок» охранно-пожарной сигнализации с охраняемых объектов, вследствие чего «возможно короткий срок» доставления, предусмотренный законодательством, может затянуться на неопределенное время.

Аналогичная ситуация, связанная с доставлением правонарушителей в отдел полиции, прослеживается не только в деятельности сотрудников строевых подразделений полиции, но и в деятельности участковых уполномоченных полиции, инспекторов по исполнению административного законодательства, иных сотрудников полиции, задействованных на охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности.

Для устранения неопределенностей, связанных с установлением срока доставления, нами был проведен опрос сотрудников полиции различных структурных подразделений территори-

¹ Так, например, в 2014 г. подразделениями ППСП на территории Российской Федерации было выявлено 927 478 административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, ответственность за которые предусмотрена КоАП РФ, и 53 776 административных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена законодательством субъектов Российской Федерации. Статистические сведения размещены в Форме 577 1-АП ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России».

альных органов, проходящих службу в МВД по Республикам Алтай, Тыва, Хакасия, а также в ГУ МВД России по Алтайскому и Красноярскому краям, Кемеровской, Новосибирской, Томской областям, цель которого заключалась в выяснении промежутка времени, который следует считать «возможно коротким сроком».

Результаты анкетирования показали, что 28,5% респондентов определяют время, необходимое для фактического доставления физического лица; 14,2% указывают на время, необходимое для доставления правонарушителя, в зависимости от конкретного случая; 6,2% считают, что «возможно короткий срок» – это время, ко-

торое не должно превышать 1 ч; 51,1% выбрали оптимальный, на наш взгляд, ответ, указав, что это время, не превышающее срок административного задержания (три часа).

На основании изложенного, а также результатов проведенного опроса практических сотрудников полиции, считаем целесообразным внести предложение о закреплении в ч. 2 ст. 27.2 КоАП РФ максимального срока, необходимого для доставления лиц, совершивших административные правонарушения, в орган внутренних дел (полицию), который, по нашему мнению, не должен превышать срок административного задержания (три часа).

Литература

1. Вопросы организации деятельности строевых подразделений вневедомственной охраны полиции: приказ МВД России от 3 марта 2015 г. № 300. Документ официально опубликован не был.
2. Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции: приказ МВД России от 29 января 2008 г. № 80 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 27.
3. Гришаков А.Г. Административное задержание как мера пресечения, применяемая милицией // Полицейское право. 2005. № 4.
4. Дугенец А.С. Административно-юрисдикционный процесс: монография. М., 2003.
5. Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел: теория и практика: монография / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб.: СПб ун-т МВД России, 2004.
6. Каплунов А.И. Принудительные меры органов внутренних дел, обеспечивающие участие обязательных лиц в производстве по делу об административном правонарушении // Полицейское право. 2005. № 3.
7. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Соколов А.Ю. О проблемах применения доставления в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2011. № 2.
9. Тархов А.В. О некоторых мерах процессуального обеспечения производства по делу об административном правонарушении, ограничивающих свободу личности. Результаты НИР ВНИИ МВД России, 2003. URL: <http://buimain/nirvnii/pravaja.htm>.
10. Телегин А.С. Административное принуждение в деятельности милиции // Полицейское право. 2005. № 2.
11. Тюрин В.А. О понятии мер пресечения в административном законодательстве // Государство и право. 2002. № 7.

УДК 351.74

А.В. Куянова, канд. юрид. наук
Омская академия МВД России

ПОЛИЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В контексте проводимой административной реформы на территории Российской Федерации отечественными учеными все больше осознается актуальность исследования истории полиции России и ее правового регулирования на современном этапе. Это обусловлено необходимостью дальнейшего совершенствования современной системы правоохранительных органов, введения системы МВД России на новый, более качественный уровень развития. В статье представлен краткий анализ зарождения и развития полиции в России, особенности ее деятельности на различных этапах развития государства. В систематизированном виде представлены основные группы нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность полиции Российской Федерации на современном этапе.

Ключевые слова: полиция, реформирование, государственное принуждение, управление, общепризнанные принципы, нормативные правовые акты.

A.V. Kuyanova, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

POLICE IN THE RUSSIAN FEDERATION AND LEGAL REGULATION OF ITS ACTIVITY

Russian scientists increasingly realized the relevance of research the history of Russian police and its legal regulation at this stage in the context of the administrative reform in the Russian Federation. This is due to the need to further improve the current system of law enforcement, elimination of the Russian Interior Ministry in the new, more qualitative level of development. The article presents a brief analysis of the origin and development of the police in Russia, particularly its activities in various stages of development of the state. The main group of normative legal acts regulating the activities of the police of the Russian Federation at the present stage is in a systematic way.

Key words: police, reforming, state suppression, government, generally recognized principles, normative legal acts.

Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3 ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») понятие «полиция» раскрывается через призму ее социальной роли в российском обществе. Так, согласно ч. 1 ст. 1 «Назначение полиции» она предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности. При этом полиция незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств.

В то же время следует отметить, что ФЗ «О полиции» не содержит законодательного определения термина «полиция»; в связи с этим, на наш взгляд, необходимы изменения в действующем законодательстве, а именно введение отсутствующей дефиниции в законодательный и научный оборот.

Полиция имеет свою историю становления. С течением времени менялись структура, функции, подвергались переосмыслению ее полномочия. Сам термин «полиция» греческого происхождения, пришел к нам из эпохи Античности. В Древней Греции термин «полиция» трактовался Аристотелем широко и имел два основных значения: 1) полис, т.е. некая иерархически

организованная управленческая структура (город-государство), 2) аппарат управления (штат служащих) [2, с. 7].

В аналогичном смысле термин «полиция» перешел в латинский язык, а вместе с рецепцией римского права стал использоваться в средневековой Европе. Под полицией понимали управление внутренними делами в сфере безопасности и в области благосостояния.

Полиция являлась учреждением, призванным обеспечить счастье всех членов общества, к ее компетенции был отнесен широкий круг вопросов государственной жизни: 1) надзор за отправлением религиозных культов (должная организация религиозной жизни общества должна вообще исключать все остальные стороны полицейской деятельности); 2) наблюдение за нравами (преследование роскоши, праздности, надзор за театрами, играми, публичными женщинами); 3) забота о народном здоровье (соблюдение условий, предупреждающих болезни); 4) забота о народном продовольствии; 5) строительство общественных зданий; 6) надзор за противопожарной безопасностью; 7) контроль за состоянием путей сообщения; 8) организация почты; 9) соблюдение общественной тишины и спокойствия; 10) принятие мер против стихийных бедствий; 11) развитие науки и искусства; 12) торговля и промышленность; 13) отношение к прислуге и наемным рабочим; 14) призрение нищих [3, с. 6].

Формирование законодательных основ деятельности полиции в России происходит в первой четверти XVIII в. В 1715 г. Петр I создал в России службу охраны общественного порядка и назвал ее полицией [15, с. 7]. По определению Петра I, «полиция споспешествует в правах и в правосудии, рождает добрые порядки и нравоучения, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет и принуждает каждого к трудам и к честному промыслу, чинит добрых домостроителей, тщательных и добрых служителей города и в них улицы регулярно сочиняет, препятствует дороговизне и приносит довольство во всем потребном к жизни человеческой, предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам; и в домах заперещает излишество в домовых расходах и все явные погрешения; призывает нищих, бедных, больных, увечных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных, по заповедям Божиим, воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных науках; вкратце же

над всеми сими полиция есть душа гражданства...» [5, с. 378].

В 1782 г. принят «Устав благочиния или полицейский», согласно которому учреждены должности служащих городской полиции, определены требования, которым они должны отвечать.

Существенное влияние на построение и деятельность полицейских органов оказало создание в 1802 г. центральных органов управления полиции – Министерства внутренних дел, а затем Министерства полиции.

На стыке XIX–XX вв. полномочия полиции в Российской империи законодательством регламентировались «весьма широко и приблизительно» [4], что зачастую приводило к возможности произвола в рамках реализации дискреционных полномочий полицейских. Власть, которой располагала полиция, обернулась против нее самой [1, с. 171–172; 12, с. 18].

В начале XX в. революционные события привели к ликвидации полиции и образованию новых органов борьбы с преступностью – милиции. 10 марта 1917 г. Временное правительство издало постановление об упразднении Департамента полиции [13, ст. 453], а 17 апреля 1917 г. учредило милицию [13, ст. 537], «децентрализовав прежний аппарат, демократизовав службу в нем, но, по сути, оставив в стране профессиональную, регулярную полицию» [4, с. 18].

Декретом ВЦИК и СНК РСФСР 10 июля 1920 г. было утверждено Положение о рабоче-крестьянской милиции [14], которым были подведены итоги строительства милиции за предшествующие годы, закреплены ее структура, обязанности и компетенция.

В соответствии со ст. 1 закона РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» милиция – это система государственных органов исполнительной власти, призванных защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан, собственность, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств и наделенных правом применения мер принуждения в пределах, установленных законодательством Российской Федерации.

В течение 94 лет (с 1917 г. по 2011 г.) на территории Российской Федерации милиция фактически осуществляла полицейские функции. Переименование российской милиции в полицию означало преодоление одного из устойчивых идеологических мифов и стало шагом на пути обретения милицией социальной роли, адекватной ее собственной природе [10, с. 76].

Политико-юридические предпосылки переименования российской милиции в полицию связаны с реализацией Указа Президента Российской Федерации от 24 декабря 2009 г. № 1468 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 254), в котором подчеркивалась необходимость модернизации существующей структуры органов внутренних дел, организации их деятельности, кадрового, финансового, материально-технического обеспечения милиции.

Принятие Указа Президента Российской Федерации от 18 февраля 2010 г. № 208 «О некоторых мерах по реформированию Министерства внутренних дел Российской Федерации» (в ред. от 4 апреля 2014 г. № 202) стало отравной точкой в разработке ФЗ «О полиции».

При разработке ФЗ «О полиции» учитывался положительный опыт зарубежных стран в области строительства полицейских институтов; тем самым сделан очередной шаг на пути сближения с международно-правовыми стандартами полицейской деятельности. Кроме того, принимались во внимание нормы и рекомендации, содержащиеся во многих международных документах, в числе которых Декларация о полиции, Всеобщие стандарты борьбы с коррупцией в полицейских ведомствах и органах, Европейский кодекс полицейской этики, Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, Международный кодекс поведения государственных должностных лиц, Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, Конвенция о защите физических лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера, Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию и ряд других.

Важно также отметить, что ФЗ «О полиции» сохраняет положения Закона РФ «О милиции», которые прошли проверку временем и подтверждены решениями Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского Суда по правам человека. Это касается, например, норм о применении полицией силы, об отдельных ее обязанностях и полномочиях.

Таким образом, в настоящее время в большинстве стран мира полиция представляет собой «специализированный правоохранительный орган, призванный охранять жизнь, здоровье, имущество, общественный порядок и публичную безопасность» [4, с. 7].

Полиция в Российской Федерации – это система вооруженных специализированных правоохранительных органов, являющаяся составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, призванная защищать жизнь и здоровье человека, его права и свободы, собственность, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств [6, с. 40].

Правовая основа деятельности полиции – это совокупность нормативных правовых актов, изданных уполномоченными на то органами в пределах их компетенции и регулирующих различные аспекты организации и деятельности полиции. Отличительной чертой правового регулирования деятельности полиции служит множественность его субъектов и источников, обусловленная множественностью и разнообразием решаемых полицией задач.

Ядро правовой основы деятельности полиции составляет *Конституция Российской Федерации*. В соответствии с Конституцией Российской Федерации непосредственная деятельность полиции и регулирующее эту деятельность законодательство должны исходить из того, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2); все органы государственной власти, должностные лица и граждане обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы (ч. 2 ст. 15); любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения (ч. 3 ст. 15); все равны перед законом и судом (ч. 1 ст. 19); каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 22) и т.д.

Основополагающее значение для деятельности полиции имеют положения Конституции Российской Федерации, устанавливающие основания ограничения прав и свобод, а также запреты на осуществление определенных действий, предопределяя принципы, закрепленные в гл. 2 ФЗ «О полиции».

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации *международные договоры* Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

В числе наиболее важных международных договоров Российской Федерации с точки зре-

ния правового регулирования деятельности полиции следует назвать Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый Резолюцией 2200А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г., Конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., Европейскую конвенцию о выдаче от 13 декабря 1957 г., Европейскую конвенцию о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г., Европейскую конвенцию о пресечении терроризма от 27 января 1977 г., Конвенцию об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г., Европейскую конвенцию по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от 26 ноября 1987 г., Конвенцию Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г., Конвенцию Содружества Независимых Государств о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. и др.

Наряду с международными договорами Российской Федерации Конституция Российской Федерации (ч. 4 ст. 15) называет составной частью правовой системы *общепризнанные принципы и нормы международного права*, не устанавливая, правда, в отличие от международных договоров России их приоритета по отношению к внутреннему законодательству.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2013 г. № 4) констатируется, что: а) под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо; б) к общепризнанным принципам международного права, в частности, относятся: принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств; в) под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного. Содержание указанных принципов и норм международного права

может раскрываться, в частности, в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений [10].

В ряду наиболее значимых международно-правовых принципов и норм как элементов правовой основы деятельности полиции следует выделить Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый Резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 г., Руководящие принципы для эффективного осуществления Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятые Резолюцией 1989/61 Экономического и Социального Совета ООН от 24 мая 1989 г., Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, принятые Резолюцией VIII Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (27 августа – 7 сентября 1990 г.), Декларацию о полиции, утвержденную Резолюцией 690 Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 8 мая 1979 г., и др.

Федеральные конституционные законы – разновидность федеральных законодательных актов, принимаемых в соответствии с Конституцией Российской Федерации по вопросам, предусмотренным Конституцией РФ. Федеральный конституционный закон обладает повышенной юридической силой по сравнению с федеральным законом; федеральные законы не должны противоречить федеральным конституционным законам.

Для обеспечения надлежащей деятельности полиции большое значение имеют федеральные конституционные законы, устанавливающие полномочия Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и иных федеральных судов.

Полиция обязана участвовать в обеспечении режима военного положения и режима чрезвычайного положения в случае их введения на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях.

Составной частью правовой основы деятельности полиции выступают *федеральные законы*. Одни из них регулируют ее деятельность прямо (например, ФЗ «О полиции»), другие – косвенно, определяя рамки такой деятельности.

Сотрудники полиции в своей деятельности руководствуются УК РФ, УПК РФ, КоАП РФ, федеральными законами: от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об опера-

тивно-розыскной деятельности», от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и др.

Нормотворческие полномочия Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации в области внутренних дел многообразны и вытекают из их полномочий в сфере государственного управления. Так, руководство деятельностью МВД России осуществляет Президент Российской Федерации [9]. В связи с этим указами Президента Российской Федерации урегулирован большой круг вопросов организации и деятельности системы МВД России в целом и полиции в частности. В числе таких актов в первую очередь следует упомянуть Указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 250 «Вопросы организации полиции», которым установлен состав полиции, т.е. входящие в нее подразделения, организации и службы. Указом Президента Российской Федерации утвержден Перечень должностей высшего начальствующего состава органов внутренних дел, которому присваиваются специальные звания полиции.

К числу президентских актов, имеющих непосредственное отношение к организации и деятельности полиции, относятся, например, указы Президента Российской Федерации: от 30 июля 1996 г. № 1113 «Об участии Российской Федерации в деятельности международной организации уголовной полиции – Интерпола», от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму», от 14 октября 2012 г. № 1377 «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации» и др.

Целесообразно выделить ряд указов Президента Российской Федерации, непосредственно ориентированных на обеспечение правопорядка, защиту прав и свобод человека и гражданина, противодействие коррупции. Это, в частности, указы Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», от 9 июня 2010 г. № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года», от 11 апреля 2014 г. № 2226 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2014-2015 годы» и др.

Широкими полномочиями в сфере обеспечения законности, прав и свобод граждан, борьбы

с преступностью наделено Правительство Российской Федерации, которое участвует в разработке и реализации государственной политики в области обеспечения безопасности личности, общества и государства; осуществляет меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, по охране собственности и общественного порядка, по борьбе с преступностью и другими общественно опасными явлениями; разрабатывает и реализует меры по укреплению кадров, развитию и укреплению материально-технической базы правоохранительных органов [8]. Соответственно, *постановления Правительства Российской Федерации* регулируют различные вопросы, касающиеся деятельности полиции.

Нормативные правовые акты МВД России издаются в виде приказов, положений, уставов, инструкций, правил, наставлений и иных нормативных правовых актов [7].

Приказ издается по наиболее важным вопросам функционирования органов внутренних дел Российской Федерации, включая определение их задач и функций, правовое регулирование различных направлений оперативно-служебной и служебно-боевой деятельности, прохождения службы в органах внутренних дел (например, приказ МВД России от 30 апреля 2011 г. № 333 «О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России»; приказ МВД России от 30 августа 2012 г. № 827 «Об утверждении Порядка формирования кадровых резервов Министерства внутренних дел Российской Федерации, его территориальных органов и подразделений» и др.).

Статусные документы органов внутренних дел, их структурных подразделений, предприятий, учреждений и организаций издаются в виде положений и уставов. Положение устанавливает статус, определяет задачи и функции, права, порядок деятельности органа внутренних дел или его структурного подразделения (например, приказ МВД России от 21 апреля 2011 г. № 222 «Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне»; приказ МВД России от 16 июня 2011 г. № 679 «Об утверждении положения о Главном управлении собственной безопасности Министерства внутренних дел Российской Федерации» и др.). Положение издается также в целях нормативного регулирования конкретных видов деятельности, осуществляемых органами внутренних дел.

Устав определяет статус, цели, порядок и характер деятельности предприятия, учреждения и организации (например, приказ МВД России от 20 июля 2009 г. № 571 «Об утверждении Устава федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации"»; приказ МВД России от 05 мая 2012 г. № 463 «Об утверждении Устава федерального государственного казенного учреждения "Управление вневедомственной охраны Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Омской области"» и др.).

Инструкции и правила регулируют основные виды (формы) оперативно-служебной деятельности и порядок ее осуществления конкретными категориями сотрудников. Инструкция содержит нормы, устанавливающие, кем, в каком порядке, какими способами и методами должен осуществляться тот или иной вид деятельности (например, приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях»; приказ МВД России от 10 января 2012 г. № 8 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности внештатных сотрудников полиции» и др.).

Правила устанавливают порядок осуществления отдельного вида деятельности (например, приказ МВД России от 26 июля 2013 г. № 575 «Об утверждении Правил ношения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации форменной одежды, знаков различия и ведомственных знаков отличия»; приказ МВД России от 10 февраля 2014 г. № 83 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка в местах отбывания административного ареста» и др.).

В наставлении излагаются нормы о порядке действия конкретных подсистем (органов) в той или иной ситуации, а также определяется порядок реализации и исполнения соответствующих прав и обязанностей (например, приказ МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389 «Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан»; приказ МВД России от 13 ноября 2012 г. № 1025дсп «Об утверждении Наставления по организации физиче-

ской подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации»; приказ МВД России от 13 ноября 2012 г. № 1030дсп «Об утверждении Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» и др.).

Исходя из особенностей целей и предмета правового регулирования в МВД России могут издаваться и иные виды нормативных правовых актов.

В системе МВД России запрещается издание актов управления, содержащих правовые нормы, в виде распоряжений, писем, телеграмм, телефонограмм, указаний, протоколов, актов, заключений, планов и других служебных документов.

В своей деятельности полиция руководствуется также законами субъектов Российской Федерации по вопросам охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности (например, закон Омской области от 24 июля 2006 г. № 770-ОЗ «Кодекс Омской области об административных правонарушениях» (в ред. постановления Правительства Омской области от 25 декабря 2014 г. № 1709-ОЗ); постановление Правительства Омской области от 19 декабря 2012 г. № 277-п (в ред. постановления Правительства Омской области от 12 марта 2014 г. № 39-п) «О денежном вознаграждении гражданам за добровольную сдачу незаконно хранящихся огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» и др.).

Принципиально новыми являются положения ч. 3 ст. 3 ФЗ «О полиции», которые наделяют МВД России правом разрабатывать и представлять Президенту Российской Федерации и в Правительство Российской Федерации проекты федеральных конституционных законов, федеральных законов, нормативных правовых актов Президента Российской Федерации и нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, а также предложения по совершенствованию законодательных и иных нормативных правовых актов по вопросам, отнесенным к деятельности полиции. Указанная норма предполагает инициативную деятельность МВД России, его структурных подразделений и отдельных сотрудников по совершенствованию нормативной правовой базы. Это особенно важно, т.к. сотрудники полиции профессионально представляют те отношения, участниками которых они выступают, видят пробелы и другие дефекты правового регулирования и в наибольшей степени заинтересованы в их преодолении.

Литература

1. Аврутин Ю.Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России: теория, история, перспективы. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003.
2. Губанов А.В., Зубов И.Н. Полицейское право: полиция государств дальнего зарубежья и международное полицейское сотрудничество. Омск, 2000. Ч. 1.
3. Кодан С.В., Поляков И.Ю. Полицейское законодательство Российской империи. Развитие, становление, систематизация. Вторая половина XVII – первая треть XIX в. Очерки. Екатеринбург, 2000.
4. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» / Ю.Е. Аврутин, С.П. Булавин, Ю.П. Соловей, В.В. Черников. М.: Проспект, 2011.
5. Кошелева О. Полиция есть душа гражданства // Отечественные записки. 2004. № 2.
6. Куянова А.В., Юрицин А.Е. Актуальные вопросы совершенствования Федерального закона «О полиции» // Актуальные вопросы публичного права. 2015. № 2.
7. Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 27 июня 2003 № 484. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О Правительстве Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ // Российская газета. 1997. 23 дек.
9. О структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2012 г. № 636 // Российская газета. 2012. 22 мая.
10. Российская газета. 2003. 2 дек.
11. Соловей Ю.П. Административное право и административная деятельность органов внутренних дел: монография. Омск: ВШМ МВД России, 1995.
12. Соловей Ю.П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации. Омск: ВШМ МВД России, 1993.
13. СУ РСФСР (Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР). 1917. № 79.
14. СУ РСФСР. 1920. № 9. Ст. 371.
15. Турская Е.Р. Структурно-организационное строительство полицейских органов России в XVIII-XX вв. // Полиция России: прошлое, настоящее, будущее: сб. мат-лов Всероссийской научно-практ. конф-ции (28-29 июня 2012 г.). Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2012.

УДК 351.74:35.083.51

А.В. Равнюшкин, канд. ист. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: rav.kin@mail.ru

**УВОЛЬНЕНИЕ СО СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
В СВЯЗИ С СОВЕРШЕНИЕМ ПРОСТУПКА, ПОРОЧАЩЕГО
ЧЕСТЬ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ,
ПРИ СОВЕРШЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ**

В статье рассматриваются проблемные вопросы увольнения со службы в органах внутренних дел по п. 9 ч. 3 ст. 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» за совершение проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, при совершении административного правонарушения.

Ключевые слова: служба, увольнение, проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел, споры по делам об увольнениях сотрудников органов внутренних дел.

A.V. Ravnushkin, PhD. (Candidate of Historical Sciences)
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
e-mail: rav.kin@mail.ru

**DISCHARGE FROM THE SERVICE IN INTERNAL AFFAIRS AGENCIES
FOR THE COMMISSION OF THE OFFENCE DISCREDITING HONOR
OF THE LAW ENFORCEMENT OFFICER
WHEN COMMITTING ADMINISTRATIVE OFFENCES**

The article deals with problematic issues of discharge from the service in Internal Affairs Agencies according to claim 9 part 3 of the Art. 82 of the Federal law «On service in Internal Affairs Agencies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» for the commission of the offence discrediting honor of the law enforcement officers when committing administrative offences.

Key words: service, discharge, misconduct discrediting honor of the law enforcement officers, disputes in cases of discharges of the law enforcement officers.

В подавляющем большинстве случаев при возникновении споров об увольнении сотрудников органов внутренних дел за нарушение норм профессиональной этики суды встают на сторону работодателя [8, с. 29]. Принимая решения о законности увольнений сотрудников, суды исходят из того, что служба в органах внутренних дел является особым видом государственной службы, направлена на реализацию публичных интересов, что предопределяет наличие у сотрудников, проходящих службу в этих органах, специального правового статуса, обусловленно-

го выполнением конституционно значимых функций по обеспечению правопорядка и общественной безопасности [4].

Согласно ч. 2 ст. 15 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» «за совершение административного правонарушения сотрудник органов внутренних дел несет дисциплинарную ответственность в соответствии с настоящим Федеральным законом, Дисциплинарным уставом органов внутренних дел

Российской Федерации, утверждаемым Президентом Российской Федерации, за исключением административного правонарушения, за совершение которого сотрудник подлежит административной ответственности на общих основаниях в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях» [5]. В части 2 ст. 2.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях перечислены административные правонарушения, за совершение которых сотрудники органов внутренних дел несут административную ответственность.

Принцип однократности привлечения к ответственности за конкретное правонарушение действует в той части, в которой исключает привлечение сотрудника к административной ответственности на общих основаниях, если за совершение административного правонарушения в силу закона он несет только дисциплинарную ответственность.

Привлечение сотрудника органов внутренних дел к административной ответственности не влечет гражданско-правовых последствий. Более того, проступком, порочащим честь сотрудника органов внутренних дел, признается не факт привлечения лица к административной ответственности, а его недостойное поведение в конкретный период времени во внеслужебное время. Представления о якобы незаконном увольнении за административное правонарушение, которое было квалифицировано именно как проступок, неверны.

Например, за совершение административного правонарушения в сфере безопасности дорожного движения по ч. 1 ст. 12.8 «Управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрено привлечение сотрудника органов внутренних дел к ответственности на общих основаниях. Если факт нахождения сотрудника органов внутренних дел в состоянии алкогольного опьянения при управлении транспортным средством установлен, следовательно, он подлежит привлечению к административной ответственности. В то же время, если одновременно сотрудник совершил недостойный проступок, который несовместим с личными, нравственными качествами, предъявляемыми к сотруднику органов внутренних дел законодательством Российской Федерации, он подлежит увольнению [6]. Привлечение к административной ответственности не исключает возможности увольнения сотрудника со

службы в случае, если совершенное правонарушение порочит честь сотрудника органов внутренних дел [1].

В этой связи признание его виновным по ч. 1 ст. 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и увольнение за проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел, не является двойным привлечением к ответственности за одно и то же правонарушение. Данный вывод основан на понимании того, что лицо, управлявшее транспортным средством в состоянии опьянения, несет административную ответственность по ч. 1 ст. 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Если при выявлении данного правонарушения это лицо вело себя непристойно, некорректно, порождало конфликтную ситуацию в обращении с должностными лицами ДПС ГИБДД, использовало служебное положение для оказания влияния на их деятельность, его поведение в сложившейся ситуации не соответствовало критерию безупречности, то указанные действия являются подрывающими репутацию и авторитет органов внутренних дел. Таким образом, в указанном случае помимо привлечения к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях данное лицо подлежит увольнению из органов внутренних дел за совершение проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел.

Если сотрудник органов внутренних дел не соглашается с тем, что управлял транспортным средством в состоянии опьянения, отказывается от медицинского освидетельствования, то тогда он подлежит привлечению к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Невыполнение водителем законного требования сотрудника полиции о прохождении медицинского освидетельствования». Данное обстоятельство не влияет на законность увольнения сотрудника именно в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел [2].

Освидетельствование лица, управляющего транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформление результатов производится в соответствии с Правилами, утверждёнными постановлением Правительства РФ от 26 июня 2008 г. № 475. Факт отказа сотрудника от прохождения медицинского освидетельствования на состояние алкогольного опьянения в присутствии понятых должен быть за-

фиксирован в протоколе об отказе от медицинского освидетельствования.

Сотрудник органов внутренних дел, управлявший транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, отказавшись от прохождения освидетельствования на состояние опьянения, формально создает своими действиями условия для возбуждения в отношении него дела об административном правонарушении, спровоцировав тем самым конфликт частного и публичного интересов, что не отвечает высоким требованиям, предъявляемым к сотруднику полиции.

Например, сотрудник, управляя личным автомобилем в состоянии алкогольного опьянения в свободное от службы время, после остановки автомобиля сотрудниками ДПС ГИБДД пересел с водительского места на пассажирское и вышел для беседы с сотрудниками через переднюю пассажирскую дверь, предъявив служебное удостоверение в интересах, не связанных с выполнением служебных задач. После того как его пригласили в патрульный автомобиль и предложили пройти медицинское освидетельствование на предмет нахождения в состоянии алкогольного опьянения, стал утверждать, что за рулём находился не он, а его родственник. Сотрудниками ГИБДД в присутствии двух понятых были составлены протоколы об отстранении данного сотрудника от управления транспортным средством, об административном правонарушении.

Судом был рассмотрен материал о привлечении его к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Невыполнение водителем законного требования сотрудника полиции о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения». Суд постановил признать сотрудника виновным в совершении административного правонарушения и назначил наказание в виде лишения права управления транспортным средством сроком на один год и шесть месяцев. Одновременно он был уволен в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника, т.к. использовал служебное положение для оказания влияния на деятельность должностных лиц при решении вопросов личного характера.

Кроме того, не вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении о назначении наказания на момент увольнения сотрудника не может повлечь отмену состоявшегося решения, т.к. недостой-

ное поведение сотрудника органов внутренних дел подрывает авторитет службы в полиции, подтверждается заключением служебной проверки и не требует вступления постановления суда в законную силу.

Так, например, сотрудник органов внутренних дел К. приказом начальника УМВД России по Белгородской области от 10 апреля 2012 г. был уволен из органов внутренних дел по п. 9 ч. 3 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с совершением проступка, порочащего честь и достоинство сотрудника органов внутренних дел. Тогда К. обратился в суд с иском о признании приказа об увольнении незаконным, восстановлении на службе в прежней должности. Исковое заявление судом не было удовлетворено. В решении Октябрьского районного суда г. Белгорода от 30 мая 2012 г. было указано, что сотрудник не только допустил управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, но и фактически создал конфликтную ситуацию с сотрудниками ДПС ГИБДД, не находящимися в его непосредственном подчинении, но стоящими ниже его по званию. Сотрудник всячески уклонялся от признания совершенного им правонарушения, чем фактически унижал честь сотрудников органов внутренних дел, находившихся при исполнении служебных обязанностей. Пытаясь скрыть произошедшее, сотрудник, перепрыгнув через забор, убежал с места его задержания на глазах не только младших по званию сотрудников органов внутренних дел, но и его руководителя – заместителя начальника УГИБДД УМВД России по Белгородской области. Сотрудник не доложил своему руководству о случившемся, скрылся у себя в доме. На предпринятые попытки вызова на улицу для дальнейшего разбирательства не реагировал.

Данное поведение порочит честь и достоинство сотрудника органов внутренних дел, наносит урон престижу, авторитету и доброму имени, высокому званию сотрудника, свидетельствует о низком морально-нравственном облике К. как сотрудника органов внутренних дел, способного пренебречь предписаниями законов и нормативно-правовых актов, соблюдение которых является его обязанностью [7].

Проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел, может состоять в том, что, совершив административное правонаруше-

ние, за которое наступает административная ответственность на общих основаниях, сотрудник пытается избежать ответственности, ведет себя недостойно, некорректно и агрессивно.

Требование п. 9 ч. 3 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» позволяет уволить сотрудника органов внутренних дел до решения вопроса о привлечении его к административной ответственности, а судам – отказывать в удовлетворении требований о восстановлении на службе, несмотря на наличие вступившего в законную силу решения суда о прекращении производства по административному делу в отношении уволенного сотрудника в связи с отсутствием в его действиях состава административного правонарушения. Обоснованием такого решения является именно недостойное поведение сотрудника органов внутренних дел, нанесшее ущерб его авторитету [3].

Таким образом, принятию решения об увольнении сотрудника органов внутренних дел со службы за совершение проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, т.е. за несоблюдение им добровольно принятых на себя обязательств, предусмотренных законодательством, предшествует объективная оценка совершенного им деяния.

Проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел, – это совершение действий, нарушающих этические правила поведения сотрудника органов внутренних дел

во вне службы, подрывающих авторитет органов внутренних дел, действия аморального характера.

Таким образом, понятие «проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел», хотя и является оценочным, однако не содержит неопределенности в своем значении, поскольку разнообразие фактических обстоятельств дела делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе, а использование законодателем оценочной характеристики преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций. Закон фактически изначально составлен так, чтобы предоставить руководителю органа внутренних дел широкую свободу в его толковании и применении.

Совершение сотрудником органов внутренних дел, на которого возложена исключительная по своему объему и характеру ответственность по защите жизни и здоровья граждан, противодействию преступности и охране общественного порядка, проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, свидетельствует о его осознанном, вопреки профессиональному долгу и принятой присяге, противопоставлении себя целям и задачам деятельности полиции.

Это способствует формированию негативного отношения к органам внутренних дел в частности и институтам государственной власти в целом, деформирует нравственные основания взаимодействия личности, общества и государства, подрывает уважение к закону и необходимости его безусловного соблюдения.

Литература

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 10 октября 2012 г. по делу № 11-9072 // Московский городской суд. Официальный сайт. URL: http://mosgorsud.ru/inf/infa/ga/?year=GAI_year2012&sf0=11-9072 (дата обращения: 17.03.2015).

2. Апелляционное определение Московского городского суда от 26 октября 2012 г. по делу № 11-24155 // Московский городской суд. Официальный сайт. URL: http://mosgorsud.ru/inf/infa/ga/?year=GAI_year2012&sf0=11-24155 (дата обращения: 17.03.2015).

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Демина Павла Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 9 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]: определение Конституционного суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 г. № 278-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.03.2015).

4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Серяпина Ивана Федоровича на нарушение его конституционных прав пунктом 9 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 октября 2013 г. № 1545-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.03.2015).

5. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (с изм. от 12 февраля 2015 г. № 16-ФЗ) // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

6. Решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 20 марта 2014 г. № 2-1623/2014 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/VMYVTIXx5kL8/> (дата обращения: 17.03.2015).

7. Решение Октябрьского районного суда г. Белгорода от 30 мая 2012 г. по делу 2012/05 // Белгородский областной суд. Официальный сайт. URL: http://oblsud.blg.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=3116 (дата обращения: 17.03.2015).

8. Федорова О. Увольнение за несоответствие корпоративной культуре // Трудовое право. 2014. № 8. С. 29-37.

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

УДК 343.622

Т.А. Плаксина, доктор юрид. наук, доцент
Алтайская академия экономики и права
e-mail: plaksinata@yandex.ru

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ, КАЗАХСТАНА И КЫРГЫЗСТАНА¹

В статье приводится сравнительная характеристика регламентации ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в законодательстве России, Казахстана и Кыргызстана. Показаны различия по кругу деяний, охватываемых данным привилегированным составом в законодательстве перечисленных государств, выделены общие черты правового регулирования ответственности, представлен анализ санкций. Автором доказывается, что наиболее удачное законодательное решение как в части формулирования признаков состава убийства матерью новорожденного ребенка, так и в части конструирования санкции содержится в Уголовном кодексе Республики Казахстан.

Ключевые слова: привилегированное убийство, убийство матерью новорожденного ребенка, новорожденный ребенок, психотравмирующая ситуация, психическое расстройство, санкция.

Т.А. Plaksina, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Altai Academy of Economics and Law
e-mail: plaksinata@yandex.ru

REGULATION OF RESPONSIBILITY FOR THE MURDER OF THE NEWBORN CHILD BY MOTHER IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA, KAZAKHSTAN AND KYRGYZSTAN

The article is devoted to a comparative analysis of the regulation of responsibility for murder of the newborn child by mother in the legislation of Russia, Kazakhstan and Kyrgyzstan. The author shows what acts are murder of the newborn child by mother in the legislation of those states. The article identifies the common features of legal regulation of responsibility and presents an analysis of the sanctions. The most successful legislative solution in the formulation of the constituent elements of murder of the newborn child by mother and in the design of the sanction is contained in the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan.

Key words: murder under mitigating circumstances, murder of the newborn child by mother, newborn child, stressful situation, mental disorder, sanction.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Алтайского края в рамках научного проекта № 15-13-22010 «Преступления против личности и против собственности в уголовном законодательстве России, Казахстана, Кыргызстана и Монголии: сравнительно-правовое исследование».

Любое сравнительно-правовое исследование уголовного законодательства нескольких государств направлено на установление сходства и различий в правовом регулировании уголовной ответственности, осуществляемом на уровне национального законодательства, на выявление позитивного и негативного законотворческого опыта. Казахстан и Кыргызстан являются ближайшими соседями России на азиатском пространстве и ее партнерами во многих областях, в силу чего знания об уголовно-правовой политике этих государств имеют большое значение, особенно если речь идет о политике в области противодействия насильственным преступлениям против личности.

Законодательство всех трех перечисленных государств выделяет в качестве привилегированного состава преступления убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ, ст. 100 УК Республики Казахстан [12], ст. 100 УК Кыргызской Республики [11]), однако круг преступлений, подпадающих под данные нормы, различен, как, впрочем, различна и степень жесткости уголовной репрессии, отраженная в санкциях. Если в УК России и УК Кыргызстана предусмотрена ответственность за четыре вида убийства матерью новорожденного ребенка (во время родов; сразу же после родов; в условиях психотравмирующей ситуации; при наличии психического расстройства, не исключающего вменяемости), то ст. 100 УК Казахстана охватывает всего два вида такого убийства – убийство, совершенное в условиях психотравмирующей ситуации, и убийство в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

На первый взгляд, формулировка диспозиции ст. 100 УК Республики Казахстан сходна с формулировками диспозиций других анализируемых статей: «Убийство матерью своего новорожденного ребенка как во время родов, так и в последующий период, совершенное в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости». Но ее толкование позволяет прийти к выводу о том, что обязательными альтернативными условиями привлечения к уголовной ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка являются совершение преступления в условиях психотравмирующей ситуации и в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Отсутствие хотя бы одного из этих обстоятельств исключает возможность квалификации деяния по ст. 100 УК Республики Казахстан и сразу же переводит преступление в разряд квалифициро-

ванных убийств (п. 14 ч. 2 ст. 99 УК Казахстана – убийство заведомо несовершеннолетнего лица), тогда как ст. 106 УК РФ и ст. 100 УК Кыргызской Республики могут быть применены и в тех случаях, когда не было ни психотравмирующей ситуации, ни психического расстройства у матери: в качестве самостоятельных разновидностей убийства в них закреплены убийство во время родов и убийство сразу же после родов без предъявления каких-либо требований к состоянию женщины.

Позиция казахстанского законодателя представляется гораздо более соответствующей основаниям смягчения ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка, чем подход, нашедший отражение в УК РФ и в УК Кыргызской Республики. В российской уголовно-правовой литературе подобное решение вопроса о регламентации ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка многими специалистами признается оптимальным, а формулировка диспозиции ст. 106 УК РФ критикуется. В частности, А.Н. Попов, анализируя сложившиеся в науке мнения об основаниях и необходимости включения в УК РФ привилегированного состава убийства матерью новорожденного ребенка, отмечает, что законодательство наиболее правильно было бы при смягчении ответственности исходить исключительно из ненормального психического состояния матери, вызванного родами, которое и должно быть отражено в диспозиции статьи [10, с. 37, 41]. Аналогичной точки зрения придерживаются Н.А. Лопашенко [4, с. 453], С.Ф. Милюков [5, с. 220-221], Т.В. Кондрашова [3, с. 136], Е.И. Грубова [1, с. 20-21], Л.И. Мурзина [7], А.Л. Карасова [2, с. 8-9], ряд других авторов. Более того, ст. 113 Модельного Уголовного кодекса для государств-участников СНГ, являющегося рекомендательным законодательным актом, также связывает ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка только с особым состоянием матери, определяя данное преступление как убийство во время родов или непосредственно после них, совершенное в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами [6].

К общим чертам правового регулирования ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в уголовном законодательстве России, Казахстана и Кыргызстана относятся:

- 1) наступление уголовной ответственности с 16 лет;
- 2) отсутствие квалифицирующих обстоятельств в рамках соответствующих составов

(хотя в теории уголовного права предложено по аналогии с ч. 2 ст. 107 УК РФ выделить в составе убийства матерью новорожденного ребенка квалифицирующий признак «совершение преступления в отношении двух или более лиц»);

3) отсутствие законодательного определения понятия «новорожденный ребенок».

Последнее обстоятельство, безусловно, негативно влияет на правоприменительную деятельность. Поскольку границы новорожденности остаются размытыми, создается опасность произвольного толкования данного признака на практике. Однако в Республике Казахстан разъяснение понятия «новорожденный ребенок» дается в Нормативном постановлении Верховного Суда РК от 11 мая 2007 г. № 1 «О квалификации некоторых преступлений против жизни и здоровья человека» [9]. Согласно п. 25 данного постановления новорожденность ребенка определяется судебно-медицинской экспертизой в соответствии с педиатрическими критериями. В этом же пункте приведено толкование понятий «психотравмирующая ситуация» и «психическое расстройство женщины»: по мнению Верховного Суда Республики Казахстан, психотравмирующей ситуацией применительно к составу убийства матерью новорожденного ребенка следует признавать существенные обстоятельства, отрицательно воздействующие на состояние психики родившей женщины (например, отказ отца от ребенка, осуждение родственниками рождения ребенка вне брака, отказ отца ребенка или родственников женщины в материальной помощи для существования матери и ребенка и др.), а психическое расстройство женщины после рождения ребенка характеризуется, как правило, отрицательными процессами в ее психической деятельности (депрессия, чувство страха, маниакальные настроения и др.); при этом для установления вменяемости или невменяемости женщины в связи с указанными расстройствами необходимо проведение судебной психолого-психиатрической экспертизы. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. разъяснение признаков состава убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) отсутствует, хотя на доктринальном уровне понимание новорожденности, психотравмирующей ситуации и психического расстройства женщины, не исключającego вменяемости, совпадает с тем, что дано в Нор-

мативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан.

Изучение санкций анализируемых статей показывает, что они различаются как по количеству предусмотренных в них основных наказаний, так и по максимальному пределу одноименных наказаний. Санкция ст. 106 УК РФ является альтернативной и содержит три вида наказаний – ограничение свободы, принудительные работы и лишение свободы, из которых один вид (принудительные работы) в настоящее время не введен в действие. Таким образом, фактически могут применяться только ограничение свободы и лишение свободы. Эти же два вида наказаний предусмотрены в санкции ст. 100 УК Республики Казахстан. Санкция же ст. 100 УК Кыргызской Республики простая, в ней установлено только лишение свободы.

В российской уголовно-правовой литературе при рассмотрении вопросов пенализации преступлений против жизни справедливо отмечается, что закрепляемые в санкции виды наказаний должны соответствовать степени ценности охраняемого блага – жизни человека. Установление в качестве вида наказания за убийство ограничения свободы нарушает это соответствие, если учесть, что данный вид наказания как по УК РФ, так и по УК Республики Казахстан не связан с изоляцией от общества. При этом если в соответствии со ст. 44 УК Казахстана ограничение свободы представляет собой установление пробационного контроля за осужденным на срок от одного года до семи лет, причем некоторые категории осужденных подлежат привлечению к принудительному труду, то правоограничения, составляющие содержание одноименного вида наказания в РФ, практически лишены карательного потенциала. Н.В. Огородникова, анализируя включение в 2009 г. в санкцию ст. 106 УК РФ наказания в виде ограничения свободы, верно указывает, что на общем фоне повышенного внимания к охране прав и свобод малолетних и несовершеннолетних «диссонансом выглядит неоправданная забота о матери-убийце и явно недостаточная защищенность потерпевшего – новорожденного ребенка» [8, с. 123].

Сравнение верхнего предела наказания в виде лишения свободы за детоубийство в законодательстве России, Казахстана и Кыргызстана представляется вполне корректным с учетом того, что максимальное наказание в виде лишения свободы на определенный срок во всех трех государствах составляет двадцать лет. За убийство матерью новорожденного ребенка

ст. 106 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок до пяти лет, ст. 100 УК Республики Казахстан – лишение свободы на срок до четырех лет, ст. 100 УК Кыргызской Республики – лишение свободы на срок до трех лет. Ни одна из санкций не содержит нижнего предела по данному виду наказания, в силу чего действует минимальный предел лишения свободы, установленный Общей частью УК: в РФ – два месяца, в Казахстане и Кыргызстане – шесть месяцев.

Необходимо иметь в виду, что оценка санкции с точки зрения адекватности отражения в ней характера и степени общественной опасности рассматриваемого вида привилегированных убийств должна производиться с учетом целого комплекса обстоятельств: видов предусмотренных наказаний; максимального срока наиболее сурового наказания (лишения свободы); разновидностей убийства матерью новорожденного ребенка, закрепленных в диспозиции. Принятие во внимание только одного из этих факторов способно привести к ошибочным выводам.

Так, на первый взгляд, по максимальному пределу лишения свободы наиболее суровой и соответствующей характеру и степени общественной опасности преступления представляется санкция ст. 106 УК РФ. Однако следует помнить, что диспозиция данной статьи закрепляет несколько иной круг деяний, чем ст. 100 УК Казахстана. Помимо преступлений, совершаемых при извинительных обстоятельствах (в условиях психотравмирующей ситуации либо при наличии психического расстройства, не исключающего вменяемости), под ст. 106 УК РФ подпадают и деяния, совершаемые при отсутствии особого психофизиологического состояния женщины в момент убий-

ства (в частности, заранее обдуманное убийство во время родов или сразу же после родов), в связи с чем санкция оказывается даже заниженной, особенно если учесть наличие в ней такого вида основного наказания, как ограничение свободы.

Санкция ст. 100 УК Кыргызской Республики содержит только лишение свободы, но с учетом низкого максимального предела (три года) является довольно мягкой. К тому же по данной статье, как и по ст. 106 УК РФ, подлежат квалификации убийства матерью новорожденного ребенка во время родов или сразу же после родов, не обусловленные особым психофизиологическим состоянием женщины и по существу совершенные при отсутствии обстоятельств, которыми можно было бы объяснить смягчение ответственности.

Наиболее совершенной в настоящее время является санкция ст. 100 УК Республики Казахстан. Во-первых, она предусматривает такие виды наказаний, которые соотносимы с ценностью объекта уголовно-правовой охраны, и не содержит наказаний, применение которых в силу их чрезвычайной необременительности для виновного лица не способно будет достичь цели восстановления социальной справедливости. Во-вторых, максимальный срок лишения свободы (четыре года) хотя и в два раза ниже минимального срока лишения свободы за простое убийство (восемь лет), тем не менее в целом соответствует общественной опасности деяния, поскольку обязательным условием привлечения к уголовной ответственности по данной статье выступает совершение убийства или в условиях психотравмирующей ситуации, или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Литература

1. Грубова Е.И. Проблемы ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в российском и зарубежном уголовном законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 27 с.
2. Карасова А.Л. Убийство матерью новорожденного ребенка: теоретико-прикладные аспекты ответственности по ст. 106 УК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2003. 26 с.
3. Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2000. 348 с.
4. Лопашенко Н.А. Убийства. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2013. 544 с.
5. Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб.: СПБИНВЭСЭП, 2000. 277 с.
6. Модельный Уголовный кодекс: рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств (принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, постановление № 7-5 от 17 февраля 1996 г.; с изм. на 16 ноября 2006 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901781490>.

7. Мурзина Л.И. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. URL: <http://www.dissercat.com/content/ubiistvo-materyu-novorozhdennogo-rebenka-ugolovno-pravovye-i-kriminologicheskie-problemy>.

8. Огородникова Н.В. Конструирование санкций как способ реализации уголовно-правовой политики // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2011. № 1. С. 121-124.

9. О квалификации некоторых преступлений против жизни и здоровья человека: нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 мая 2007 г. № 1 (ред. от 21 апреля 2011 г.) // Официальный сайт Верховного Суда Республики Казахстан. URL: <http://sud.gov.kz/rus/legislation/CAT01/79692/2007>.

10. Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 465 с.

11. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 г. (ред. от 8 апреля 2015 г.) // Информационные системы «Параграф». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30222833.

12. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. (ред. от 7 ноября 2014 г.) // Информационные системы «Параграф». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252.

УДК 343.57

Р.А. Семенюк, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: ruslanbarnaul@mail.ru

ТИПОЛОГИЯ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

В представленной статье раскрывается понятие и специфика типологии лиц, совершающих преступления в состоянии опьянения. Также рассматриваются типы преступников в зависимости от особенностей воздействия алкоголя, наркотических средств и одурманивающих веществ на психику виновного. В работе предлагается авторская типология «пьяных» преступников по направленности преступного поведения личности.

Ключевые слова: типология преступников, состояние алкогольного, наркотического опьянения.

R.A. Semeniuk, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: ruslanbarnaul@mail.ru

TYOLOGY OF PERSONS WHO COMMIT CRIMES WHILE INTOXICATED

The present article deals with the concept and the specific typology of the persons who commit crimes while intoxication. It also discusses the types of offenders based on the characteristic effects of alcohol, drugs and intoxicants on the perpetrator's psyche. The author proposes an original typology of «drunken» criminals due to their individual criminal behavior.

Key words: typology of criminals, state of alcoholic, narcotic intoxication.

Идея типологии лиц, совершающих преступления, исходит из необходимости сведения их в однотипные группы. Она связана с изучением таких свойств личности, как сознание и психика, темперамент, эмоции, воля, навыки, умения, привычки, направленность, установка, потребности и т.д. [1, с. 236, 244].

Типология преступников является более глубокой (по сравнению с классификацией) характеристикой личности преступников, основанной на существенных признаках, причинно связанных с преступным поведением [8, с. 39].

Ученые-криминологи обращают внимание на то, что главным типобразующим признаком является тот, который определяет взаимоотношения между личностью и обществом. При этом устанавливается степень отчужденности личности преступника от общества и окружающей его социальной среды и т.п. Здесь выделяются привычные, злостные, профессиональные и случайные преступники [1, с. 240].

Специфика типологии «пьяного» преступника заключается в том, что преступление данным типом совершается в состоянии алкогольного, наркотического и иного токсического опьянения. Как правило, пьянство, алкоголизм и наркомания свидетельствуют о низком уровне нравственности и культуры личности. При разработке типологии данных личностей следует учитывать, что чаще всего в состоянии опьянения совершаются преступления насильственной направленности: убийства и изнасилования, причинение вреда здоровью различной степени тяжести, факты насилия в отношении представителя власти, преступления в сфере семейно-бытовых отношений, в жилом секторе, в общественных местах. Такие преступления в большинстве случаев являются результатом межличностного конфликта.

Таким образом, необходимо учитывать тот факт, что в состоянии опьянения может быть совершено преступление любой направленности.

сти, посягающее на разнородные объекты уголовно-правовой охраны. Например, структура «пьяной» преступности в Сибирском федеральном округе по данным 2014 г. выглядит следующим образом: преступления против собственности – 44,5%; против жизни и здоровья – 40,1%; против здоровья населения и общественной нравственности – 5,7%; против порядка управления – 3,6%; дорожно-транспортные – 1,6%; другие – 4,5%.

В учебниках по криминологии чаще всего выделяется социальный тип криминогенной личности, включающий в себя три подтипа: последовательно-криминогенный, ситуативно-криминогенный, ситуативный [5, с. 408-410]. Профессор М.П. Клейменов также отмечает, что типологию преступников логично начинать с установления социальных типов людей, специфика статуса которых определяет характер преступной деятельности. Различные сферы социальной активности позволяют различать такие типы преступников, как бытовой, должностной, политический и др. Типология бытового преступника, в свою очередь, воплощается в типах убийцы, насильника, хулигана, вора, что свойственно и для лиц, совершающих преступления в состоянии опьянения [4, с. 106].

В криминологической литературе встречаются различные варианты типологии «пьяных» преступников. Например, в зависимости от особенностей воздействия алкоголя, наркотических средств и одурманивающих веществ на психику виновного условно выделяют три типа лиц, совершающих преступления в состоянии опьянения [7, с. 9-11]:

- лица, хронически злоупотребляющие психоактивными веществами (52%). Основным криминогенным фактором совершения преступления у данного типа является само потребление психоактивных веществ в отсутствие существенного внешнего повода;

- лица, систематически употребляющие эти вещества, но не больные алкоголизмом или наркоманией (35%). Они совершали преступления в отношении близких, пользуясь внешним поводом. Характерно, что более половины осужденных не могли четко объяснить мотивы своего поведения;

- лица, редко употребляющие алкоголь, наркотические средства или психотропные вещества (13%). Данный тип преступников действует, как правило, с заранее обдуманной целью. Потребление психоактивных веществ для таких лиц является средством снятия напряжения и укрепления решимости.

В тяжелой степени опьянения в среднем совершается 70% преступлений представителями первого типа, 35% – представителями второго типа и 15% – представителями третьего типа преступников [3, с. 171].

Практика показывает, что «пьяные» преступления чаще всего имеют насильственно-бытовой характер. В типологии насильственных преступников ученые выделяют следующие типы: особо опасный, профессиональный, привычный, ситуативный, неустойчивый, случайный, неосторожный [1, с. 246].

По нашему мнению, для лиц, совершивших насильственное преступление в состоянии опьянения, в большей мере присущи типы привычного, неустойчивого и неосторожного преступника. Привычный тип обладает дурными привычками, характеризуется антиобщественным образом жизни, который также является привычным. Он легко подпадает под влияние более опасных преступников. Неустойчивый тип отличается совершением «пьяных» преступлений в силу неустойчивости и слабовольности характера. Для неосторожного типа характерно совершение преступлений в состоянии опьянения по неосторожности в сферах, предполагающих взаимодействие человека с техникой; в бытовой и профессиональной деятельности, не связанной с использованием технических средств.

Исходя из направленности преступного поведения личности, нами предлагается следующая типология «пьяных» преступников.

1. Тип «пьяный убийца». Анализ материалов уголовных дел по фактам убийств позволил нам определить следующий криминологический портрет данного типа. Это лица мужского пола, 30-49 лет, совершившие убийство или покушение на убийство, характеризующиеся ярко выраженной агрессивной направленностью, склонные к насилию в конфликтных ситуациях. Лица данного типа чаще всего являются наемными работниками, имеют психические аномалии в рамках вменяемости, официально не состоят в браке, имеют среднее (полное) общее либо среднее профессиональное образование, постоянное место жительства, ранее совершали аналогичное преступление в состоянии опьянения.

Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России за 2014 г., в Сибири 63,3% лиц, совершивших убийства, ранее уже совершали преступление; 41,7% – были ранее судимы [9].

2. Тип «пьяный преступник-насильник» – лица подростково-молодежного возраста, совершившие преступление против половой неприкосновенности и половой свободы лично-

сти, в т.ч. в совокупности с иными насильственными преступлениями. Характерные особенности данного типа: антиобщественная направленность, взрывной характер, наличие заболеваний, психических аномалий в рамках вменяемости (свойственно несовершеннолетним и лицам в возрасте до 30-35 лет). Примерно 35-40% лиц данного типа ранее уже привлекались к уголовной ответственности.

3. Тип «пьяный вор». В отличие от других типов, вор – это в большинстве случаев профессиональный преступник, имеющий определенную криминальную специализацию и квалификацию. Воры характеризуются ярко выраженным интересом к конкретно-направленной преступной деятельности, поэтому большинство из них привлекались к уголовной ответственности. Так, по данным ГИАЦ МВД России за 2014 г., в Сибири 64% воров ранее уже совершали преступление; 37,1% – были ранее судимы [9].

Широкое распространение получили такие подтипы воров, как «карманники», «домушники», «рыночники», «прилавочники», «кроты», «майданщики», «маршрутники», «уличные», «магазинные», «барсеточники», «угонщики» и др.

По данным нашего исследования, 48% лиц, совершивших кражи, находились в состоянии алкогольного (реже – наркотического) опьянения. Что интересно, по данным других исследователей [2, с. 74], этот показатель еще выше – 63%. Чаще всего в состоянии опьянения кражи совершают неопытные молодые воры случайного и ситуативного типа, путем свободного доступа, на улицах либо в жилищах у своих знакомых.

Значительное число краж (до 45%) совершается с единственной целью – добыть средства на приобретение алкоголя либо наркотиков. Количество краж, совершенных ворами-дилетантами в состоянии опьянения, на 10% больше, чем у рецидивистов [2, с. 74].

4. Тип «пьяный семейно-бытовой преступник» характеризуется высокой степенью агрессивности, склонен к домашнему насилию на почве пьянства, наркомании, что, в свою очередь, детерминирует семейно-бытовой конфликт. Как правило, ранее он уже привлекался к уголовной ответственности за аналогичные преступления. Данный тип распространен среди лиц, освобожденных из мест лишения свободы; осужденных за совершение семейно-бытовых преступлений и хулиганство; находя-

щихся на профилактическом учете в органах внутренних дел больных алкоголизмом либо наркоманией; привлекавшихся к административной ответственности за мелкое хулиганство, употребление алкоголя, наркотиков в общественных местах и т.п. После совершения преступления лица данного типа часто сожалеют о случившемся, пытаются загладить вину перед жертвой. Однако впоследствии аналогичное преступное поведение продолжается и имеет более тяжкие последствия.

5. Тип «пьяный уличный преступник» отличается преимущественным совершением преступлений корыстной (кражи, простые грабежи, мошенничества) или корыстно-насильственной направленности (квалифицированные грабежи, разбои, вымогательства) на улицах и в других общественных местах.

Уличные преступники – это, как правило, молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет с антиобщественной установкой, сформировавшейся на фоне употребления алкоголя или наркотиков, не желающие работать и учиться, ведущие паразитический образ жизни. Типичным мотивом совершения преступления является удовлетворение потребности в приобретении спиртного или наркотиков [6, с. 25]. В основном уличные преступления в состоянии опьянения совершаются на улице около домов, во дворах, на остановках общественного транспорта, пустырях, открытых рынках, в парках, скверах.

6. Тип «пьяный водитель-преступник» в отличие от вышеуказанных личностей, как правило, характеризуется общей положительной направленностью, ранее не совершавший преступлений, но привлекавшийся к административной ответственности за правонарушения, связанные с нарушением правил дорожного движения. К данному типу относятся чаще всего лица мужского пола, молодежного возраста, имеющие водительский стаж не более 5-7 лет, склонные к употреблению алкогольных напитков, реже – наркотических средств либо других одурманивающих веществ. К соблюдению правил дорожного движения они относятся легкомысленно и небрежно, в силу чего допускают управление транспортным средством в состоянии опьянения, нарушают правила дорожного движения, что влечет за собой по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо более тяжкие последствия, предусмотренные ст. 264 УК РФ.

Литература

1. Абельцев С.Н. Криминологическое изучение насилия и защита личности от насильственных преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.
2. Бышевский Ю.В. Характеристика осужденных, отбывающих наказание за кражи: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2008.
3. Зелик В.А., Яблочкин А.Е. Особенности семейно-бытовых преступлений, совершаемых в состоянии опьянения // Общество и право. 2014. № 4 (50).
4. Клейменов М.П. Криминология: учебник. М.: Норма, 2009.
5. Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010.
6. Прозументов Л.М., Рачкова Н.М. Уличная преступность: понятие, характеристика и профилактика // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 2.
7. Сидоренко Э.Л. Назначение наказания лицам, совершившим преступление в состоянии опьянения // Законность. 2006. № 11.
8. Словарь по криминологии / сост. С.А. Тимко. Омск: Омская академия МВД России, 2003.
9. Состояние преступности в Сибирском федеральном округе за январь-декабрь 2014 года. URL: <http://10.5.0.16/csi/modules.php?name> (дата обращения: 23.05.2015).

УДК 343.265.5

В.А. Терентьева, канд. юрид. наук
Кемеровский государственный университет
e-mail: terent@list.ru

ОТСРОЧКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ ЛИЦАМ, БОЛЬНЫМ НАРКОМАНИЕЙ

В данной статье рассматривается отсрочка отбывания наказания лицам, больным наркоманией, в историческом аспекте и на современном этапе. Выявляется проблема применения указанных норм, анализируются ее причины.

Ключевые слова: отсрочка отбывания наказания лицам, больным наркоманией, освобождение от наказания.

V.A. Terentieva, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Kemerovo State University
e-mail: terent@list.ru

RESPIE OF SERVING PUNISHMENT TO THE DRUG ADDICTED PERSONS

This article discusses the respite of serving punishment to the drug addicted persons historically and at the present stage. It raises the question of the application of these standards and analyzes its causes.

Key words: respite of serving punishment to the drug addicted persons, release from punishment.

Развитие институтов освобождения от наказания всегда основано на тенденции гуманизации уголовного права и сокращения объема репрессий. Освобождение от наказания при применении отсрочки его отбывания – это своеобразный вид освобождения под условием. В свою очередь, отсрочка больным наркоманией выделяется законодателем в качестве одного из видов отсрочки отбывания наказания.

Изначально этот институт оформлялся в качестве одного из вариантов амнистии. В частности, в Указе Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений и дополнений в Положение о воинских преступлениях» от 15 февраля 1957 г. отсрочивалось исполнение наказания военнослужащим, осужденным в военное время к лишению свободы. Конкретного срока в законодательстве не предусматривалось, однако Указ говорил, что отсрочка возможна до окончания военных действий с направлением в штрафную часть. При успешном истечении срока отсрочки военнослужащий мог быть либо полностью освобожден от уголовного наказания, либо оно могло быть ему заменено более мягким.

В дальнейшем свое развитие отсрочка получила в УК РСФСР 1960 г., хотя как самостоятельный институт отсрочка выделяется только к концу 70-х гг. Так, УК РСФСР предусматривал специальную отсрочку от отбывания наказания для военнослужащих, военнообязанных в военное время (ст. 46 УК РСФСР). Согласно указанной статье исполнение приговора могло быть отсрочено до окончания военных действий с направлением осужденного в действующую армию в военное время. Освобождение от наказания в таком случае возможно было при выполнении военнослужащим своих обязанностей по защите родины. Кроме полного освобождения, возможна была и замена наказания более мягким видом по ходатайству военного командования.

В 1977 г. в УК РСФСР была введена ст. 46.1. Этот вид освобождения изначально представлял собой возможность отсрочки для лиц, впервые осужденных, при возможности их исправления без изоляции от общества, и лишь в 1992 г. появился современный институт отсрочки для беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей.

Основанием отсрочки по УК РСФСР являлось:

1. Совершение преступления впервые.
2. Максимальный срок наказания в виде лишения свободы не должен превышать 3-х лет.
3. Суд считает, что исправление лица возможно без изоляции от общества.

Основаниями для отмены предоставленной отсрочки являлись: уклонение от выполнения возложенных на осужденного обязанностей, а также нарушение общественного порядка или трудовой дисциплины, повлекшие за собой применение мер административного взыскания либо мер дисциплинарного или общественного воздействия, применяемых трудовым коллективом.

Единственным наказанием, от отбывания которого назначалась отсрочка, было лишение свободы, также суд мог отсрочить применение дополнительных видов наказания. Срок отсрочки составлял от 1 года до 2 лет, причем применялся этот вид освобождения с учетом степени общественной опасности личности и преступления. Отсрочка, как и условно-досрочное освобождение, была связана с возложением на лицо определенных обязанностей; так, суд по своему усмотрению мог обязать осужденного устроиться на работу или учебу, не изменять места жительства, не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма и др. Еще одним сходством с условно-досрочным освобождением была возможность возложения контроля за осужденным на трудовой коллектив.

В доктрине существовало двоякое понимание этого института: одни полагали, что освобождение от наказания заключается в предоставлении самой отсрочки, а другие настаивали, что освобождением может быть признано лишь неприменение реального наказания в случае успешного ее прохождения. Этот спор поддерживался тем, что при положительном решении суда на основании добросовестного отношения к труду или обучению и позитивного посткриминального поведения в течение срока отсрочки судом выносилось определение об освобождении осужденного от наказания. Таким образом, законодательной позицией было то, что при успешном истечении отсрочки осужденный не освобождался автоматически от отбывания наказания, вопрос освобождения в каждом случае повторно решался судом. На повторном рассмотрении дела об успешном истечении отсрочки суд решал вопрос о целесообразности отбывания осужденным назначенного ему наказания.

Оценочный характер повторного решения заключался в возможности счесть поведение осужденного неудовлетворительным и назначить ему реальное отбывание уже отсроченного наказания.

Причем эти случаи не касались оснований для отмены отсрочки отбывания наказания. Неудовлетворительным можно было признать поведение осужденного, который не проявил положительного отношения к труду или обучению.

Ныне действующая отсрочка беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, была внесена в УК РСФСР только в 1991 г., а позднее уже в УК РФ этот же вид освобождения от наказания стал применяться к такой категории, как мужчины, имеющие малолетних детей и являющиеся единственными родителями в семье.

Поддерживая тенденцию развития специальных видов отсрочки, законодатель вводит такой вид отсрочки, как отсрочка больным наркоманией. Наличие отсрочки больным наркоманией как основание освобождения от уголовного наказания тесно взаимосвязано с принятием Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации [4]. Однако развитию некоторых специальных видов освобождения дает толчок еще и осознание законодателем низкой эффективности в достижении целей профилактики и исправления, а также восстановления социальной справедливости исключительно с помощью уголовного наказания. Именно это повлекло, на наш взгляд, появление в УК РФ ст. 82.1 «Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией» и в УИК РФ ст. 178.1 «Отсрочка отбывания наказания осужденным, признанным в установленном порядке больными наркоманией, и контроль за соблюдением отсрочки отбывания наказания».

В юридической литературе преобладающим является мнение, что этот вид освобождения можно рассматривать как своеобразные способы, формы и методы не только борьбы с уголовно наказуемыми деяниями, но и борьбы с проблемой наркомании [3]. Этот вид освобождения от уголовного наказания предусматривает возможность для лица, впервые совершившего преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 228 УК РФ, ч. 1 ст. 231 УК РФ и ст. 233 УК РФ, и больного наркоманией получить отсрочку отбывания наказания в виде реального лишения свободы. Единственным дополнительным условием такой отсрочки является желание виновного излечиться; следовательно, такое освобождение предоставляется для прохождения курса лечения и медико-социальной реабилитации.

Оценивая эффективность отсрочки отбывания наказания больным наркоманией, следует отметить достаточно низкий процент ее применения. К этому же мнению пришла О.В. Золотарева, отме-

чавшая, что «...при изучении материалов уголовного судопроизводства по ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ в восьми субъектах Российской Федерации, входящих в Дальневосточный федеральный округ (все субъекты, кроме Чукотского автономного округа) <...> было проанализировано более 220 решений судов Приморского, Хабаровского и Камчатского краев, Амурской, Сахалинской и Магаданской областей, Республики Саха (Якутия), Еврейской автономной области по уголовным делам о преступлениях указанной категории. В период с 1 января 2012 г. по апрель 2014 г. установлен только один случай предоставления лицу, больному наркоманией, отсрочки отбывания наказания для прохождения лечения и реабилитации...» [2, с. 18].

Анализируя причины малого количества назначения этого вида отсрочки, стоит указать следующее:

1. Особенности санкций данных составов. В основной массе они являются альтернативными, т.е. включают множество видов наказаний, начиная от штрафа и заканчивая лишением свободы. Также в санкциях содержится указание на возможность применения дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Это обеспечивает довольно широкий выбор методов воздействия на осужденного, не связанных с лишением свободы, сокращению применения которой в первую очередь и должна способствовать отсрочка.

2. Кроме того, в ч. 5 ст. 73 УК РФ закреплено право суда при назначении условного осуждения вменять в обязанности осужденного пройти курс лечения от наркомании, что конкурирует с отсрочкой в плане условия ее применения – желания излечиться. Это обстоятельство также сокращает количество применения ст. 82.1 УК РФ.

Однако такое положение не всеми учеными признается оправданным: «широкое распространение условного осуждения за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, представляется неоправданным еще и потому, что во многих случаях оно не препятствует осужденному совершать новые аналогичные преступления, это, в свою очередь, обуславливается в одних случаях наркотической зависимостью самого лица, в других – стойкой антиобщественной направленностью личности» [1].

3. Помимо вышеобозначенного, негативное влияние на количество случаев применения отсрочки оказывает неназначение в ходе расследования наркологической экспертизы. Именно факт заболевания наркоманией, наряду с остальными признаками, является условием освобождения от уголовного наказания.

О.В. Золотарева, анализируя данный признак в своей работе, указывает на этот негативный фактор, отмечая, что в приговорах часто применяются следующие формулировки: «лицом, зависимым от наркотических средств, себя не считает», «не считает себя наркозависимым», «пояснил, что наркоманией не страдает и не нуждается в лечении», «в настоящее время не употребляет наркотические средства, в лечении от наркомании не нуждается» [2, с. 21]. Такое положение дел приводит к недостаточному исследованию вопроса о наличии или отсутствии наркотической зависимости.

Резюмируя все вышесказанное, следует отметить, что отсрочка отбывания наказания больным наркоманией представляет собой основание освобождения от уголовного наказания за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемые без цели сбыта. Малое количество случаев применения отсрочки по данному основанию, несмотря на историческую обусловленность его существования, вызывается рядом объективно существующих причин.

Литература

1. Евланова О.А., Павловская Н.В. Практика применения новых норм УК России в части назначения наказания за сбыт наркотических средств // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2013. № 10. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2015).
2. Золотарева О.В. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: первые итоги // *Вестник ДВЮИ МВД России*. 2014. № 4 (29).
3. Матвеев Е.В. Основания и порядок применения отсрочки уголовного наказания для осужденных, больных наркоманией // *Первый Пермский правовой портал*. URL: <http://territoriaprava.ru/topics/40555> (дата обращения: 20.03.2015).
4. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690 // *СЗ РФ*. 2010. № 24. Ст. 3015.
5. Скобелин С.Ю. Юридическая природа и потенциал отсрочки отбывания наказания больным наркоманией // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2013. № 1 (23). С. 54-61.

УДК 343.632

М.В. Титаренко

Алтайская академия экономики и права

e-mail: masha16247@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТ. 148 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ

В данной статье рассматриваются вопросы уголовной ответственности за оскорбление религиозных чувств верующих, анализируются проблемы квалификации преступления.

Ключевые слова: оскорбление, религиозные чувства верующих, уголовная ответственность.

M.V. Titarenko

Altai Academy of Economics and Law

e-mail: masha16247@mail.ru

REVISITING THE CRIMINAL RESPONSIBILITY ACCORDING TO THE ART. 148 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article discusses the issues of criminal responsibility for insulting religious feelings of believers, analyzes the problems of crimes qualification.

Key words: insult, religious feelings of believers, criminal responsibility.

Высшим нормативно-правовым актом Российской Федерации является Конституция РФ, которая в ст. 28 гарантирует свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними [2].

Помимо того, что право на свободу вероисповедания и совести закреплено в ст. 28 Конституции РФ, другие статьи Основного закона также дополняют этот принцип, провозглашая: принцип идеологического многообразия (ст. 13); светский характер государства (ст. 14); равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии и убеждений, запрещение любых форм ограничения прав граждан по признаку религиозной принадлежности (ст. 19); запрещение пропаганды идей, вызывающих религиозную ненависть или вражду (ст. 29); возможность выбора вместо военной службы гражданской в случае, если военная

служба не признается вероисповеданием человека (ст. 59).

Религиозная жизнь человека является, пожалуй, самой тонкой, а потому и сложной для нормативно-правового регулирования сферой жизни. Регламентация данного права, естественно, связана с формой ответственности за нарушение этого права [1].

Основы права на свободу совести и вероисповедания закрепляются в Конституции РФ и в ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Статья 26 указанного закона устанавливает ответственность за нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях, а именно уголовную, административную и иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации [3]. В частности, нарушения данного права регулируются УК РФ в ст. 148 и КоАП РФ в ст. 5.26.

29 июня 2013 г. Федеральным законом № 136-ФЗ в вышеуказанные статьи был внесен

ряд изменений, значительно расширив содержание преступления. Так, к преступлению были отнесены публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих (последнее ранее было административным правонарушением); незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний. Причем за такие преступления в местах проведения религиозных обрядов увеличивается мера наказания. Диспозиция, соответствующая прежней редакции ст. 148 УК РФ, вошла в новую редакцию указанной нормы. В неё были внесены дополнения. Если раньше речь шла о незаконном воспрепятствовании деятельности религиозных организаций или совершению религиозных обрядов, то в новой редакции она включает еще и воспрепятствование проведению богослужения, других религиозных обрядов и церемоний. Естественно, увеличен штраф и его соразмерность с заработной платой. В некотором дополнении к ч. 3 относится ч. 4, регламентирующая деяния, предусмотренные ч. 3, исходящие от лица, использующего свое служебное положение, а также при применении насилия или с угрозой его применения.

Следовательно, оскорбление религиозных чувств верующих в настоящее время перешло в разряд преступлений, а значит, было признано общественно опасным. Кроме общественной опасности это деяние, согласно принципам криминализации и декриминализации, должно быть относительно распространенным. Отдельной статистики приговоров по ст. 148 УК РФ Судебный департамент не содержит, однако при изучении тех материалов, где все же имеет место ст. 148 УК РФ, можно наблюдать опечатку, а именно: вместо ст. 158 указывалась ст. 148 УК РФ. Кроме того, если рассматривать примеры практики – судебные решения и приговоры по ст. 148 УК РФ (согласно «РосПравосудию»), то с 2012 по 2014 г. данная статья упоминалась лишь в решениях судов, связанных с подачей осужденными ходатайства о смягчении наказания в соответствии со ст. 10 УК РФ, в связи с изменениями, внесенными в УК РФ Федеральным законом РФ № 136 от 29.06.2013, однако во всех случаях данные изменения в ст. 148 УК РФ не улучшали положения осужденных, т.к. по указанным статьям никто из них не осуждался. В отдельных случаях лица были оправданы за недоказанность в их действиях состава данного преступления. Логично возникает вопрос: была

ли объективная необходимость в этом? На наш взгляд, нет.

Объективная сторона преступления, согласно ч. 1 ст. 148 УК РФ, заключается в публичных действиях, выражающих явное неуважение к обществу и совершенных в целях оскорбления религиозных чувств верующих. Публичность означает, что эти действия будут направлены на большое количество людей, а цель виновного должна заключаться в оскорблении религиозных чувств верующих. Вышеназванная ст. 28 Конституции РФ гарантирует право каждому исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Следовательно, чувства атеистов под действия ст. 148 УК РФ не попадают, поэтому напрашивается вывод: если верующий оскорбит атеиста, то содеянное им будет квалифицироваться по ч. 2 ст. 5.61 КоАП РФ, однако если атеист оскорбит чувства верующего, то в данном случае уже будет применяться ч. 1 ст. 148 УК РФ. Кроме того, кого же мы вообще можем назвать верующим и кто же будет признан потерпевшим в данном преступлении? УК РФ не раскрывает, какую религию необходимо исповедовать, чтобы быть потерпевшим. Преамбула Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» гласит, что Федеральное Собрание Российской Федерации принимает настоящий Федеральный закон, уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России. Из этого можно сделать вывод, что закон не содержит исчерпывающего перечня религий, а также не уточняет, какие религии входят в неотъемлемую часть исторического наследия народов России. Таким образом, в настоящее время существует неоднозначное толкование термина «верующий», что впоследствии приведет к сложностям в процессе квалификации данных преступлений. Часть 1 ст. 213 УК РФ устанавливает ответственность за хулиганство, т.е. грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение по отношению к обществу, совершенное по мотивам религиозной ненависти или вражды. Возникает мнение, что эта норма и норма ст. 148 УК РФ соотносятся, состав ч. 1 ст. 213 УК РФ охватывает действия состава ст. 148 УК РФ. Снова возникает вопрос: если мы будем рассматривать санкции данных норм, то состав ст. 148 УК РФ (1 год лишения свободы) будет привилегированным по отношению к ст. 213 УК РФ (5 лет лишения свободы); зачем тогда законодатель, который хотел усовершенствовать механизм

уголовной ответственности за преступления против права на свободу совести и вероисповедания, ослабляет в 5 раз ответственность за данное деяние?

Часть 2 ст. 148 УК РФ предусматривает ответственность за те же действия, но только в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний. В соответствии со ст. 16 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 06.04.2015) «О свободе совести и о религиозных объединениях» религиозные организации вправе основывать и содержать культовые здания и сооружения, иные места и объекты, специально предназначенные для богослужений, молитвенных и религиозных собраний, религиозного почитания (паломничества) [3]. Также богослужения и другие религиозные обряды могут осуществляться религиозной организацией в порядке, установленном для проведения митингов, шествий и демонстраций, но для этого необходимо разрешение для проведения их в определенном месте. Если такое разрешение получено, то это место будет считаться также спе-

циально предназначенным для проведения богослужений, ответственность будет наступать по ч. 2 ст. 148. Однако если по каким-либо причинам религиозная организация не получила такого разрешения, будет ли наступать ответственность по ч. 2 ст. 148 УК РФ у лиц, совершивших публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих и в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний? Ответить на данный вопрос затруднительно.

Таким образом, ст. 148 УК РФ нуждается в значительной доработке. Отсутствие определения некоторых терминов способствует возникновению проблем, связанных с правильностью квалификации оскорбления чувств верующих. Что касается неравного отношения к ответственности верующих и неверующих, то все это свидетельствует о нарушении конституционного принципа равенства всех перед законом, а также положений Конституции РФ о том, что наше государство светское и правовое.

Литература

1. Беспалько В.Г. Уголовно-правовая охрана религиозных отношений // Журнал российского права. 2014. № 7.
2. Конституция Российской Федерации. Официальный текст с внесенными поправками от 21.07.2014 // СЗ РФ. 2014. № 31.
3. О свободе совести и о религиозных объединениях: федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 06.04.2015) // СЗ РФ. 1997. № 39.

УДК 343.631

И.И. Харитонов

адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

e-mail: no_phone@mail.ru

ОБ ОТГРАНИЧЕНИИ КЛЕВЕТЫ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ

В представленной статье проведено отграничение клеветы от смежных составов преступлений, таких как нарушение неприкосновенности частной жизни, заведомо ложный донос, клевета в отношении судьи. Кроме того, проанализированы отдельные объективные и субъективные признаки клеветы, необходимые для проведения отграничения.

Ключевые слова: преступления против чести и достоинства личности, клевета.

I.I. Kharitonov

a postgraduate student of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot

e-mail: no_phone@mail.ru

ABOUT THE DELIMITATION OF SLANDER FROM RELATED CRIMES AND OFFENCES

The delimitation of slander from related crimes such as violation of privacy, knowingly false denunciation and slander against a judge is carried out in the present article. In addition, there is an analysis of individual objective and subjective characteristics of slander, necessary for carrying out delimitation.

Key words: crimes against honor and dignity, slander.

Необходимость комплексного рассмотрения вопроса отграничения клеветы от смежных преступлений, правонарушений и прочих проступков не вызывает сомнений. Обусловлена она тем, что в настоящее время клевета является единственным общим составом преступления против чести, достоинства и репутации, существующим в нынешней редакции уголовного закона.

К числу правонарушений и преступлений, являющихся смежными с клеветой, следует отнести: оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ); доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ); нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ); клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава (ст. 298¹ УК РФ); заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ); заведомо ложные показания (ст. 307 УК РФ). Кроме того, в ст. 152 ГК РФ содержатся положения о защите чести, достоинства и деловой репутации. Отграничение от дан-

ного гражданско-правового деликта также представляется нам необходимым.

Как известно, законодатель признал утратившими силу ст. 129 (клевета) и 130 (оскорбление) в одном Федеральном законе [4]. Возврату в УК РФ в новой редакции подлежала только клевета. В юридической литературе клевета и оскорбление не раз признавались наиболее сходными по своим объективным и субъективным признакам составами преступлений. Находясь в гл. 17 Уголовного кодекса РФ, они образовывали единую группу преступлений с наиболее сходными непосредственными объектами – общественными отношениями, охраняющими право на честь и достоинство.

Клевету от оскорбления, на наш взгляд, представляется возможным отграничить по трем элементам составов этих преступлений (объект, объективная и субъективная стороны).

В первую очередь необходимо указать на некоторые различия в непосредственном объекте рассматриваемых посягательств. Помимо чести

и достоинства, норма об ответственности за клевету охраняет также право на защиту репутации как субъективного права пользоваться положительной оценкой своих личных и профессиональных качеств. Оскорбление же посягает на блага личности, требующие признавать ценность человека как носителя чести и достоинства. Оскорбительные действия не могут отразиться на репутации человека, поэтому нельзя признать оскорбление посягательством на нее.

Субъективные стороны клеветы и оскорбления также обладают рядом различий. При их разграничении необходимо учитывать направленность умысла. Так, при клевете она заключается в желании виновного довести порочащие сведения третьим лицам, в то время как при оскорблении сообщение таких сведений происходит самому потерпевшему.

Состав доведения до самоубийства также имеет ряд смежных с клеветой признаков. Согласно диспозиции нормы ст. 110 УК РФ доведение до самоубийства или покушения на него совершаются путем угроз, жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его человеческого достоинства.

На наш взгляд, к числу действий, унижающих человеческое достоинство, относится клевета, оскорбление, издевательства, ложные обвинения, а также иные действия, противоречащие представлениям о нравственной ценности личности в гуманном обществе. Очевидно, что круг действий, которые охватываются составом доведения до самоубийства, намного шире клеветы. Кроме того, при доведении до самоубийства действия по унижению достоинства личности должны происходить систематически. Напротив, для состава клеветы достаточно одного случая распространения заведомо ложных порочащих сведений.

Имеются различия в субъективной стороне рассматриваемых составов. Как было указано выше, клевета совершается только с прямым умыслом. При доведении до самоубийства вина может быть как умышленной, так и неосторожной. Этот вывод, по нашему мнению, вытекает из нормативных положений, содержащихся в ч. 2 ст. 24 УК РФ, а также диспозиции ст. 110 УК РФ, не указывающей какую-либо форму вины.

Разграничение состава клеветы и состава нарушения неприкосновенности частной жизни необходимо проводить по объекту и объективной стороне. Непосредственным объектом ст. 137 УК РФ, в отличие от клеветы, выступают общественные отношения, охраняющие право

человека на неприкосновенность частной жизни. Объективная сторона нарушения неприкосновенности частной жизни охватывает действия по распространению правдивых сведений, составляющих личную или семейную тайну.

В теории уголовного права справедливо обращается внимание на определенные сходства объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 298¹ УК РФ, с признаками объективной стороны общего состава преступления клеветы [1, с. 146]. Используемый законодателем в рассматриваемой статье термин «клевета» идентичен по своему содержанию понятию, раскрытому в ст. 128¹ УК РФ.

Различия между общим и специальным составами клеветы мы находим в объекте и субъективной стороне. Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 298¹ УК РФ, является установленный нормативными актами порядок осуществления правосудия, предварительного следствия, дознания, исполнения приговора, решения или иного судебного акта. Честь, достоинство и репутация лица, осуществляющего правосудие, предварительное следствие, дознание, прокурорский надзор, исполнение судебных актов выступают в рассматриваемом составе преступления дополнительным непосредственным объектом.

Обязательным признаком, характеризующим интеллектуальный элемент умысла, является то, что не соответствующие действительности сведения распространяются в связи с рассмотрением дела или материалов в суде (ч. 1) или в связи с производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта (ч. 2). При отсутствии этого признака деяние квалифицируется по ст. 128¹ УК РФ.

Составы клеветы и заведомо ложного доноса, ответственность за который установлена в ст. 306 УК РФ, также обладают рядом смежных признаков. Речь идет о случаях, когда клевета соединена с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера (ч. 4 ст. 128¹ УК РФ), а также тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 5 ст. 128¹ УК РФ). Сходство данных преступлений имеется в субъективной стороне. Это выражается в признаке заведомости, т.е. в сознании виновным ложного характера распространяемых им сведений. Разграничение этих составов преступлений необходимо производить по объекту, объективной и субъективной стороне.

Если непосредственным объектом клеветы являются общественные отношения, охраняю-

щие право на честь, достоинство и репутацию, то заведомо ложный донос посягает в первую очередь на общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда при производстве по уголовным делам. Отношения, обеспечивающие честь и достоинство гражданина, его свободу и неприкосновенность, являются лишь дополнительным объектом заведомо ложного доноса.

С объективной стороны заведомо ложный донос характеризуется действием – сообщением заведомо ложной информации о совершении лицом преступления. Исходя из цели заведомо ложного доноса, отмеченной выше, можно сделать вывод, что, как правило, эта информация сообщается в органы или лицу, которые правомочны возбуждать и рассматривать уголовные дела. При клевете заведомо ложные сведения могут быть сообщены любым лицам.

Установление действительной цели преступления – одно из условий правильной квалификации содеянного по ст. 306 УК РФ и его отграничения от других преступлений. По нашему мнению, цели указанного преступления могут быть самыми разнообразными: привлечение невиновного к уголовной ответственности, укрывательство действительного преступника, стремление заставить органы внутренних дел осуществить розыск утерянного имущества, выдавая его за похищенное, возбуждение уголовного дела. Главное состоит в том, что виновный своими действиями осознанно вводит в заблуждение государственные органы, ведущие борьбу с преступностью, о якобы совершенном преступлении, и путь к достижению целей преступления пролегает через уголовную ответственность потерпевшего.

Обращение в иные организации (контролирующие, общественные и т.д.) образует состав клеветы, а не заведомо ложного доноса. Иное толкование расширяет состав заведомо ложного доноса и порождает сложности при отграничении его от клеветы.

Рассмотрим различия клеветы и заведомо ложного показания. Главным образом разграничение здесь следует проводить по признакам

объекта и объективной стороны. Как было указано ранее, общественные отношения, охраняющие право на честь, достоинство и репутацию, являются лишь дополнительным непосредственным объектом заведомо ложного показания. Основным же непосредственным объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, обеспечивающие быстрое, полное, объективное и справедливое расследование, рассмотрение и разрешение дел в сфере конституционного, гражданского, административного, арбитражного и уголовного судопроизводства. Интересы личности ложным показанием могут нарушаться только в том случае, когда оно направлено не в пользу, а против подсудимого [5, с. 336].

В отличие от клеветы, которая совершается только действием, заведомо ложное показание может быть совершено путем бездействия (например, умолчание об обстоятельствах преступления) [6].

Существуют также различия в субъектах преступлений, предусмотренных ст. 128¹ и ст. 307 УК РФ. Субъект заведомо ложного показания специальный: свидетель, потерпевший, эксперт, специалист и переводчик. При клевете субъект является общим – физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет.

Различие в субъективных сторонах клеветы и заведомо ложного показания заключается прежде всего в том, что клевета имеет своей целью опорочить потерпевшего. В то же время ложные показания даются в основном с целью оправдания виновного или смягчения его ответственности.

Уголовно-правовой и гражданско-правовой способы защиты чести, достоинства и репутации личности имеют различия, которые обусловлены спецификой этих отраслей права. Различия эти заключаются как в квалификационной, так и в процессуальной составляющей. Защита указанных прав может осуществляться посредством применения норм, установленных как в ст. 128¹ УК РФ, так и в ст. 152 ГК РФ, как в совокупности, путем подачи гражданского иска в уголовном производстве, так и независимо друг от друга.

Литература

1. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 491 с.
2. Комиссарова Е.Г. Теория диффамации в учении о защите чести и достоинства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С. 8-14.
3. Медведев Е.В. Какой должна быть уголовно наказуемая клевета? // Российский следователь. 2009. № 17. С. 16-18.

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 28.12.2013) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Пионтковский А.А. Советское уголовное право. Т. II. Особенная часть. М.; Л., 1928. 428 с.
6. Преступления против правосудия / А.Н. Александров, Ю.И. Антонов, А.В. Галахова и др.; под ред. А.В. Галаховой [Электронный ресурс]. М.: НОРМА, 2005. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Шмарион В.И. Ответственность за преступления против чести и достоинства личности по российскому уголовному законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2000. 228 с.

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

УДК 343.975:343.9.022

П.А. Вагин

адъюнкт Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России
e-mail: Vagin_petr@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматривается проблема противодействия этнической организованной преступности и незаконной миграции, представлена практика данного противодействия в Тюменской области с элементами анализа её структурных составляющих.

Ключевые слова: этническая организованная преступность, незаконная миграция, меры противодействия.

P.A. Vagin

a postgraduate student of the Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior Affairs of Russia
e-mail: Vagin_petr@mail.ru

REVISITING THE ETHNIC ORGANIZED CRIME AND ILLEGAL MIGRATION IN THE TYUMEN REGION

The article considers the issue of prevention of ethnic organized crime and illegal migration, presents the practice of this prevention in the Tyumen region with elements of analysis of its structural components.

Key words: ethnic organized crime, illegal migration, countermeasures.

Борьба с организованной преступностью, сформированной по этническому признаку, является одним из приоритетных направлений деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации. Ключевым ориентиром в этой работе стал Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия». Основная задача правоохранительных органов направлена на снижение межнациональной напряжённости в обществе и раскрытие преступлений, совершенных этническими преступными группами. В

«Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» организованная преступность указана среди прочих угроз.

Российская Федерация в настоящее время является одним из лидеров миграционной привлекательности, что, соответственно, увеличивает возможность проникновения и формирования на нашей территории национальных группировок. В опубликованном докладе ООН «Мониторинг населения мира» отмечается, что Россия, в которой сейчас проживает 12,1 млн мигрантов (указано число официально прошедших реги-

страцию), находится по этому показателю на втором месте после США.

Специфическими факторами, определяющими высокую миграционную привлекательность Российской Федерации, являются:

- выгодное географическое положение Российской Федерации, занимающей 42% общей площади Европы и 29% территории всей Азии и имеющей государственную границу (включая морскую) протяженностью 60 000 км;

- высокий уровень контактности большинства участков российских границ как совокупность условий и факторов, благоприятствующих трансграничному сообщению, развитию взаимовыгодных экономических, культурных и иных связей с сопредельными странами;

- наличие на территории Российской Федерации регионов, имеющих сходные с рядом зарубежных стран, прежде всего приграничных, геоклиматические условия и этнокультурные традиции населения при более высоком уровне (потенциале) социально-экономического развития;

Миграционная активность наблюдается, прежде всего, в российских регионах с благополучным экономическим климатом и интенсивным развитием. Тюменская область обладает инвестиционной привлекательностью, политической стабильностью, большими объемами производственного и жилищного строительства, развитием сферы обслуживания, возведением крупных объектов газовой отрасли. Все это обеспечивает бесперебойный поток мигрантов в поисках заработка в качестве неквалифицированной рабочей силы.

На территории обслуживания УМВД России по Тюменской области по результатам переписи населения 2010 г. постоянно проживает около 1 200 000 граждан. Из них русских – около 1 млн, татарского населения – порядка 100 000, уроженцев кавказского региона – около 20 000, азиатских народностей – около 9 000.

По данным УФМС России по Тюменской области, в 2014 г. через пункты пропуска государственной границы Российской Федерации в Тюменской области проследовало 279 155 иностранных граждан и лиц без гражданства, из них въехало 139 763 гражданина, а выехало 139 392.

Основную часть иностранных граждан, подвергнутых миграционному контролю, составляют выходцы из стран СНГ – 99,4%. Из них граждане Казахстана – 137 294 человек, Узбекистана – 48 575, Таджикистана – 43 827, Киргизии – 28 874, Азербайджана – 9 767, Армении – 4 252, Молдовы – 1 585, Украины – 1 723, про-

чие – 1 618. Из стран «визового режима» подвергнуты миграционному контролю граждане Турции – 663 человек, Германии – 922, Франции – 14, Китая – 12.

Проведенные исследования показывают, что в последние годы увеличился приток нелегальных мигрантов, готовых работать за любую плату, не имеющих профессиональной и образовательной подготовки. Незаконная миграция способствует пополнению этнических группировок, увеличивая их численный состав и возможности оказания криминального воздействия. Установлена взаимосвязь незаконной миграции и этнической организованной преступности, коррупции и обеспечения экономической безопасности страны. В этой связи одним из приоритетных направлений государственной миграционной политики является эффективное противодействие преступлениям и правонарушениям в сфере миграции, а также обеспечение строгого контроля и учета мигрантов.

В целях упорядочения деятельности государства в сфере миграции в 2012 г. Президентом Российской Федерации утверждена «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года», в которой предусматривается широкий спектр социальных и экономических мер по стабилизации и оптимизации миграционных процессов. Федеральным законом от 28 декабря 2004 г. № 187-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен ст. 322.1 «Организация незаконной миграции».

Одной из эффективных мер противодействия незаконной миграции и этнической преступности является проведение режимных и оперативных профилактических мероприятий (далее – ОПМ). На практике УМВД России по Тюменской области данные мероприятия называются «Ночной город» и «Заслон».

ОПМ «Ночной город» проводится органами внутренних дел в целях выявления, предупреждения и пресечения преступлений и правонарушений, совершаемых мигрантами и лицами из числа этнических групп граждан. Основное внимание уделяется выявлению членов этнических групп из числа мигрантов, ведущих активный образ жизни в ночное время, в т.ч. с целью совершения преступлений. Объектами проверок являются досуговые заведения (кафе, бары, рестораны, центры отдыха), прилегающая территория, а также места массового отдыха граждан. Основанием для проведения является приказ начальника УМВД России по Тюменской области, согласованный с руководителями подразделений. С целью качественного проведения данных мероприятий необходима

тщательная подготовка с анализом оперативной обстановки, определением мест концентрации этнического контингента.

Для участия в проведении данного ОПМ привлекаются оперативные сотрудники уголовного розыска, подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, отдела оперативно-разыскной информации (далее – ООРИ), НЦБ Интерпола, центра по противодействию экстремизму, а также сотрудники комплексных сил полиции – патрульно-постовой службы, государственной инспекции по безопасности дорожного движения, специалисты экспертного центра и силовая поддержка мобильного отряда особого назначения. Кроме этого, по согласованию участвуют сотрудники Федеральной миграционной службы.

Из числа сотрудников создается рабочая группа, дислоцированная в одном из подразделений полиции, в задачи которой входит постановка доставленных на фото- и видеочеты, дактилоскопирование, проверка по имеющимся базам данных на предмет розыска, опрос, установление связей и места жительства, состава семьи, проверка законности нахождения на территории Российской Федерации, отработка на причастность к совершению на обслуживаемой территории преступлений, проверка телефонов по информационным базам данных похищенных вещей, проведение профилактических бесед о недопустимости совершения преступлений и правонарушений.

Из числа сотрудников строевых подразделений и оперативных работников при поддержке ОМОН создается мобильная группа, которая проверяет запланированные заведения, преимущественно из числа национальных, и доставляет лиц, представляющих оперативный интерес, для отработки сотрудниками рабочей группы. Также объектом проверки является прилегающая территория, а также общественные места, где происходит концентрация этнических групп граждан (парки, скверы, площадки и т.д.).

Проведенные исследования по доставленным гражданам за 2014 г. показывают, что основные лица, подвергшиеся проверке, – это граждане Узбекистана (33%), Азербайджана (32%), Таджикистана (12%), Кыргызстана (7%). Большинство из них (58%) имеют семьи, которые в основном проживают на территории Российской Федерации. Многие из них планируют остаться здесь на длительное время и оформить российское гражданство. 65% опрошенных имеют от 2 до 4 детей. Это свидетельствует об активном переселении из стран с низким уровнем жизни

на территорию Российской Федерации. С учетом возможностей деторождения можно не сомневаться, что скоро на территории обособится большое количество мигрантов, способных потеснить коренных граждан, создать экономические трудности в регионе и спровоцировать рост криминогенности.

Основная сфера деятельности доставленных мигрантов – это строительство (32%), сфера обслуживания (около 20%), транспорт (10%). Среднемесячный заработок в большинстве составляет от 10 до 30 тыс. руб., а 20% зарабатывают около 50 тыс.

57% задержанных впервые поставлены на профилактический учёт, хотя многие из них проживают на территории России более пяти лет.

ОПМ «Заслон» проводится с целью установления лиц некоренного населения, передвигающихся на автомобильном транспорте по населенным пунктам обслуживаемой территории, причастных к совершению преступлений и правонарушений, а также выявления, предупреждения и пресечения преступлений. Из числа сотрудников создается рабочая группа по аналогии с ОПМ «Ночной город», дислоцированная в одном из подразделений. Из числа сотрудников уголовного розыска, ГИБДД, ОМОН формируются мобильные группы, которые на служебных автомашинах, в соответствии с заранее подготовленной расстановкой обеспечивают перекрытие и контроль значимых транспортных развязок в населенном пункте, где проводится ОПМ. Данные группы проверяют весь автотранспорт, передвигающийся в районе проведения мероприятия, лиц, представляющих оперативный интерес, доставляют в рабочую группу для проверки и отработки. Данные мероприятия позволяют отработать места концентрации этнических групп граждан.

По результатам мероприятия подготавливается рапорт с итогами работы и дальнейшим внесением его в базу данных ООРИ. Необходимость задействования сил и средств определяет начальник органа внутренних дел. ОПМ «Ночной город» и «Заслон» целесообразно проводить после 23 ч, что обеспечит исключение проверки добропорядочных лиц, отдыхающих в заведениях и на улицах. В целях обеспечения конфиденциальности проведения ОПМ их объекты обозначаются непосредственно перед началом мероприятий.

При проведении выездных мероприятий в приграничных районах следует учитывать все способы пересечения государственной границы с целью обеспечения плотного заслона со стороны правоохранительных органов. Опрошенные мигранты используют все виды транспорта для пе-

ресечения границы Российской Федерации. Это преимущественно самолет (35%), поезд (30%), автомашина (26%), автобус (9%). Основной заезд со стороны Республики Казахстан, однако многие едут через г. Екатеринбург, Москву, Дагестан. Общая граница с Казахстаном объясняет большую активность данных граждан по въезду и выезду на российскую территорию. Казахские группировки специализируются на кражах дорогостоящих автомашин иностранного производства, а в сельской местности доминируют кражи скота.

Проведенный анализ зарегистрированных преступлений показывает, что в структуре этнической преступности преобладают неквалифицированные кражи с небольшим ущербом, причинение тяжести вреда здоровью на бытовой почве, подделка документов, однако прослеживается тенденция к росту количества преступлений, совершенных членами различных этнических диаспор в составе преступных групп, в т.ч. организованных, имеющих межрегиональные и транснациональные связи. Так, согласно аналитическим данным ГУУР МВД России за 2013-2014 гг., увеличивается количество совершенных корыстно-насильственных преступлений, преступлений против половой неприкосновенности, а также преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Установить степень воздействия этнической преступности на состояние криминогенной ситуации достаточно сложно. В статистической отчетности МВД России отсутствует информация о преступлениях, совершенных лицами из числа этнических диаспор. Ведется статистический учет преступлений, совершенных иностранцами и лицами без гражданства, и отследить лиц, совершивших преступления и являющихся представителями этнических диаспор, но имеющих российское гражданство, очень сложно. В связи с этим в 2015 г. в УМВД России по Тюменской области в раздел 12.1 статистической карточки формы 1.2, выставляемой на лицо, совершившее преступление, внесены дополнительные реквизиты по преступлениям, совершенным организованными группами и преступными сообществами: с участием иностранных

граждан; граждан стран-участников СНГ; сформированными по этническому признаку. Это позволило вести учет не только по оконченным уголовным делам, но и по уголовным делам, находящимся в производстве. Также можно разграничить этнические организованные преступные группы и смешанные группы, выделить сформированные группы из лиц, граждан стран-участников СНГ. Выделенный критерий позволяет вести учет по этническим преступлениям в автоматизированном режиме, а не вручную, как было ранее.

Очевидно, что борьба с этнической преступностью и незаконной миграцией должна основываться на знаниях о традициях, менталитете, закономерностях поведения. Практическая работа должна подкрепляться научными знаниями в области приемов криминалистики и соответствующей нормативной правовой базой.

Организация противодействия этнической преступности – это коллективная задача всех органов государственного управления Российской Федерации. Это обязывает руководителей проводить взвешенную, консолидированную политику с учетом специфики принимаемых решений, способных спровоцировать межэтнические столкновения.

Жизнь подтверждает, что в современных условиях нельзя управлять этнонациональными процессами на ощупь, опираясь только на эмпирические данные, без знания теории. Но современный человек, даже являющийся профессиональным управленцем, не может успешно адаптироваться к сложной и динамичной социокультурной обстановке без знания особенностей межэтнических отношений, психологических особенностей этносов, конфликтогенных факторов и т.п. [2, с. 20].

Проводимый мониторинг, знание этнической культуры и концепций межэтнических коммуникаций дают возможность объяснить механизм современных процессов, происходящих в этнической среде, и грамотно организовать комплекс организационных и практических мер по защите населения от противоправных действий лиц из этнических народностей.

Литература

1. Гриб В.Г., Ныриков С.А., Федотов А.И., Суяцов М.В. Этнический фактор и организованная преступность в России: проблемы борьбы с организованной преступностью, коррупцией, терроризмом. М., 2002. 198 с.
2. Гурьев М.Е., Юренкова В.А. Этнопсихология: учеб. пособие. СПб., 2014. 282 с.
3. Касаев И.Х. Виктимологическая характеристика пострадавших от деятельности этнических преступных группировок // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 1 (23). С. 98-102.
4. Состояние криминальной ситуации, связанной с деятельностью этнических организованных групп и преступных сообществ: аналитический обзор ВНИИ МВД России за 2005 г.

УДК 342:343

С.С. Галахов, доктор юрид. наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации
Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России
e-mail: junior86@rambler.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КРИМИНАЛЬНЫМ УГРОЗАМ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА (ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА)

В статье анализируются современные теоретические и практические подходы к формулированию понятия противодействия криминальным угрозам правоохранительной функции государства и содержательная сторона этой деятельности в современных условиях. Предлагается авторская дефиниция рассматриваемой деятельности.

Ключевые слова: борьба с преступностью, права и свободы личности, оперативно-разыскная деятельность, противодействия криминальным угрозам.

S.S. Galakhov, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor, honored officer of Internal Affairs Agencies of the Russian Federation
All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of Russia
e-mail: junior86@rambler.ru

COUNTERING CRIMINAL THREATS LAW ENFORCEMENT FUNCTIONS OF THE STATE (THEORY AND PRACTICE)

The article examines modern theoretical and practical approaches to the formulation of concept criminal threats countermeasures of law enforcement functions of the state and the content of this activity in modern conditions. The author proposes his own definition of the activities in question.

Key words: crime fighting, human rights and freedoms, operational search activities, criminal threats countermeasures.

Современный этап развития нашего общества характеризуется сложными процессами, проблемными ситуациями, а формы их разрешения тесно связаны с таким сложным социальным явлением, каким является преступность. Вопросы борьбы с преступностью продолжают волновать общество, они стали межгосударственной, международной проблемой, а сама преступность угрожает национальной безопасности многих стран, в т.ч. и России [10, с. 5]. В этой связи как никогда актуальны слова великого русского философа И.А. Ильина, писавшего в начале 30-х гг. о том, что «мы переживаем эпоху, когда право-порядок становится повсюду непрочным и колеблется в самых основах своих; когда большие и малые государства стоят перед возможностью

крушения и распада <...> это означает, что необходимо начать планомерную систематическую борьбу за укрепление и очищение современного правосознания» [4, с. 215-216].

Гарантии прав и свобод личности, связанные с ними законодательная и правоприменительная практика, нацеленная на их обеспечение, предполагают определенное переосмысление некоторых ранее существовавших стереотипов в подходах к борьбе с преступностью. Особая роль в этой борьбе отведена субъектам оперативно-разыскной деятельности по защите присутствующими им специфическими силами, средствами и методами прав человека, общества и государства от преступных посягательств. Однако их успешное решение невозможно без участия в

этой деятельности всего общества, государственных органов и общественных организаций [13, с. 51].

Совокупность их совместных усилий, по мнению В.Н. Кудрявцева, должна привести к снижению или стабилизации уровня преступности как по видам преступлений, так и в географическом (региональном) разрезе, минимизации «всех ее показателей, т.е. сведение к относительно невысокому уровню» [9, с. 130]. Отсутствие же четкой стратегии и соответствующих программ борьбы с преступностью, как отмечают В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов, – печальная действительность [10, с. 93].

Вместе с тем сам факт постановки проблемы по противодействию криминальным угрозам национальной безопасности в последнее время в законодательных и нормативных правовых актах подтверждает, что путь к локализации и постепенному сокращению криминальных угроз национальной безопасности лежит не только в плоскости раскрытия совершенных преступлений и розыска преступников. Хотя, конечно, и это направление деятельности оперативных подразделений не менее важно.

На сегодняшний день сложилась ситуация, при которой число приостановленных уголовных дел достигло такого уровня, что у следственных органов, занятых расследованием текущих дел, нет физических возможностей их расследовать. Вследствие чего нарушаются права и свободы граждан, потерпевших от тяжких и особо тяжких преступлений против личности. Десятки тысяч преступников остаются безнаказанными, что способствует совершению новых преступлений.

Более того, негативную роль на осложнение криминальной обстановки в России сыграл перекосяк в системе мер противодействия криминальным угрозам на силовую составляющую борьбы с преступностью, что в конечном итоге привело к росту числа и интенсивности экстремистских и террористических проявлений со стороны различных субъектов, начиная от групп транснационального происхождения и заканчивая различными религиозными и националистическими, возникшими на территории России [2, с. 31]. В связи с чем в конце XX – начале XXI в. принимаются нормативные и правовые акты, посвященные противодействию криминальным, экстремистским и террористическим угрозам национальной безопасности.

С точки зрения законодательства в содержание деятельности по противодействию тем или

иным угрозам национальной безопасности отнесено:

- предупреждение, в т.ч. по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению преступных деяний (профилактика);
- выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование тех или иных угроз (борьба с ними);
- минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений криминальных угроз.

В данном случае приведены нормы ч. 1 п. 4 ст. 3 (Основные понятия) ФЗ «О противодействии терроризму».

В «Концепции общественной безопасности в Российской Федерации», утвержденной Президентом РФ 20 ноября 2013 г., основными направлениями деятельности по обеспечению общественной безопасности в области противодействия экстремизму являются: «принятие профилактических, воспитательных и пропагандистских мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности и развитию социальных и межнациональных конфликтов, противодействие экстремизму на основе комплексного подхода к анализу причин возникновения и распространения экстремизма, четкого разграничения функций и зон ответственности сил обеспечения общественной безопасности, противодействие распространению экстремистских материалов через средства массовой информации и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет; выявление субъектов экстремистской деятельности, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций путем осуществления мер по предупреждению такой деятельности, совершенствование мер организационного и оперативного характера, направленных на пресечение экстремистской деятельности организаций и физических лиц» [7].

В связи с этим, на наш взгляд, не вызывает сомнений, что противодействие криминальным угрозам национальной безопасности требует безусловного совершенствования организационных принципов деятельности оперативных подразделений. Сегодня уже ни для кого не секрет, что в стране сформировалось достаточно организованное криминальное подполье, постоянно наращивающее свое влияние на различные сферы жизнедеятельности нашего общества. Проти-

воедействовать ему традиционными средствами и методами, в т.ч. составляющими оперативно-разыскную деятельность, становится все труднее, поскольку криминальный мир уже давно освоил приемы и способы криминального противодействия правоохранительной функции государства в целом.

Изложенное подчеркивает актуальность внесения кардинальных изменений в современную стратегию, организацию и тактику осуществления оперативно-разыскной деятельности, которая должна ориентироваться на совершенствование механизмов выявления признаков подготовки к совершению преступлений и покушений на них, подрыв экономической основы криминальных угроз. Приоритетным направлением при этом следует считать разведывательно-поисковую работу в криминальной среде, в большей степени направленную на предупреждение и пресечение преступлений на ранних стадиях. Это и определит наступательный характер новой доктрины противодействия криминальным угрозам национальной безопасности, которая в значительной степени уже реализуется в соответствии с Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

Необходимо отметить, что термин «противодействие» применительно к криминальным угрозам правоохранительной функции государства встречается в последнее время довольно часто. Говоря о противодействии криминальным угрозам как государственной политике, В.Ф. Щербаков подчеркивает, что «в распоряжении государства имеются такие силы, которые используют для противодействия преступности оперативно-розыскные средства и методы» [17, с. 22]. На страницах учебника «Криминология» отмечается, что из термина «противодействие преступности» непонятно, государство ли с его правоохранительными органами противодействует преступности или же наоборот [8, с. 321]. Ю.В. Трунцевский высказывает противоположное суждение, заключающееся в том, что термин «противодействие» как универсальный вид правоохранительной деятельности вполне может употребляться только по отношению к преступности [15, с. 202]. В данном суждении его поддерживает С.С. Босхолов, отмечая, что противодействие преступности и правонарушениям – это особый вид общественно полезной деятельности, направленной на реализацию уголовной политики государства [1, с. 7].

Такие диаметрально противоположные суждения вызваны, на наш взгляд, тем фактом, что, имея право на существование, такой термин, как «противодействие преступности» (как и производные от него) не определен в его понятийном аспекте, т.е. не определены базовые понятия «противодействие преступности», «противодействие криминальным угрозам правоохранительной функции государства». В научной литературе, где употребляются рассматриваемые термины, не предлагаются их дефиниции, сущность и содержание [5, 6].

Хотя большинство ученых и практиков склоняются к тому, что противодействие как одно из направлений борьбы с преступностью выражается главным образом в ее предупреждении [14, с. 263; 15, с. 184, 185, 205; 16]. Это также подтверждается анализом нормативных актов, в которых употребляется термин «противодействие».

Сама по себе деятельность по противодействию криминальным угрозам неразрывна от осуществления оперативно-разыскной деятельности. Именно она обеспечивает возможность инициативного проведения оперативными подразделениями мероприятий, направленных на противодействие криминальным угрозам правоохранительной функции государства на ранней стадии их возникновения. Сама по себе криминальная угроза национальной безопасности как таковая занимает третье место после военной и экологической [12, с. VII-IX]. В теории оперативно-разыскной деятельности противодействие криминальным угрозам изучается в рамках одной из ее организационно-тактических форм – оперативно-разыскной профилактики [11, с. 6-7].

Таким образом, оперативно-разыскные меры противодействия криминальным угрозам правоохранительной функции государства в первую очередь должны быть направлены на выявление и устранение факторов и условий, способствующих совершению криминального насилия, занимать главенствующее положение в системе мер борьбы с преступностью по сравнению с привлечением к уголовной ответственности [3, с. 245].

То есть основной целью этой деятельности является оказание предупредительного воздействия с помощью сил, средств и методов оперативно-разыскной деятельности на лиц, замысливающих совершение преступлений, от которых можно ожидать их совершения, а также устранение (нейтрализация) криминогенных факторов, способствующих нарушению закона со стороны таких лиц.

Генезис проблемы применения специфических (негласных) сил, средств и методов, которыми располагают оперативные подразделения, в общем виде может рассматриваться с позиций объективно существующей потребности поиска путей повышения эффективности защиты прав и свобод человека и гражданина. Однако эта работа до сих пор не стала главным направлением в деятельности оперативных подразделений. Это стало следствием серьезной ошибки, связанной с отказом от идеи приоритетности предупреждения преступлений. Центр тяжести в борьбе с преступностью до сих пор фактически перенесен в область уголовного преследования лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния.

И, соответственно, одним из направлений государственной политики при осуществлении оперативно-разыскной деятельности по противодействию криминальным угрозам правоохранительной функции государства должно быть объединение усилий всех государственных органов, субъектов оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации, гражданского общества и рядовых граждан.

Таким образом, на основе изложенных суждений можно определить понятие противодействия криминальным угрозам правоохранительной функции государства. Под ним мы предлагаем понимать нормативно урегулированный вид оперативно-разыскной деятельности по комплексному проведению оперативно-разыскных мероприятий, направленных на выявление, предупреждение и пресечение преступлений, оперативное воздействие и оперативный контроль в отношении лиц, подозреваемых в замышлении, приготовлении и покушении на совершение преступления с целью недопущения его совершения, а также по изучению и принятию своевременных мер по нейтрализации причин и условий, способствующих криминальной активности указанной категории лиц.

Конечно, это понятие не претендует на свою бесспорность и может быть усовершенствовано.

Эффективность противодействия криминальным угрозам напрямую не связано с теорией оперативно-разыскной деятельности, но ее практическое осуществление непосредственно зависит от ее нормативно правовой урегулированности и организации. Проанкетированные сотрудники оперативных подразделений органов внутренних дел¹ отметили, что современная ре-

дакция Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» не отвечает нуждам оперативно-разыскной деятельности по решению ее задач и достижению ее целей (46,3%). Кроме того, в качестве основания заведения дел оперативного учета в ведомственном приказе предусмотрен лишь факт нераскрытого особо тяжкого преступления. Данное основание повлекло за собой массовое прекращение дел оперативного учета, заведенных по факту нераскрытого тяжкого преступления, а следовательно, нарушение требований ч. 4. ст. 10 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности». Указанное положение закона допускает прекращение подобных дел лишь в случае решения конкретных задач оперативно-разыскной деятельности. В результате раскрытие тяжких преступлений прошлых лет становится следствием случайного стечения обстоятельств, во многом не зависящих от усилий оперативных сотрудников. Их бездействие препятствует реализации государственных гарантий, провозглашенных в ст. 52 Конституции Российской Федерации, обеспечения доступа граждан к правосудию и компенсации причиненного преступлением ущерба. В связи с этим можно подчеркнуть, что порядок документирования оперативно-разыскной деятельности, заведения дел оперативного учета, определенный в подзаконных ведомственных нормативных актах, должен обеспечивать решение, прежде всего, задач выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений любой категории тяжести.

Отчасти существование проблем в организации оперативно-разыскной деятельности по решению ее задач подтверждается представлением Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 10 февраля 2014 г. «Об устранении нарушений Федерального закона "Об оперативно-разыскной деятельности"», в котором отмечается, что заведение оперативно-поискового дела лишь в случае совершения неочевидного особо тяжкого преступления привело к массовому незаконному прекращению этих дел и устранению от раскрытия около полумиллиона совершенных тяжких преступлений. В заключении представления делается вывод о «недостаточной подготовленности проводимых МВД России меро-

прованных окончили высшие учебные организации МВД России, 40,7% имеют стаж работы в оперативных подразделениях свыше 10 лет), обучавшихся в 2014 г. в ВИПК МВД России, Казанском юридическом институте МВД России на факультете повышения квалификации, а также руководителей подразделений уголовного розыска МВД по Республике Башкортостан.

¹ Всего проанкетировано 214 оперативных сотрудников и руководителей оперативных подразделений окружного, регионального и районного уровней (45,3% проанкетиро-

ятий по реорганизации оперативно-розыскной деятельности».

Подобный вывод обуславливает необходимость внесения дополнительных изменений в организацию оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Приоритетным направлением при этом следует считать разработку новых государственно-правовых и ведомственных подходов к проблеме борьбы с преступностью, определение стратегических

основ осуществления оперативно-розыскной деятельности, направленной, в первую очередь, на предупреждение и пресечение преступлений. Подобный подход, наряду с обеспечением принципа неотвратимости наказания, и определит наступательный характер новой стратегии организации оперативно-розыскной деятельности в сфере противодействия криминальным угрозам правоохранительной функции государства.

Литература

1. Босхолов С.С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М.: ЮрИнфоР, 1999.
2. Гончаров А.Ю. Организация антитеррористической деятельности в системе национальной безопасности Российской Федерации (на основе анализа и использования зарубежного опыта): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: РАГС при Президенте Российской Федерации, 2006.
3. Гыскэ А.В. Борьба с преступностью в системе обеспечения внутренней безопасности российского общества: монография. М., 2001.
4. Ильин И.А. Пути России / сост. А.Д. Путинцев. М.: Вагриус, 2007.
5. Ильяшенко А.Н. Противодействие насильственной преступности в семье: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВНИИ МВД России, 2003.
6. Кобец П.Н. Противодействие преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в России: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2004.
7. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации [Электронный ресурс] (утв. Президентом РФ 20 ноября 2013 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Криминология: учебник для юридических вузов / под общ. ред. проф. А.И. Долговой. М.: Инфра-М, Норма, 1997.
9. Кудрявцев В.Н. Популярная криминология. М., 1998.
10. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический анализ. М.: Норма, 2006.
11. Лукашов В.А. О некоторых морально-этических аспектах ОРД // Законность, ОРД и уголовный процесс: мат-лы междунар. науч.-практ. конф-ции. Ч. 1 / под ред. О.М. Латышева, В.П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998.
12. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Норма, 1999.
13. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. М.: Инфра-М, 2001.
14. Пинкевич Т.В. Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.
15. Трунцевский Ю.В. Защита авторского права и смежных прав в аудиовизуальной сфере (уголовно-правовой и криминологический аспекты): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.
16. Щербаков В.Ф. Реализация государственной политики противодействия преступности в сфере экономики подразделениями экономической безопасности органов внутренних дел (теоретико-прикладной анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВНИИ МВД России, 2006.
17. Щербаков В.Ф. Теоретические основы государственной политики противодействия экономической преступности / под науч. ред. В.Д. Ларичева. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2005.

УДК 343.85:343.375

Е.Л. Иванов, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ (ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ) ХИЩЕНИЙ И НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ЗОЛОТА

В статье представлен анализ основополагающих нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность по предупреждению хищений и незаконного оборота золота и оперативно-разыскной практики данного направления деятельности.

Ключевые слова: оперативно-разыскная профилактика, хищение золота, незаконный оборот золота.

Ye.L. Ivanov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

SOME ISSUES OF PREVENTION (INVESTIGATIVE PREVENTION) OF THEFT AND ILLICIT GOLD TRAFFICING

The article presents the analysis of basic normative legal acts regulating the prevention of theft and illicit trafficking of gold and investigative practice of this activity.

Key words: operational investigative prevention, theft of gold, illegal trafficking of gold.

Предупреждение (оперативно-разыскная профилактика) хищений и незаконного оборота золота относится к числу приоритетных направлений деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции.

Данное направление деятельности регламентируется множеством нормативных правовых актов, основополагающими из которых являются ФЗ «О полиции», ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности», приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений».

В соответствии со ст. 2 ФЗ «О полиции» [8] одной из задач полиции является предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений.

Предупреждение, пресечение преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, в соответствии со ст. 2 ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» [6], относятся к задачам оперативно-разыскной деятельности.

Инструкция «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», утвержденная приказом МВД России от 17 января 2006 г. № 19 [7], к числу основных задач органов внутренних дел по предупреждению преступлений относит:

- выявление и анализ причин и условий, способствующих совершению преступлений, принятие мер к их устранению или нейтрализации;
 - выявление и постановка на профилактические учеты лиц, склонных к совершению преступлений;
 - установление лиц, осуществляющих приготовление к преступлению и (или) покушение на преступление, и принятие мер по пресечению их противоправной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации;
 - привлечение к работе по предупреждению преступлений общественных объединений правоохранительной направленности и граждан.
- Обозначив нормы основополагающих нормативных правовых актов, регламентирующих

деятельность подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции по предупреждению (оперативно-разыскной профилактике) хищений и незаконного оборота золота, проанализируем эффективность данного направления деятельности. В основу анализа заложим ключевые моменты, характеризующие субъектов профилактики, которые определяют их состоятельность:

а) наличие у субъектов профилактики задач и функций в сфере разработки и (или) осуществления мер предупреждения преступности (преступлений);

б) наличие у субъектов профилактики полномочий в сфере оперативно-разыскной профилактики;

в) наличие у субъектов профилактики соответствующих прав, обязанностей, ответственности при осуществлении оперативно-разыскной профилактики.

Результаты вышеуказанного анализа позволяют прийти к выводу о несоответствии задач и полномочий у подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции в сфере оперативно-разыскной профилактики хищений и незаконного оборота золота. В частности, Федеральным законом РФ от 26 декабря 2008 г. № 293-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части исключения внепроцессуальных прав органов внутренних дел Российской Федерации, касающихся субъектов предпринимательской деятельности», органы внутренних дел были лишены таких прав, как:

- осматривать производственные, складские, торговые и иные служебные помещения, другие места хранения и использования имущества;

- изучать документы, отражающие финансовую, хозяйственную, предпринимательскую и торговую деятельность;

- изымать с обязательным составлением протокола отдельные образцы сырья, продукции и товаров, необходимые для проведения исследований или экспертиз;

- требовать при проверке имеющихся данных, указывающих на признаки преступления, обязательного проведения в срок не более тридцати дней проверок и ревизий финансовой, хозяйственной, предпринимательской и торговой деятельности, а также самостоятельно проводить в указанные сроки такие проверки и ревизии, изымать при производстве проверок и ревизий документы либо их копии с обязательным составлением протокола и описи изымаемых документов либо их копий и др.

Наряду с этим следует также акцентировать внимание на то, что названные выше ФЗ «О полиции», «Об оперативно-разыскной деятельности», Инструкция «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» разработаны в общем плане применительно как к общеуголовным, так и экономическим преступлениям, без каких-либо акцентов. В то же время данные нормативные правовые акты не учитывают произошедших изменений в отношениях собственности и образование новой экономической реальности, которые повлекли значительные изменения в организации работы по предупреждению преступных посягательств как самим государством, так и субъектами экономических отношений.

В связи с этим выявление и анализ причин и условий, способствующих совершению преступлений, принятие мер к их устранению или нейтрализации, по нашему мнению, должно относиться не к задачам органов внутренних дел, а к задачам служб безопасности и других подразделений коммерческих предприятий, в т.ч. осуществляющих добычу и переработку золота.

Это связано с тем, что собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц, в т.ч. отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом.

Юридически значимым аргументом в пользу сказанного является норма, закрепленная в ч. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ, в соответствии с которой предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке.

В связи с этим, как справедливо отмечают О.Ю. Казакевич и другие авторы, «предпринимательским структурам придется заняться деятельностью, выполнение которой ранее брали на себя государственные структуры. К этому их обязывает собственность. Поэтому выход из плотной опеки государства означает не только получение самостоятельности, но и ответственность за организацию и осуществление пред-

принимательской деятельности, безопасность которой приобретает особое значение в связи с ростом преступности» [3, с. 11].

Обеспечение безопасности своей деятельности становится жизненно важной потребностью, одним из базовых принципов функционирования как негосударственных, так и государственных и муниципальных хозяйствующих субъектов. Таким образом, в современных условиях защита экономических интересов должна лежать не только на государственных органах, но и, в первую очередь, на собственниках имущества.

В то же время государство, муниципальные органы, другие собственники для осуществления предпринимательской и иной деятельности вправе привлекать других лиц, осуществляющих руководство предприятием (администрация предприятий), на которых и должно лежать организационное руководство предупредительной деятельностью. Непосредственно же эти вопросы предупреждения преступлений должны входить в круг обязанностей, как было сказано выше, сотрудников службы безопасности.

Исходя из аналогичных и других аргументов, профессор В.Д. Ларичев относит к основным (специализированным) субъектам предупреждения преступлений в сфере отношений собственности не правоохранные органы, включая органы внутренних дел и их структурные подразделения по борьбе с экономическими преступлениями, а службы безопасности предприятий и другие органы [5, с. 99-103].

Сказанное вовсе не означает, что правоохранные органы не должны принимать участия в обеспечении безопасности предпринимательской деятельности. Однако сама жизнь приводит к распределению функциональных обязанностей по защите частного бизнеса: государственные органы проводят общепрофилактическую работу по предупреждению преступлений, а также несут ответственность за их раскрытие и изобличение преступников, в то время как предприниматели и их службы безопасности осуществляют охрану конкретной собственности в целях недопущения ее хищения, кражи, противоправного использования и т.п. [4, с. 10]. Об этом свидетельствует и зарубежный опыт работы государственных правоохранительных органов и частных служб безопасности, детективных и охранных агентств.

Исходя из изложенного, основными направлениями органов внутренних дел и, в частности, подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции в области предупреждения преступлений в сфере экономики, в

т.ч. связанных с хищением и незаконным оборотом золота, являются: а) участие в мероприятиях по совершенствованию уголовного, административного и иного законодательства; б) мероприятия по активному формированию правосознания населения и адекватного общественного мнения; в) участие в межведомственных рабочих группах по выдаче лицензий на добычу золота, проверках золотодобывающих и перерабатывающих предприятий совместно с контролирующими органами; г) проверка поступающих на работу лиц в золотодобывающие предприятия на судимость, наличия других компрометирующих материалов, собеседование с устраиваемыми на сезонную работу в золотодобывающие предприятия лицами, согласование с руководством предприятий мероприятий по обеспечению режима сохранности драгоценных металлов на всех этапах добычи, переработки, транспортировки и хранения.

Реализация первого направления может быть осуществлена путем внесения предложений об изменении и дополнении уголовного, административного, гражданского и другого законодательства. В частности, жители золотодобывающих регионов, где основным и даже единственным источником доходов, в т.ч. формирующим бюджеты всех уровней, является золотодобыча, вынуждены заниматься так называемым «хищничеством». В этих случаях золото вольноприносителей, минуя легальные каналы, уходит на «черный» рынок.

Таким образом, на увеличение теневого оборота драгоценных металлов, включая золото, оказывает влияние отсутствие правового регулирования деятельности физических лиц, самостоятельно занимающихся добычей золота. В связи с этим некоторые специалисты предлагают узаконить этот вид деятельности. Противники этой идеи считают, что такое разрешение будет стимулом к хищениям золота на предприятиях [2, с. 27, 28].

Наряду с этим на совершение незаконного оборота драгоценных металлов оказывают влияние и другие недостатки законодательства, в частности практика применения постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Порядка совершения операций с минеральным сырьём, содержащим драгоценные металлы, до аффинажа», неоднозначность толкования ст. 20, 22 ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», отсутствие определения полуфабриката ювелирного изделия.

Мероприятия по формированию правосознания населения и адекватного общественного

мнения может быть реализовано путем выступления перед населением, правильно организованным взаимодействием со средствами массовой информации. В ходе информирования населения формируется позитивное отношение общества к правоохранительной деятельности государства, внедряется в общественное сознание граждан идея о необходимости участия в профилактической работе. Информировав граждан об уголовном и административном законодательстве в сфере экономики, ОВД обучают людей практике их использования, в частности тому, как необходимо действовать, например, в случае предложения о покупке драгоценных металлов.

В связи с этим необходимо регулярно информировать общество через средства массовой информации о раскрытых с помощью населения экономических преступлениях и т.п. Таким образом, от доверия граждан к органам внутренних дел зависит безопасность личности в целом, ее защита от преступных посягательств. Развитие профилактической работы в данном направлении позволяет формировать такое доверие, а значит, проведение профилактических мероприятий должно быть поставлено на постоянную основу.

Одним из направлений работы правоохранительных органов в период проведения оперативно-профилактического мероприятия «Самородок» является противодействие мелким криминальным группам, «хищникам» как наиболее распространенной форме незаконной деятельности в сфере добычи драгоценных металлов. Контингент указанных группировок включает, как правило, лиц, имеющих судимость и привлекающих к деятельности в собственных интересах безработных и других граждан. В сфере незаконных операций с золотом основным содержанием их деятельности является незаконная разработка недр и добыча драгоценных металлов без оформления документов и лицензий. Организовав нелегально небольшую группу в составе 2-4 человек без использования тяжелой землеройной техники, отчислений на заработную плату и налоги, не производя при этом никакой геологической отчетности, указанные группы добывают небольшие партии драгметалла, реализация которого на «черном рынке» приносит значительную прибыль.

Кроме этого, золотосодержащие продукты перевозятся с мест их добычи как к месту жительства работников золотодобывающих предприятий, похитивших их, так и в другие регионы страны. Лица, перевозящие золото, поме-

щают его в специальные корсеты и пояса типа патронташа, надеваемые под одежду, прячут его в каблуки обуви, используют чемоданы с двойным дном и другие ухищрения. Преступники прибегают и к другим уловкам для транспортировки похищенного золота. Зафиксированы факты, когда золото прячется ими в домашние вещи, отправляемые багажом в центральные районы страны.

При перевозке золота в центральные районы страны в качестве «курьеров» используются лица, неоднократно проверенные скупщиками и пользующиеся их доверием. В последнее время на практике встречаются случаи, когда курьеры используются «в темную». Например, в Якутии и Магадане их нанимают под предлогом перегона в южные регионы страны новых автомашин японского производства, где в тайниках заранее спрятано золото. При этом автомашина негласно сопровождается скупщиком или специально нанятым человеком.

При вывозе золота из мест хранения активно осуществляются проверочные действия, зачастую используется контрнаблюдение. В ряде случаев с этой целью осуществляются пробные проезды автомашин, за которой следует автомашина, на которой перевозится скупленное золото. В случае остановки и проверки первой автомашины, провоз похищенной и скупленной продукции данным способом прекращается до следующего раза либо ищется иной вариант доставки.

Для выявления и пресечения таких преступлений как в рамках операции «Самородок», так и в другое время соответствующими приказами создаются передвижные полицейские посты, в состав которых входят сотрудники оперативных и других служб, органов внутренних дел, в т.ч. подразделений ЭБ и ПК, ГИБДД, органов внутренних дел на транспорте с функциями перекрытия авто, авиатрасс и железнодорожных путей, досмотра пассажирского, грузового и иного транспорта. Например, на федеральной автотрассе «Колыма» в Якутии действует стационарный пост полиции в поселке Артык. В результате попытки вывоза драгоценного металла на автотрассах пресекаются ежегодно.

Порой при этом нередко утверждаются совместные с органами внутренних дел на транспорте планы по борьбе с незаконным оборотом драгоценных металлов и камней на объектах воздушного и речного транспорта. В этих целях зачастую организуется взаимодействие с другими подразделениями ОВД и иными правоохранительными органами.

Сотрудники, входящие в такие группы, должны знать ухищрения и уловки, используемые при перевозке золота и драгоценных металлов, чтобы своевременно их обнаруживать и пресекать.

Сказанное выше позволяет сделать следующие выводы.

1. В настоящее время ряд нормативных правовых актов, касающихся деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений в сфере экономики, не соответствует произошедшим изменениям в отношениях собственности и образованию новой экономической реальности, которые повлекли значительные изменения в организации работы по предупреждению преступных посягательств между государством и другими субъектами экономических отношений. В связи с этим выявление и анализ причин и условий, способствующих совершению преступлений, принятие мер к их устранению или нейтрализации должно относиться не к задачам органов внутренних дел, а к задачам служб безопасности и других подразделений коммерческих предприятий, в т.ч. осуществляющих добычу и переработку золота.

2. Основными направлениями органов внутренних дел, в частности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции в области предупреждения преступлений, связанных с хищением и незаконным оборотом золота, являются: а) мероприятия по совершен-

ствованию уголовного, административного и иного законодательства; б) мероприятия по активному формированию правосознания населения и адекватного общественного мнения; в) участие в межведомственных рабочих группах по выдаче лицензий на добычу золота, проверках предприятий совместно с контролирующими органами; г) проверка поступающих на работу лиц в золотодобывающие предприятия на судимость, наличия других компрометирующих материалов, собеседование с устраиваемыми на сезонную работу в золотодобывающие предприятия лицами, согласование с руководством предприятий мероприятий по обеспечению режима сохранности драгоценных металлов на всех этапах добычи, переработки, транспортировки и хранения.

3. Органы внутренних дел, в т.ч. подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции, в плане предупреждения хищений и незаконного оборота золотосодержащей продукции в основном занимаются предотвращением и пресечением замышляемых и начавшихся преступлений, которое осуществляется путем противодействия мелким криминальным группам (так называемым «хищникам») как наиболее распространенной форме незаконной деятельности в сфере добычи драгоценных металлов; перекрытия авто, авиатрасс и железнодорожных путей, досмотров пассажирского, грузового и иного транспорта и других мероприятий.

Литература

1. Иванов Е.Л. Предупреждение хищений и незаконного оборота золота при его добыче и переработке: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
2. Кавчик Б.К. Вольноприносительство «за и против» // Золотодобыча. 2007. № 100.
3. Казакевич О.Ю. и др. Предприниматель в опасности: способы защиты. Практическое руководство для предпринимателей и бизнесменов. М., 1992.
4. Ларичев В.Д. Коммерческое мошенничество в России: взгляд аналитика МВД. М.: АРСИН ЛТД, 1995.
5. Ларичев В.Д. Теоретические основы предупреждения преступлений в сфере экономики: монография. М., 2010.
6. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон РФ от 12.08.1995 № 144-ФЗ (в ред. ФЗ от 26.12.2008 № 293-ФЗ).
7. О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений: приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19.
8. О полиции: федеральный закон РФ от 07.02.2011 № 3-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Гражданско-правовые отношения

УДК 347.441.83

С.А. Бондаренко, канд. пед. наук, доцент
Алтайская академия экономики и права
e-mail: bondarenko0952@yandex.ru

СУДЕЙСКОЕ УСМОТРЕНИЕ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ НОРМ ИНСТИТУТА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК

В статье рассматриваются границы судебного усмотрения признания сделок недействительными в контексте концепции совершенствования гражданского законодательства.

Ключевые слова: ничтожность, оспоримость, сделка, судебная практика.

S.A. Bondarenko, PhD. (Candidate of Pedagogical Sciences),
assistant-professor
Altai Academy of Economics and Law
e-mail: bondarenko0952@yandex.ru

JUDICIAL DISCRETION IN THE APPLICATION OF CIVIL LEGAL NORMS OF THE INSTITUTE OF INVALID TRANSACTIONS

The article examines the boundaries of judicial discretion of transactions' invalidation within the context of improvement of civil legislation.

Key words: insignificance, voidability, transaction, litigation.

Одним из направлений Концепции развития гражданского законодательства [2] (далее – Концепция) следует назвать совершенствование гражданско-правового инструментария: установление пределов детализации регулирования, в частности в институте сделки, и сохранение права суда на дискреционное усмотрение, на учет всех обстоятельств конкретного случая. По мнению одного из разработчиков Концепции А.Л. Маковского, не следует идти слишком далеко в этой детализации, а осуществляя ее, как правило, делать это с помощью норм диспозитивных, тем самым открывая дорогу и для судебного усмотрения в необходимых случаях [6].

В юридической литературе предлагаются различные понятия судебного усмотрения. На наш взгляд, признаки и предложенная дефиниция Ю.В. Грачевой может быть применима и к гражданско-правовому регулированию: «Судей-

ское усмотрение – это осуществляемый в процессуальной форме специфический аспект правоприменительной деятельности, предполагающий предоставление судье <...> правомочий по выбору решения в пределах, установленных законом, в соответствии со своим правосознанием и волей законодателя, исходя из принципов права, конкретных обстоятельств совершения преступления, а также основ морали» [1, с. 104]. Однако следует учитывать, что суд, рассматривающий гражданское дело в рамках диспозитивного гражданского процесса, лишен активной роли, ограничен в сборе доказательств по собственной инициативе, возможности частного права гораздо в меньшей степени позволяют выполнять публичную функцию наказания, чем возможности права публичного.

Гражданский кодекс РФ – это материальная основа для рассмотрения судами общей юрисдикции и арбитражными судами различных

имущественных споров и иных дел, возникающих из гражданских правоотношений. В связи с развитием экономических отношений, гражданского законодательства в Концепции предложены пути совершенствования и правоприменительных механизмов с целью обеспечения эффективной реализации всего действующего гражданского законодательства.

Анализ норм института сделок в новой редакции ГК РФ [4] позволяет заметить, что законодатель использует различные формулировки для судебного усмотрения: «вправе... по собственной инициативе» (п. 4 ст. 166), «вправе» (п. 4 ст. 167), «может» (ст. 169 и др.). Следует предположить, что используемые приемы законодательной техники обуславливают различия в содержании правомочий судьи при выборе решения по конкретному делу. Вместе с тем сама по себе сущность усмотрения остается неизменной вне зависимости от форм ее нормативного закрепления.

Самостоятельные правомочия суда закреплены в п. 4 ст. 166 ГК РФ, согласно которой суд вправе применить последствия недействительности ничтожной сделки *по собственной инициативе*. По общему правилу суд при отсутствии соответствующего иска заинтересованного частного лица не должен иметь права применять последствия ничтожной сделки по собственной инициативе. Такое право суда ограничено случаями, когда применение последствий недействительности ничтожной сделки необходимо для защиты публичных интересов. Применение последствий недействительности сделки является субъективным гражданским правом, принадлежащим лицам, права и законные интересы которых защищаются путем реализации этого права. Участники гражданских правоотношений свободны в осуществлении своих прав, и государственные органы, в т.ч. суд, не могут нарушать принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела (п. 1 ст. 1 ГК РФ).

До внесения изменений в ст. 166 ГК РФ законом допускалась возможность применять судом по собственной инициативе последствия недействительности сделки, когда лица, имеющие право на такой иск, уклонялись от его предъявления. Такое право суд мог реализовать как в процессе рассмотрения дела о признании сделки недействительной, так и в процессе рассмотрения любого другого дела. Например, применение двусторонней реституции, в результате которой государству возвращалось незаконно приватизированное имущество при укло-

нении уполномоченных государственных органов от предъявления соответствующего иска [5].

В настоящее время столь широкая (абсолютная) свобода усмотрения суда ограничена. Можно предположить, что только в тех случаях, когда при рассмотрении какого-либо другого спора ответчик или иной участник процесса в качестве возражения ссылается на ничтожность сделки, на которой основывает свои требования истец, суд вправе по собственной инициативе применять последствия недействительности ничтожной сделки.

Второй вид легального судебного усмотрения предоставляет суду определенную свободу выбора конкретного решения, закрепленного в правовой норме. Судейское усмотрение в этом случае означает относительную свободу выбора наиболее оптимального решения, связанного с применением данной нормы к конкретному жизненному случаю, которое обеспечивает баланс интересов участников, присущий всем статьям ГК РФ. Например, оспариваемая сделка может быть признана судом недействительной, если она нарушает права и охраняемые законом интересы лица, оспаривающего сделку, в т.ч. повлекла неблагоприятные для него последствия, или признается действительной. Истцу суд может отказать в удовлетворении иска, если интересы лица, оспаривающего сделку, не нарушены (п. 2 ст. 166 ГК). Каждое решение суда отвечает требованиям законности, но только одно из них будет обоснованным и справедливым.

Следующая форма нормативного закрепления судебного усмотрения заключается в том, что законодатель использует оценочные категории в определении условий действительности отдельных составов недействительных сделок или ставит последствия недействительности сделок в зависимость от наличия в поведении участников субъективных признаков. Анализируя судебное усмотрение при применении гражданско-правовых норм, содержащих оценочные понятия, М.Ф. Лукьяненко замечает, что «субъекты гражданских правоотношений, определяя содержание гражданско-правовой нормы с оценочным понятием, соизмеряют выбранный вариант поведения с действующей в обществе моралью и нравственностью, принципами разумности, добросовестности и справедливости, интересами других участников гражданских правоотношений» [3, с. 144-145]. По мнению автора, названные факторы оказывают влияние на формирование судебного усмотрения при оценке поведения лица в процессе реализации нормы права с оценочным

понятием. На наш взгляд, эти обстоятельства оказывают влияние не на формирование судебного усмотрения, а на выбор решения, которое должно быть справедливым, обоснованным. В этом случае суду предоставляется не только право (возможность выбора), но и обязанность принять решение (осуществить выбор), обусловленное законом с учетом индивидуальных особенностей поведения участников спора и объективных обстоятельств дела. В качестве примера можно привести норму, закрепленную в п. 5 ст. 178 ГК. Суд может отказать в признании сделки недействительной, если заблуждение, под влиянием которого действовала сторона сделки, было таким, что его не могло распознать лицо, действующее с

обычной осмотрительностью и с учетом содержания сделки, сопутствующих обстоятельств и особенностей сторон. Альтернативное решение о признании сделки недействительной может быть принято при наличии конкретных субъективных обстоятельств заключенной сделки (обычная осмотрительность), которые оцениваются судом при осуществлении выбора одного из возможных решений на основе правосознания судьи, поскольку их содержание не установлено законом.

Следовательно, судебское усмотрение при применении гражданско-правовых норм – это не произвольное усмотрение, не сам выбор решения, а правомочие суда на осуществление этого выбора в пределах, очерченных законом.

Литература

1. Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в применении уголовно-правовых норм: проблемы и пути их решения: монография / отв. ред. А.И. Чучаев. М.: Проспект, 2014. 376 с.
2. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. М.: Статут, 2009. 160 с.
3. Лукьяненко М.Ф. Условия формирования судебного усмотрения при применении гражданско-правовых норм, содержащих оценочные понятия // Российский юридический журнал. 2009. № 5. С. 144-145.
4. О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ.
5. Постановление ФАС ЦО от 06.11.2007 № А62-2156/2007 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Стенограмма слушания, посвященного обсуждению Концепции развития гражданского законодательства. СПб., 2009. 15 мая. URL: <http://www.arbitr.ru/press-centr/news/totals>.

УДК 323.22

Я.Е. Верхоглядов

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

e-mail: barnaullaw@mail.ru

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

В статье проанализирована сложившаяся ситуация в сфере противодействия экстремизму в молодежной среде, сформулированы предложения по совершенствованию государственной правовой политики в данном направлении, актуализировано внимание на информационном противодействии.

Ключевые слова: экстремизм, молодежный экстремизм, информационное противодействие, государственная правовая политика.

Ya.E. Verhoglyadov

a postgraduate student of the Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: barnaullaw@mail.ru

REVISITING THE POSSIBILITY OF INFORMATIONAL COUNTERMEASURES EXTREMISM IN YOUTH ENVIRONMENT

The article analyzes the current situation in combating extremism among young people, proposals for improving the state legal policy in this direction are formulated, attention to informational countermeasures is actualized.

Key words: extremism, youth extremism, informational countermeasures, state legal policy.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., являющаяся основополагающим документом для планирования развития системы обеспечения национальной безопасности, к основным угрозам государственной и общественной безопасности относит экстремистскую деятельность [15].

Статистические данные свидетельствуют о росте числа зарегистрированных проявлений подобной противоправной деятельности: согласно официальной информации, приведенной Министерством внутренних дел Российской Федерации, в 2009 г. зарегистрировано 548 преступлений экстремистской направленности, в 2014 г. – 1024 преступления, а в январе-апреле 2015 г. – уже 487 преступлений экстремистской направленности [13].

Беспокойство вызывает тот факт, что кроме статистического роста преступлений экстремистской направленности исследователи прослеживают тенденцию ухода экстремистской деятельности в виртуальное пространство – гло-

бальную сеть Интернет и располагающиеся в ней популярные социальные сети. Так, если в 2007 г. из 28 приговоров по ст. 280 и 282 УК РФ только 3 приговора касались размещенных в сети материалов экстремистского характера, то в 2008 г. – 14 из 45, в 2009 г. – 17 из 56, в 2010 г. – 26 из 72, в 2011 г. – 52 из 78, а в 2012 г. за 6 месяцев – 18 из 32. Наблюдается динамика роста количества интернет-ресурсов в Федеральном списке экстремистских материалов [18, с. 144].

Тенденция обосновывается концентрацией огромного количества людей с разных территорий в одном месте; простотой передачи информации; возможностью действовать тайно и завуалировать под благими намерениями свои корыстные интересы и т.д. Особую опасность несут в себе социальные сети, где зарегистрирован и которыми ежедневно активно пользуется почти каждый молодой человек.

По результатам мониторинга деятельности органов государственной власти только за июнь 2015 г. выявлены следующие факты:

- в г. Бийске Алтайского края суд оштрафовал гражданина за публикацию в социальной сети фотографий с нацистской символикой и атрибутикой [11];

- в г. Альметьевск Республики Татарстан направлено в суд уголовное дело в отношении 19-летнего гражданина за размещение в социальной сети 29 видеозаписей, которые согласно заключению лингвистической судебной экспертизы содержат высказывания, призывающие к враждебным действиям одной группы лиц по отношению к другой [1];

- в г. Нижнем Новгороде Нижегородской области осужден 20-летний гражданин, который, придерживаясь экстремисткой идеологии, в социальной сети создал и руководил публичной страницей, где освещал свои крайние националистические взгляды и искал единомышленников, после чего с ними на встречах в лесополосе отрабатывал приемы рукопашного и ножевого боя, а также приемы ориентирования на местности [4];

- в г. Барнауле Алтайского края гражданин осужден за призывы к терроризму в социальной сети [9].

В случае расширения временных рамок мониторинга данная ситуация будет более четко прослеживаться по причине существования указанных выше факторов. Стоит отметить, что увеличение регистрируемых и в последующем направляемых в суд преступлений экстремистской направленности также обуславливается тем, что в настоящий момент правоохранительные органы выработали действенную методику выявления, регистрирования и доказывания подобных преступлений. Тем не менее экстремизма в глобальной сети Интернет не становится меньше, поскольку, не умаляя важности пресечения экстремисткой деятельности, очень важную роль необходимо отводить профилактике подобных противоправных деяний.

Особое внимание, на наш взгляд, целесообразно уделять профилактике экстремизма в молодежной среде. Причин экстремистских проявлений среди молодежи более чем достаточно: ряд возрастных психологических особенностей; широкий спектр социально-экономических проблем и т.д. Также стоит отметить тот факт, что определенная часть молодежи, привлекаемая к ответственности за совершение экстремистских преступлений, поясняет, что о юридической ответственности за подобные деяния не знала.

Дополнительную опасность как в социальных сетях, так и в целом в глобальной сети Интернет представляет деятельность террористиче-

ских и экстремистских организаций. Эти организации опасны не только своей запрещенной деятельностью как таковой, но и действиями, направленными на вербовку молодежи в свои ряды. Если в 1998 г. террористические организации поддерживали всего 12 сайтов, то в 2005 г. – уже 4 800, а в 2008 г. – свыше 5 000, в т.ч. до 150 русскоязычных [6].

На территории Российской Федерации имеется законодательный запрет на распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность [5]. Обязанность по защите детей от информации подобного характера возложена на государственные органы [7].

Особые полномочия в сфере информационного противодействия экстремизму возложены на органы прокуратуры Российской Федерации. Статьей 15.3 Федерального закона № 149-ФЗ от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» регламентируется порядок досудебного ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением закона.

Согласно данному нормативно-правовому акту Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместители в случае обнаружения в информационно-телекоммуникационных сетях, в т.ч. в сети Интернет, информации, содержащей призывы к осуществлению экстремистской деятельности или в случае поступления уведомления о распространении такой информации от иных субъектов направляют требование в Роскомнадзор о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим такую информацию. Дальнейшая процедура блокировки описана в законе [12].

Как отмечает Ж.Н. Липатова, с одной стороны, это необходимо в целях оперативного реагирования на массовые призывы и предотвращения массовых выступлений и других негативных последствий в обществе, с другой – без судебного решения это может привести к преследованию любого инакомыслия. Учитывая данные обстоятельства, целесообразно согласиться с ее мнением о том, что любое ограничение должно быть законно, обоснованно и принято в конечном итоге по решению суда, т.е. временная блокировка подтверждена судебным решением [3, с. 208].

Упоминая про деятельность в сфере информационного противодействия экстремизму орга-

нов прокуратуры и суда Российской Федерации, важно затронуть вопрос о процедуре признания материалов экстремистскими. Как отмечает А.Р. Султанов, за последние несколько лет количество гражданских дел, рассмотренных судами общей юрисдикции, о признании информационных материалов таковыми резко возросло [17, с. 1].

Согласно ст. 13 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – ФЗ № 114-ФЗ) на территории Российской Федерации запрещается распространение экстремистских материалов, а также их производство или хранение в целях распространения; информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом на основании заявления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу [8].

А.Р. Султанов отмечает несовершенство антиэкстремистского законодательства, указывая, что про данную категорию дел нет упоминания в ГПК РФ, а также имеются возможности для совершенствования ФЗ № 114-ФЗ.

Аргументируя свою позицию, он поясняет, что гражданско-процессуальная форма не может быть использована для того, чтобы добывать доказательства совершения публичных правонарушений, за которые установлена административная и уголовная ответственность, под видом «установления правового состояния информационных материалов». Такой задачи в ГПК РФ нет и, с его точки зрения, это противоречит базовым положениям УПК РФ и ГПК РФ.

Он полагает, что рассмотрение такого рода дел в гражданском процессе вряд ли может обеспечить тот уровень правовых гарантий, который необходим с точки зрения международных стандартов справедливого правосудия, которые при рассмотрении данного рода дел требуют соблюдения процессуальных гарантий, предоставляемых при уголовном обвинении.

Экстраполируя подходы Европейского Суда по правам человека на дела о признании информационных материалов экстремистскими, А.Р. Султанов с большой степенью вероятности утверждает, что дела данного рода могут быть отнесены к делам уголовного обвинения.

А.Р. Султанов, рассматривая данный вопрос со стороны правовой процедуры, отмечает, что проблема все же заключается не только и, быть может, не столько в правовой процедуре, но и в самой санкции за идеи, а не действия. По его мнению, данная санкция – вмешательство в сво-

боду мысли [17, с. 17-18]. Однако здесь мы считаем, что полностью согласиться с А.Р. Султановым нельзя, т.к. в большинстве случаев именно мысли и идеи приводят и являются первопричиной противоправных деяний, в т.ч. экстремистского характера.

Рассмотрим «Стратегию противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», которая разработана в целях конкретизации антиэкстремистского законодательства, в т.ч. и «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [16].

В «Стратегии...» отмечено, что интернет стал основным средством коммуникации для экстремистов и террористов, которое используется ими для привлечения в свои ряды новых членов (преимущественно молодежи), организации и координации совершения преступлений, распространения своей идеологии.

В статье 27 рассматриваемого документа содержатся основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму. На наш взгляд, целесообразно рассмотреть инициативу о внесении дополнения о правовом информировании молодежи об ответственности за экстремистскую деятельность, в частности в п. «е» в сфере образования и государственной молодежной политики: «проведение в образовательных организациях занятий по воспитанию патриотизма, культуры мирного поведения, межнациональной и межконфессиональной дружбы, по обучению навыкам бесконфликтного общения, а также умению отстаивать собственное мнение, противодействовать социально опасному поведению, в том числе вовлечению в экстремистскую деятельность, всеми законными средствами».

Данное предложение обосновывается тем, что некоторая часть молодежи не знает, где проходит грань между выражением своего мнения и экстремистской деятельностью, за которую назначается юридическая ответственность, зачастую полностью отсутствует правовая грамотность.

Правовое просвещение также целесообразно добавить в п. «в» в сфере государственной национальной политики: «мотивирование граждан к информированию государственных органов и ставших им известными фактах подготовки к осуществлению экстремистской деятельности, а также о любых обстоятельствах, которые могут способствовать предупреждению экстремистской деятельности, ликвидации или минимизации ее последствий».

Внесение дополнения в этот пункт объясняется тем, что более эффективно представляется

мотивирование уже осведомленных граждан (в т.ч. родителей несовершеннолетних) о том, какое деяние является противоправным, какую серьезную угрозу оно в себе несет и какие последствия могут наступить в случае непредупреждения экстремистского деяния. Подобное информирование подразумевает порядок и способы уведомления государственных органов об экстремизме на любой его стадии и в любом его проявлении. Следует подчеркнуть, что и в настоящий момент существует множество способов информирования, в т.ч. максимально упрощенных: сайт Национального центра информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет [13]; сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [19]; сайт Лиги безопасного интернета [14]; сайты МВД России и других государственных органов власти. Тем не менее множество граждан не знают о подобных возможностях и иногда считают это особо усложненной и бездейственной системой, не информируют об имеющейся у них информации, что приводит к неблагоприятным последствиям.

При подготовки плана реализации «Стратегии...», а именно ст. 27 п. «д» в сфере государственной информационной политики: «подготовка и распространение информационных материалов о предупреждении и пресечении экстремистской деятельности, ориентированных на повышение бдительности российских граждан, формирование у них чувств заинтересованности в противодействии экстремизму, а также чувства сопричастности деятельности государства в этой

сфере», целесообразно включение информации об официальных организациях (например, Кибердружина Лиги безопасного интернета [2]), участвуя в которых гражданин может осуществлять своего рода общественный контроль, проявлять свою гражданскую позицию и активность в борьбе с экстремизмом.

Подводя итог, следует отметить, что, возможно, план мероприятий по реализации «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», который должен был быть подготовлен в июне 2015 г., будет содержать предложенное нами. В случае отсутствия таковых изменений в плане, на наш взгляд, целесообразно было бы включить их как в «Стратегию...», так и в план реализации.

Информационное противодействие экстремизму, особенно в молодежной среде, в настоящий момент имеет весомое значение, а в случае качественного совершенствования и реализации, в комплексе с иными средствами способно стать эффективным решением проблемы экстремизма. Данное противодействие должно быть взвешенным и базироваться на защите и соблюдении прав и свобод человека и гражданина, в то же время не становясь способом для различного рода гонений и репрессий.

Нынешняя обстановка как внутри страны, так и за ее рубежом, активизировавшаяся деятельность Исламского государства по вербовке в свои ряды, а также иных террористических и экстремистских организаций представляет угрозу для государственной и общественной безопасности, недооценка которой может привести к негативным последствиям.

Литература

1. Житель города Альметьевска обвиняется в возбуждении ненависти и вражды. URL: <http://tatarstan.sledcom.ru/news/item/935759/> (дата обращения: 24.06.2015).
2. Лига безопасного интернета. URL: <http://www.ligainternet.ru/liga/activity-cyber.php> (дата обращения: 24.06.2015).
3. Липатова Ж.Н. Деятельность прокуратуры по пресечению распространения экстремистских материалов как путь к достижению гражданского согласия в обществе // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3.
4. Молодому человеку, обвиняемому в создании экстремистского сообщества, вынесен обвинительный приговор. URL: http://leninsky.nnov.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=348 (дата обращения: 24.06.2015).
5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.11.2014). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Об информационно-пропагандистском противодействии терроризму и экстремизму. URL: <http://www.chekist.ru/article/3118> (дата обращения: 24.06.2015).
7. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 02.12.2013). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 31.12.2014). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
9. Осужден житель города Барнаула за совершение преступления террористической направленности. URL: <http://sledcomrf.ru/news/185620-osujden-jitel-goroda-barnaula.html> (дата обращения: 24.06.2015).
10. Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru/reports/item/3489441/> (дата обращения: 24.06.2015).
11. По требованию прокуратуры г. Бийска местный житель привлечен к ответственности за демонстрацию и пропаганду нацистской символики. URL: http://www.prok-altai.ru/news/po_trebovaniyu_prokuratury_g-biyska_mestnyy_gitel_privlechen_k_otvetstvennosti_za_demonstraciyu_i_propagandu_nacistskoj_simvolik.html (дата обращения: 24.06.2015).
12. Порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением закона. URL: <http://prokuror.kaluga.ru/razyasnenie-6584.html> (дата обращения: 24.06.2015).
13. Сообщить о противоправном контенте. URL: http://ncpti.ru/illegal_content/ (дата обращения: 24.06.2015).
14. Сообщить об опасном контенте. URL: <http://www.ligainternet.ru/hotline/> (дата обращения: 24.06.2015).
15. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/99.html> (дата обращения: 24.06.2015).
16. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утверждена Президентом РФ 28.11.2014, Пр-2753) // Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html> (дата обращения: 24.06.2015).
17. Султанов А.Р. Юридическая природа дел о признании информационных материалов экстремистскими с точки зрения гражданского процесса // Адвокат. 2012. № 1.
18. Троегубов Ю.Н. Проблемы противодействия экстремизму в сети Интернет // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2014. № 3 (39).
19. Уведомления об экстремизме. URL: <http://genproc.gov.ru/contacts/extremism/send/> (дата обращения: 24.06.2015).

УДК 351.74:17.022.1

Е.Г. Комиссарова, доктор юрид. наук, профессор

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

e-mail: eg-komissarova@yandex.ru

ЧЕСТЬ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ КАК ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ И ЭТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СТОРОНА ВОПРОСА)

Автор проводит разграничение этических и правовых понятий, с помощью которых формируются правила служебного поведения сотрудника полиции. Для этой цели в качестве самостоятельных дифференцируются такие понятия, как «честь и достоинство», «право на честь и достоинство», «защита чести и достоинства», «увольнение в связи с совершением проступка, порочащего честь и достоинство».

Ключевые слова: честь, достоинство, этика, неотчуждаемые права, особый правовой статус.

E.G. Komissarova, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor

*Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior Affairs
of the Russian Federation*

e-mail: eg-komissarova@yandex.ru

HONOR OF POLICE OFFICER AS A LEGISLATIVE AND ETHICAL CONCEPT (METHODOLOGICAL ASPECT)

The author draws a distinction between ethical and legal concepts that are guiding rules of police officers' behavior. Such concepts as «honor and dignity», «right to honor and dignity», «protection of honor and dignity», «discharge for misconduct, discrediting honor and dignity» are differentiated for this purpose.

Key words: honor, dignity, ethics, inalienable rights, special legal status.

На протяжении долгого времени предметом философских учений являлись понятия «честь» и «достоинство», историческая окраска которых всегда основывалась на общественно значимой оценке личности и её поступков. Затем они вошли в право – сначала в уголовное законодательство¹, а вслед за ним и в гражданское². Од-

¹ Уголовному законодательству издавна известны понятия «оскорбление» (обида) и «клевета». В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. нормы об ответственности за эти преступления содержались в третьем отделении Уложения «О клевете и распространении оскорбительных для чести сочинений, изображений или слухов» гл. VI, поименованной «Об оскорблениях чести». Размещены они были в разделе X Уложения «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц». В УК РСФСР 1922 г. оскорблению было отведено две статьи, в которых предусматривалось оскорбление простое (словом или делом) и квалифицированное. Ответственность

за клевету и оскорбление предусматривалась и нормами УК РСФСР 1926 г. Ни в одном из этих актов не содержалось определения оскорбления и клеветы. Впервые оно было дано в ч. 1 ст. 131 УК РСФСР 1960 г., где факт оскорбления нормативно увязывался с правами на честь и достоинство в виде их умышленного унижения, выраженного в неприличной форме. С этого момента уголовно-правовая литература наполнилась исследованиями, посвященными вопросам защиты чести и достоинства. Значительная доля научного внимания была отведена и дискуссии на тему о том, что такое «неприличная форма».

² Впервые нормы о чести в этой области законодательства появились с принятием Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик 1961 г. К этому времени права человека как неотъемлемые, прирожденные права личности в 1950-1960 гг. заняли центральное место в политической и духовной жизни большинства демократических стран. Права человека, его достоинство становились основой и высшим критерием правового порядка в мире. Это было время повсеместного формирования «культуры прав человека», и советская национальная юридическая

нако шлейф образов, берущих своё начало от религиозных и философских суждений, а также первых в истории кодексов чести¹, продолжает идти за этими понятиями, несмотря на их сегодняшнюю правовую и нравственно-этическую (неправовую) дифференциацию. Как социальное, так и юридическое значение каждого из них имеет собственную ценность, однако вопрос об их соотношении, взаимопроникновении одного в другое и в конечном итоге об источниках их выражения в доктрине остаётся сложным и не до конца определенным. Отсюда недостаточно стабильный законодательный горизонт у этих понятий. Множественные попытки соединить неправовое с правовым применительно к ним нередко приводят к разным недоразумениям. Часть таких недоразумений ушла в прошлое², но часть осталась и нуждается в доктринальном анализе.

система должна была строиться согласно её принципам и критериям прав человека.

¹ Как известно из ставшей доступной истории, прообразы таких кодексов возникли еще в Древней Греции для целей дифференциации норм профессиональной морали в тех сферах, которые призваны служить человеку. Последующей истории известны Кодекс рыцаря (XII в.), Кодекс Самурая (XVII в.), Кодекс чести военного института Вирджинии, известный как Кодекс джентльмена (1836 г.), Кодекс скаутов (1908 г.), Дуэльный кодекс (1912 г.). Все эти кодексы, адресованные сильной половине человечества, олицетворяли моральные принципы соответствующих социальных институтов и к праву непосредственного отношения не имели. В российской и советской истории это были Кодекс чести русских офицеров (1804 г.), Кодекс чести русского офицера (1904 г.), Кодекс чести пожарного (1920 г.), Моральный кодекс строителя коммунизма как свод принципов коммунистической морали (1961 г.).

² После закона «О милиции» (1991 г.) был принят Кодекс чести рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденный приказом МВД России от 19 ноября 1993 г. № 501. Кодекс сформулировал те нравственные стандарты, которые моральной практике поставила не сильно развитая на то время советская этическая теория. Документ представлял собой неструктурированный набор идеальных этических правил, а его внутреннее наполнение мало соответствовало названию, в котором употреблялось слово «честь». Свою историческую роль в виде презентации моральной терминологии в сфере правоохранительной службы Кодекс чести выполнил. Опыт его «моральной статистики» помог избежать повторения части ошибок при принятии Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 24 декабря 2008 г. № 1138. В основе этого Кодекса лежали европейские акты и даже Священное писание. Его детальные формулировки вызвали немало вопросов и затруднений в реализации, однако на тот момент можно было говорить о создании поведенческого дресс-кода для сотрудников органов внутренних дел, какого ни в советской ни в российской истории не было. Принятие 1 июля 2010 г. Указа Президента Российской Федерации № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегу-

лированию конфликта интересов», а 23 декабря 2010 г. – Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих привело к созданию унифицированных ориентиров применительно к служебному поведению всех государственных служащих и отмене Кодекса этики 2008 г.

лированию конфликта интересов», а 23 декабря 2010 г. – Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих привело к созданию унифицированных ориентиров применительно к служебному поведению всех государственных служащих и отмене Кодекса этики 2008 г.

Как показывает анализ действующего общего и специального законодательства, оперирующего исследуемыми понятиями, дело не столько в законодательных упущениях или недостатках правового регулирования, сколько в недопонимании априори сложных для восприятия и применения конструкций и понятий теории неотчуждаемых прав, берущей своё начало от таких общеизвестных документов, как Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), в котором провозглашено право на защиту чести и репутации, и ст. 23 Конституции РФ, нормами которой гарантировано право каждого на защиту своей чести и доброго имени.

Обращает на себя внимание некая привычность исследовательского обряда вопросов чести и достоинства сотрудников полиции. Алгоритм большинства исследований обычно берет своё начало от определения чести и достоинства из области этики. Затем, как правило, идет анализ соотношения понятий «честь» и «достоинство» все в том же этическом контексте, иногда с привлечением категории «репутация», а далее под нужды темы, в зависимости от отрасли проводимого исследования подводятся имеющиеся в законодательстве нормы, в которых упоминаются эти нравственно-этические единицы. Редко какое исследование обходится без сетования на то, что законодатель не ввел их нормативную дефиницию в текст. При этом не каждый юрист-исследователь проводит различие между правовыми и этическими компонентами темы. Повтор этих исследовательских алгоритмов в разных работах даёт повод увидеть некое центробежное развитие темы, которая начиная с принятия Кодекса чести рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации от 19 ноября 1993 г. № 501 и до настоящего времени в большей степени развивается «сама из себя».

Весьма условно все труды по теме чести и достоинства сотрудников полиции, имеющиеся сегодня в наличном доктринальном багаже, можно разделить на две группы: исследования, относящиеся в большей мере к сфере профессиональной этики сотрудника полиции [4, 5, 13 и др.], и правовые исследования, предметом которых являются отношения, возникающие по по-

лированию конфликта интересов», а 23 декабря 2010 г. – Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих привело к созданию унифицированных ориентиров применительно к служебному поведению всех государственных служащих и отмене Кодекса этики 2008 г.

воду защиты прав сотрудника полиции на честь и достоинство [6, 7, 14 и др.].

Обозначим актуальный перечень нормативно-правовых актов, затрагивающий вопросы чести сотрудников полиции¹. В первую очередь это такие основополагающие акты, как Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ, предусматривающий государственные гарантии защиты чести и достоинства сотрудника полиции и его близких (ч. 6 ст. 30). На основании п. 12 ст. 40 данного закона сотрудник может быть уволен «за совершение проступка, порочащего честь сотрудника полиции». Эта же норма продублирована в Федеральном законе от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты» (п. 9 ч. 3 ст. 82). Этим же законом предписана обязанность сотрудника «заботиться о сохранении своих чести и достоинства» (ст. 13).

Приказом МВД России от 2 октября 2012 г. № 900 «Вопросы организации защиты чести и достоинства, а также деловой репутации в системе МВД России» было предписано «оказать необходимую методическую и практическую помощь органам внутренних дел и подразделениям центрального аппарата МВД России в опровержении недостоверной информации в судах». Распоряжением Правительства РФ от 6 марта 2013 г. № 313-р «Об утверждении государственной Программы РФ "Обеспечение общественного порядка и противодействия преступности"» запланировано проведение комплекса мероприятий по защите жизни, здоровья, чести, достоинства сотрудников органов внутренних дел. Приказом МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» руководителю органа внутренних дел предписано принимать меры по защите чести и достоинства сотрудников, реализации или восстановлению их законных прав, если сведения, изложенные в обращениях, не нашли своего подтверждения.

Обобщим то значимое, что важно для целей дальнейшего повествования в рамках настоящей статьи. Все эти акты несут в своём содержании не просто совокупность идей о чести сотрудника, они направлены на организацию отношений, возникающих в случае защиты чести и досто-

инства сотрудника полиции. Напомним, что упомянутые ранее Международный пакт о гражданских и политических правах и ст. 23 Конституции РФ также имеют в виду защиту этих прав. Две одинаковые нормы из взаимосвязанных законов предусматривают основание для увольнения со службы по мотиву совершения поступка, порочащего честь и достоинство сотрудника полиции. И одна норма (ст. 13 ФЗ № 342-ФЗ) указывает на необходимость сотрудника заботиться о сохранении своих чести и достоинства. Нормативная неоднозначность данной формулировки и её уместность в акте уровня закона отмечались еще на стадии обсуждения законопроекта [11].

В приведенных актах не содержатся (и не могут содержаться!) определения чести и достоинства. И это, конечно, не повод для утверждений, которые можно встретить на сайтах сотрудников полиции, о том, что честь и достоинство, употребляемые в данных законах, «не те» или «не подходят» для случаев квалификации факта совершения поступка, порочащего честь и достоинство сотрудника полиции. Нет и не может быть таких определений и в нормах Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), ограничившегося воображаемыми понятиями «честь» и «достоинство», оставив их наполнение тому, кто посчитает эти блага нарушенными.

ГК РФ исходит из презумпции социальной «данности» нематериальных благ, а не их феноменологических характеристик. И это сигнал к тому, что при возникновении отношений по защите чести и достоинства, споров о том, был ли совершен порочащий поступок, надлежит пользоваться философскими, этическими определениями чести и достоинства, представленными во множестве словарей, философских канонах, этической науке и её части профессиональной этики². В этом причина того, что, говоря о чести сотрудника полиции, исследователи вполне правомерно опираются на такие определения, которым в силу их этической природы не дано быть определенными в праве. К подобным приемам

¹ Нормативно-правовые акты, в которых использована правовая единица «честь», относящиеся к сфере государственной службы в целом, здесь не приводятся.

² Собственное отношение к такой форме восполнения есть у лингвистов, утверждающих, что такие источники «изначально не приспособлены для выполнения правовых функций и не могут быть основанием для принятия следственных и судебных решений» [15, с. 262]. С этим трудно согласиться по той причине, что кроме сведений об этических явлениях, суды и органы правоохраны используют знания и из других специальных областей (медицина, техника и т.д.), которые по вполне понятным причинам не могут и не должны быть специально «приспособлены» к правовой сфере.

вполне естественно прибегают и органы правоприменения [10].

Однако не всегда юридические суждения по теме чести и достоинства формулируются в той последовательности, которая предопределена законодательно. Нередко из основы исследования уходит аксиома о том, что право всякой личности и сотрудника полиции в частности на такие блага, как честь и достоинство, – это право конституционное, конвенционное, иными словами, неотчуждаемое от личности, а значит, право, не связанное с актом правонаделения. Как следствие, регулятивный потенциал норм права в виде определения того, кому и в каком порядке эти права принадлежат, не работает. Нормы объективного права по отношению к этим благам ориентированы только на последствия, связанные с выходом этих прав из зоны неприкосновенности, иначе, в связи с их нарушением. Что касается совершения проступка, порочащего честь и достоинство сотрудника полиции, то функция норм права оказывается по существу той же – обеспечить связь нормативных установлений с этикой для целей установления факта, была ли в действиях сотрудника порочность, тот предосудительный недостаток, которые не соответствуют понятию чести и достоинства в их этическом значении. Нам представляется, что подобный подход (явный или неявный) должен быть первым ярусом суждений в вопросах защиты чести и достоинства сотрудника полиции.

В связи со сказанным выше, методом перечисления обозначим те необходимые базовые подходы, без которых дальнейшая тематизация проблемы защиты чести и достоинства сотрудника полиции представляется непродуктивной.

1. Для целей недопущения противоречия между научной, идеологической и законодательной составляющей следует обозначить, на наш взгляд, что вопрос о чести и достоинстве сотрудника полиции, их защите в случае нарушения – это не в последнюю очередь вопрос идеологический. Как известно, назначение идеологии в обществе – в выработке той системы ценностей, которую надлежит претворить в действительность. Отсюда активность идущих сегодня в нормах о государственной службе процессов «социальной ангажированности» (Д.Т. Жовтун, 2004) тех идеологических постулатов, в числе которых честь и достоинство сотрудника полиции. Юридизация морали в сфере государственной службы как итог соединения права и этических стандартов – это не только учет естественных прав личности, но и пример современных правовых технологий, направленных на со-

здание образа интеллектуального полицейского, его адекватного социокультурного статуса¹. Известно, что применительно к сотрудникам полиции по самым разным причинам генетическая память российского социума еще не в полной мере связывается с их абсолютно положительным имиджем. Тем имиджем, который оказывает позитивное психологическое воздействие на различные социальные группы общества, составляя основу нормативных и ненормативных установлений.

Нельзя не учитывать и воспитательную функцию идеологии, позволяющую нормировать как социальное поведение в целом, так и профессиональное (служебное) поведение как его часть.

Распределение этой идеологической нагрузки между актами нормативными и ненормативными должно происходить с учетом природы каждого, их места и назначения в системе социальных регуляторов, без смешения формы закрепления правовых установлений с иными – неправовыми. К последним относятся правила профессиональной этики, нашедшие своё выражение для сотрудников полиции в Типовых правилах служебного поведения государственных служащих (2010 г.).

Надлежит учитывать и то, что не все идеологические постулаты при всей их важности способны стать гранью позитивного права. Это зависит от их способности определять организацию правового регулирования, объема их регулятивного/охранительного воздействия.

2. Юридические суждения в сфере определения чести и достоинства не должны быть и не могут являться суждениями первого порядка. Эта «веха» поставлена применительно к ним на доправовом уровне. Интерес правовой материи применительно к этим благам – в правах на них и защите этих прав.

3. Работая с категориями чести и достоинства в правовых исследованиях, надлежит проводить градацию между понятиями, употребляемыми законодателем. Они не столь однозначны. В числе первых *право на честь и достоинство*. Право на честь и достоинство – это тот

¹ По оценке А.В. Мяготина, к позитивным чертам имиджа современного сотрудника правоохранительных органов относятся: «эстетичность образа в целом; стилевая завершенность, то есть сформированность гармоничного, целостного образа; устойчивость положительных черт в сознании и поведении, обусловленная их постоянным проявлением; примерность в выполнении этикетных норм поведения и общения, выдержанность и культурность манер; адекватность восприятия целостного образа» [8, с. 16-22].

юридический канон, который обеспечивает чести и достоинству их правовую характеристику и правовую же идентификацию, исключая тем самым эти понятия из разряда юридически безразличных. Данная категория призвана служить целям их защиты, поскольку в праве нельзя защищать идеальные объекты, защите подлежит право на них. Как уже было констатировано, права на честь и достоинство – это права неотчуждаемые. Праву безразлично и интересно «право на честь», «право на достоинство», «право на деловую репутацию», только потому, что оно обязано обеспечивать неприкосновенность этих прав, а при их нарушении *защиту прав на честь и достоинство* – созданными для этих целей охранительными подсистемами гражданского, административного, уголовного права. Точек расхождения между отраслевыми подходами в этих исходных вопросах защиты чести и достоинства быть не должно.

Подобное аксиоматическое положение, заданное нормами ГК РФ (ст. 150), часто игнорируется в нецивилистических исследованиях, создавая весьма неравномерное соотношение и непоследовательную связь между исследованиями гражданско-правового направления по теме защиты чести и достоинства сотрудников полиции, исследованиями в публичных отраслях права и теми, которые по существу относятся к одному из таких разделов этики – профессиональной этике.

По понятным причинам встаёт вопрос о соотношении норм, входящих в обозначенную охранительную систему. Естественно, что ни о каком приоритете одних норм над другими не возникает. Срабатывание норм соответствующей отрасли связывается исключительно с классификацией правонарушений по отраслевому признаку. Как известно, в теории права наиболее универсальным критерием классификации правонарушений, позволяющим выделять преступления и проступки, избрана степень общественной опасности.

4. Для целей правореализации и правоприменения надлежит разграничивать не только понятия «честь» («достоинство») как сугубо этические категории, «право на честь и достоинство», «защита чести и достоинства», но и относительно автономное по отношению к ним понятие «увольнение со службы в связи с совершением проступка, порочащего честь и достоинство сотрудника полиции», оформляющее самостоятельное основание для увольнения. Это понятие сконструировано законодателем с использованием категорий этики, для строго определенной

цели, продиктованной особым правовым статусом сотрудников и специальными правилами служебного поведения [3, с. 2-10].

Приведенные сочетания не противопоставлены друг другу. Все они в зависимости от цели возникающих как фактических, так и юридических отношений направлены на личность. В первом случае (честь и достоинство) речь идет лишь о категориях этики; во втором – об отдельных юридических категориях с точки зрения их правового содержания (право на честь и достоинство); в третьем – обозначают универсальность (с точки зрения правовой типологии) юридических механизмов защиты нарушенных прав на честь и достоинство (защита чести и достоинства); в четвертом – о специфическом основании для прекращения служебных отношений. Это один из примеров интеграции норм права и морали. Норма права – в установлении (дополнительного) основания увольнения сотрудника по этическим основаниям, зафиксированная в законе «О полиции», в ФЗ № 342-ФЗ, Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации от 14 октября 2014 г. Оценка действий сотрудника на предмет соответствия его поведения этическим нормам будет происходить с привлечением правил профессиональной этики, которые сегодня для государственных служащих сформулированы в Типовом кодексе этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих от 23 октября 2010 г.

5. Отраслевой правовой статус сотрудника полиции (административно-правовой), несмотря на свою правовую уникальность, связанную с выполнением конституционно значимых функций по обеспечению правопорядка и общественной безопасности, неизбежно характеризуется общими юридическими свойствами, определяющими в части обладания правами на честь и достоинство любую личность. Это связано с общими тенденциями развития права, в т.ч. и права гражданского, нормы которого, как уже отмечалось, приоритетны в определении юридических характеристик права на честь и достоинство.

6. Проблема защиты чести и достоинства сотрудника полиции сегодня уже обременена серьезной зависимостью от судебного материала, в т.ч. и от практики Конституционного Суда РФ. И эта зависимость наглядно подтверждает опору органов правоприменения как на этическое значение понятий «честь» и «достоинство», подчеркивая тем самым непреложное значение для права формальных определений, существующих

за пределами юриспруденции, так и на конституционные и конвенциональные нормы, а также на нормы ГК РФ (ст. 150, 152) и акты их судебного толкования в виде постановления Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 24 февраля 2005 г. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». Это является доказательством того, что в какую бы область не «ушли» неотчуждаемые права на честь и достоинство (в нашем случае это сфера деловой государственности), механизм защиты их будет един и связан он будет с нарушением права на честь и достоинство, когда во внимание принимаются психоэмоциональные особенности личности, чьи честь и достоинство оказались нарушенными

(по нормам ГК РФ), оскорбленными или оклеветанными (по нормам УК РФ).

Остановка на приведенных выше терминологических и методологических вехах позволяет сделать вывод по существу. Право сотрудника на честь и достоинство – это самостоятельная правовая категория, для которой точкой отсчета в смысле его установления являются международно-правовые документы, Конституция РФ, действующее гражданское законодательство, а также нормы публичных отраслей, содержащих нормы о защите права сотрудника полиции на честь и достоинство. Иные «однокоренные» категории несут собственную – этическую либо правовую – нагрузку. Важно увидеть самостоятельность каждой без смешения с родственными.

Литература

1. Анисин А.Л. Нравственные основы службы в органах внутренних дел // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2013. Вып. № 1. С. 86-97.
2. Батхаев В.В. Понятие и сущность защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел // Учёные труды российской академии адвокатуры и нотариата: научно-правовой журнал. 2014. № 1 (32). С. 79-82.
3. Булавин С.П., Черников В.В. Правовой статус сотрудника полиции // Административное право и процесс. 2011. № 9. С. 2-10.
4. Варчук В.В., Варчук Т.В. Единство профессиональной и общекультурной, духовно-нравственной подготовки кадров правоохранительных органов // Вестник Московского университета МВД России. 2004. № 4. С. 115-122.
5. Власенков В.В. Этика сотрудников правоохранительных органов: учебник. М.: Щит-М, 2003.
6. Киселев С.С. Уголовно-правовая охрана чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013.
7. Матросова М.Е. Защита чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.
8. Мяготин А.В. Имидж и стиль деятельности сотрудника правоохранительных органов как формы проявления его профессиональной этики // Международный семинар по проблемам полицейской этики: мат-лы междунар. семинара (14-15 мая 2002 г.). М.: Щит-М, Изд-во Московского ун-та МВД России, 2003. С. 16-22.
9. Нуркаева Т.Н. Отечественное зарубежное и уголовное законодательство об охране чести и достоинства личности // Законодательство. 2014. № 6.
10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гиниятуллина Альберта Мухаметовича на нарушение его конституционных прав пунктом 12 части 1 статьи 40 Федерального закона «О полиции»: определение Конституционного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 1174-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
11. О внесении изменений в некоторые законодательные акты, регулирующие деятельность органов внутренних дел Российской Федерации» (в части установления требований к служебному поведению сотрудников органов внутренних дел и деятельности аттестационных комиссий этих органов) (внесен депутатом Государственной Думы А.Е. Хинштейном) [Электронный ресурс]: проект Федерального закона № 422103-4. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
12. Профессиональная этика сотрудников органов внутренних дел: курс лекций. Екатеринбург: Изд-во Уральского юрид. ин-та МВД России, 2001.
13. Профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов / под ред. проф. А.В. Опалева и проф. Г.В. Дубова. М.: Юрайт, 2001.
14. Рудый Н.К. Преступления против порядка управления, посягающие на служебную деятельность и личность представителя власти: сравнительный анализ законодательства России и стран СНГ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 26-17.

15. Цена слова: из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести и достоинства и деловой репутации / под ред. проф. М.В. Горбаневского. 3 изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002.

16. Чупина В.Ю. Уголовно-правовая охрана чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2014. С. 144-148.

17. Щеглов А.В. Профессиональная этика сотрудников органов внутренних дел: учебно-метод. мат-лы. М.: ЮИ МВД России, 2002.

УДК 341.231.14

С.В. Троицкий, канд. юрид. наук

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ В ПРИЗМЕ ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В статье кратко раскрывается Практика Европейского Суда по правам человека по нарушению Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Акцентируется внимание на основных решениях Европейского Суда по правам человека.

Ключевые слова: международное право, европейское право, Европейский Суд по правам человека.

S.V. Troitski, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation

INTERFERENCE WITH THE RIGHT OF PROPERTY IN THE PRISM OF PRACTICE OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

The article briefly addresses the Practice of the European Court of human rights – a violation of the European Convention on human rights and fundamental freedoms of 1950. It focuses on the major decisions of the European Court of human rights.

Key words: international law, European law, European Court of human rights.

Ратификация Российской Федерацией в 1998 г. Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция), несомненно, стала значительным шагом в деле укрепления и развития в нашей стране международных стандартов прав и свобод человека, признанных в Европе. Будучи одним из наиболее эффективно применяемых на практике международных соглашений, Конвенция в значительной мере способствует совершенствованию отечественного законодательства, а также развитию российских внутригосударственных механизмов в сфере защиты прав человека.

Несмотря на это, в настоящее время существует немало проблем, требующих практического и теоретического разрешения, одной из которых является правомерность вмешательства в право собственности.

Право собственности является одним из фундаментальных прав, которые гарантирует и охраняет любое демократическое государство. Соблюдение данной нормы является базовой гарантией правосудия, о чем неоднократно под-

черкивал Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ, Европейский Суд).

Как гласит ст. 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права [1].

Однако на практике органы государственной власти и суды часто пренебрегают положениями Конвенции и не соблюдают правовые позиции ЕСПЧ, тем самым грубо нарушая право на уважение своей собственности.

Законность примененных мер со стороны государства, в т.ч. любое вмешательство в право собственности, должно соответствовать национальному законодательству, иметь основания в нем и, конечно, не быть произвольным.

Европейский Суд по правам человека неоднократно обращал внимание на то, что любое вмешательство со стороны органов государ-

ственной власти в беспрепятственное пользование имуществом должно основываться на принципе законности. Лишение права собственности возможно только при условиях, прямо предусмотренных законом. Более того, принцип верховенства права является одним из основных принципов демократического общества и присущ всем положениям Конвенции [5, 10, 12, 28].

Для того чтобы вмешательство было правомерным в смысле действия ст. 1 Протокола № 1, оно должно производиться в интересах общества. При этом перечень общественно значимых целей и интересов очень обширен: это могут быть развитие территории [25], устранение экономических последствий режима диктатуры, утверждение защиты демократии [7], защита финансовых интересов государства, гармонизация законодательства с законодательствами соседних стран [22], строительство дорог [20], избежание произвольного проведения охоты и содействие рациональному управлению охотничьим хозяйством [29], избежание социальной напряженности в связи с проведением жилищной реформы [11], устранение последствий банковского и финансового кризиса, сохранение дружественных межгосударственных отношений, обеспечение единообразного применения закона [21], защита окружающей среды [26], устранение неопределенности в действующем законодательстве, например в связи с проведением реформы в земельной сфере [30], организация медицинского обслуживания [9, 17], проведение политики налогообложения с учетом социального или экономического основания [4], надлежащее отправление правосудия [28] и многое другое.

Однако Европейский Суд допускает возможность лишения или ограничения права собственности без какой-либо справедливой компенсации, только как исключительную меру, которая должна соотноситься с национальным законодательством государства.

Вырабатывая правовые позиции, которыми должны руководствоваться государства-участники Конвенции 1950 г., суд подчеркивал, что в случае если государство-участник Конвенции не может привести правовые основания в национальном законодательстве для ограничения права собственности, то вмешательство в право собственности не может рассматриваться как законное. Данная позиция свидетельствует об отсутствии необходимости рассматривать вопрос о соблюдении справедливого равновесия между требованиями интересов общества и требованиями защиты основных прав личности [3].

Соответствие национальному законодательству понимается Европейским Судом по правам человека широко: в него наряду с действующим законодательством включаются и толкование, которое дают ему национальные суды, и установившаяся практика, в т.ч. судебная. Вместе с тем в свете преамбулы к Конвенции и принципа верховенства права, одним из аспектов которого является принцип правовой определенности, требование законности будет соблюдено лишь в том случае, если национальное законодательство достаточно определено и непротиворечиво. В противном случае у Европейского Суда есть основания утверждать, что имеет место нарушение Конвенции.

В частности, принимая во внимание неприведение национальными судами правовых положений в качестве основания изъятия денежной суммы и очевидное противоречие прецедентного права относительно национального законодательства, Европейский Суд счел как нарушение. В частности, он отразил, что национальное законодательство некоторых государств не было сформулировано с такой точностью, чтобы заявитель или иное заинтересованное лицо могло предусмотреть последствия его действий в степени, разумной при обстоятельствах дела [19]. Следовательно, вмешательство в право собственности заявителя не могло рассматриваться как законное по смыслу положений Конвенции.

Кроме того, Европейский Суд по правам человека в вопросах контроля процесса вмешательства в право собственности отмечает, что положения закона, на которых основывалось вмешательство, были сформулированы крайне неопределенно, это практически исключало возможность предвидеть, при каких условиях прокуратура решит действовать и какие меры она примет в случае, когда посчитает при отсутствии независимого контроля, что могло быть совершено правонарушение. В результате эти нормы, применение которых не ограничено конкретным кругом лиц, являются всеобъемлющими, предоставляя прокуратуре полную свободу действовать любым способом, который она сочтет правильным [15].

ЕСПЧ придерживается позиции, согласно которой государства-участники Конвенции должны соблюдать требование к качеству закона при вмешательстве в право собственности государства. Законодательство государств должно быть доступно соответствующим лицам и сформулировано с достаточной точностью, чтобы позволить указанным лицам (с помощью совета,

при необходимости) предвидеть в степени, разумной в конкретных обстоятельствах, последствия, которые может повлечь то или иное деяние. Закон должен быть составлен в достаточно точных и ясных формулировках, чтобы дать гражданам надлежащее представление об обстоятельствах и условиях, при которых органы государственной власти имеют право прибегать к оспариваемым мерам [6, 8, 16, 23, 24].

Вместе с тем, понимая, что жизнь по своей природе сложнее и многограннее правовой нормы, Европейский Суд высказался, что то, что формулировка законов не всегда точна, является логическим следствием принципа, согласно которому законы должны иметь общее применение. Необходимость избегать излишней жесткости и соответствовать изменяющимся обстоятельствам означает, что многие законы неизбежно формулируются в терминах, которые в меньшей или большей степени являются неясными [14, 16, 18, 27].

К одной из гарантий от произвола при вмешательстве в право собственности, несомненно, можно отнести деятельность национальных судов. В данном случае, как указывал Европейский Суд, судебный контроль вмешательства со стороны должностных лиц является существенным признаком гарантии защиты права собственности. Этот контроль имеет целью уменьшить риск от произвольного вмешательства в право собственности и обеспечить соблюдение правовых норм [2, 13, 30].

Отметим, что практика ЕСПЧ настойчиво обращала внимание национальных судов на то, что они должны по возможности толковать и применять внутреннее право в соответствии с Конвенцией 1950 г., поэтому в вопросе оценки соответствия вмешательства в право собственности закону суд осторожен в подходе, т.к. «применение и толкование национального законодательства и вынесение решений по вопросам соответствия конституции являются обязанностью прежде всего национальных органов, в частности судов» [27].

При этом стоит сказать, что механизм защиты прав, предусмотренный Конвенцией 1950 г., является субсидиарным по отношению к защите на национальном уровне, и Европейский Суд по правам человека не ставит задачу умышленной подмены национальных судов.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Протоколы к ней ратифицированы Российской Федерацией, Конвенция вступила в силу на территории Российской Федерации и, следовательно, является составной частью ее правовой системы. При этом Российская Федерация признала юрисдикцию Европейского Суда по правам человека и обязалась привести правоприменительную, в т.ч. судебную, практику в полное соответствие с обязательствами Российской Федерации, вытекающими из участия в Конвенции и Протоколах к ней. Конвенция и Протоколы к ней являются международными договорами Российской Федерации, при их применении судам общей юрисдикции необходимо учитывать разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», а также в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». Как следует из положений ст. 46 Конвенции, ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», правовые позиции Европейского Суда по правам человека, которые содержатся в окончательных постановлениях Европейского Суда, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов.

Литература

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод и Протоколы к ней. Принята Советом Европы 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
2. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Аксой против Турции» (Aksoy v. Turkey) от 18 декабря 1996 г. ECHR 1996-VI. § 76 // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 2.
3. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Бакланов против Российской Федерации» (Baklanov v. Russia) от 9 июня 2005 г. Жалоба № 68443/01. § 46-47 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 10.
4. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Берден и Берден против Соединенного Королевства» (Burden and Burden v. the United Kingdom) от 12 декабря 2006 г. Жалоба № 13378/05 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2007. № 6.

5. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Бывший Король Греции и другие против Греции» (The Former King of Greece and others v. Greece) от 23 ноября 2000 г. Жалоба № 25701/94. ECHR 2000-XII. § 79.

6. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Горжелик и другие против Польши» (Gorzelik and others v. Poland) от 17 февраля 2004 г. Жалоба № 44158/98 [Электронный ресурс]. ECHR 2004-II. § 64-65. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Греческие нефтеперерабатывающие заводы "Стрэн" и Стратис Андреадис против Греции» (Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis v. Greece) от 9 декабря 1994 г. Серия А. Т. 301-В // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 2.

8. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу по делу «Джавадов против Российской Федерации» (Dzhavadov v. Russia) от 27 сентября 2007 г. Жалоба № 30160/04. § 35 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2008. № 2.

9. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Драон против Франции» (Draon v. France) от 6 октября 2005 г. Жалоба № 1513/03.

10. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Иатридис против Греции» (Iatridis v. Greece) от 25 марта 1999 г. Жалоба № 31107/96. ECHR 1999-II. § 58.

11. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Иммуobiliаре Саффи против Италии» (Immobiliare Saffi v. Italy) от 28 июля 1999 г. Жалоба № 22774/93. ECHR 1999-V.

12. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Коновалов Виктор против Российской Федерации» (Konovalov Viktor v. Russia) от 24 мая 2007 г. Жалоба № 43626/02. ECHR 2001-XI. § 42 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2007. № 11.

13. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Курт против Турции» (Kurt v. Turkey) от 25 мая 1998 г. ECHR 1998-III. § 123 // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 2.

14. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Лейла Шахин против Турции» (Leyla Sahin v. Turkey) от 10 ноября 2005 г. Жалоба № 44774/98. ECHR 2005-XI. § 91.

15. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Лю и Лю против Российской Федерации» (Liu and Liu v. Russia) от 6 декабря 2007 г. Жалоба № 42086/05. § 56 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2008. № 8.

16. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Маэстри против Италии» (Maestri v. Italy) от 17 февраля 2004 г. Жалоба № 39748/98. ECHR 2004-I. § 30.

17. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу по делу «Морис против Франции» (Maugice v. France) от 6 октября 2005 г. Жалоба № 11810/03 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Нурай Шен против Турции» (Nuray Sen v. Turkey) от 17 июня 2003 г. Жалоба № 41478/98. § 22.

19. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Общество с ограниченной ответственностью "Злинсат" против Болгарии» (Zlinsat, spol. s.r.o. v. Bulgaria) от 15 июня 2006 г. Жалоба № 57785/00 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2007. № 1.

20. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Папахелас против Греции» (Parachelas v. Greece) от 25 марта 1999 г. Жалоба № 31423/96. ECHR 1999-II.

21. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Праведная против Российской Федерации» (Pravednaya v. Russia) от 18 ноября 2004 г. Жалоба № 69529/01 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2005. № 5.

22. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Прессос Компания Навьера С.А. и другие против Бельгии» (Pressos Compania № aviера S.A. and others v. Belgium) от 20 ноября 1995 г. Серия А. Т. 332 // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2.

23. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Ракевич против Российской Федерации» (Rakevich v. Russia) от 28 октября 2003 г. Жалоба № 58973/00. § 31.

24. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Рефах Партиси (Партия Благоденствия) и другие против Турции» (Refah Partisi (Welfare Party) and others v. Turkey) от 13 февраля 2003 г. Жалобы № 41340/98, 41342/98, 41343/98, 41344/98. ECHR 2003-II. § 57.

25. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Спорронг и Лоннрот против Швеции» (Sporrong and Lonnroth v. Sweden) от 23 сентября 1982 г. Серия А. Т. 52 // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 1.

26. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Фадеева против Российской Федерации» (Fadeyeva v. Russia) от 9 июня 2005 г. Жалоба № 55723/00. ECHR 2005 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 3.

27. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Фогт против Германии» (Vogtv. Germany) от 26 сентября 1995 г. Серия А. Т. 323. § 48 // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 2.

28. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Фризен против Российской Федерации» (Frizen v. Russia) от 24 марта 2005 г. Жалоба № 58254/00. § 33 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 10.

29. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Шассану и другие против Франции» (Chassagnou and others v. France) от 29 апреля 1999 г. Жалобы № 25088/94, 28331/95, 28443/95. ECHR 1999-III.

30. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Ян и другие против Германии» (Jahn and others v. Germany) от 30 июня 2005 г. Жалобы № 46720/99, 72203/01, 72552/01 [Электронный ресурс]. ECHR 2005. § 86. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 341.461:347.725

А.В. Тумаков, канд. юрид. наук

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

e-mail: albert-tumakov@rambler.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТОВ В КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Статья посвящена разрешению корпоративных конфликтов. В статье обозначены способы защиты прав акционеров, а также меры ответственности виновных лиц, участвующих в корпоративных конфликтах.

Ключевые слова: корпоративный конфликт, защита прав акционеров, способы защиты, ответственность в корпоративных конфликтах.

A.V. Tumakov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

e-mail: albert-tumakov@rambler.ru

RESPONSIBILITY AND RESOLUTION OF CONFLICTS IN CORPORATE RELATIONS

The article focuses on resolution of corporate conflicts. The ways to protect shareholders rights and penalties of perpetrators involved in corporate conflicts are marked in the article.

Key words: corporate conflict, protection of shareholders rights, protection methods, responsibility in corporate conflicts.

Корпоративные права, как и их защита, – довольно новое явление в правовой системе Российской Федерации. Реформирование гражданского законодательства Российской Федерации привело к серьезным изменениям нормативно-правовых актов, регламентирующих корпоративные правоотношения. Стоит отметить, что, по сути, корпоративные правоотношения существовали и ранее, однако законодательного закрепления они не имели, в частности отсутствовало понятие «корпорация», что не в полной мере отвечало современной правовой действительности. Существенное изменение гражданского законодательства вызвано объективными причинами, а именно наличием не отвечающих требованиям предпринимательской деятельности нормативно-правовых норм.

В настоящее время Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» регламентируют отношения, связанные с корпорациями: создание, функци-

онирование, деятельность и порядок прекращения существования.

Корпоративные правоотношения – это сложный процесс, который включает взаимодействие большого количества субъектов. Как следствие, неизбежно наличие конфликта интересов – корпоративного конфликта.

Для определенного баланса интересов общества и акционеров в правовой системе обязательно должны существовать условия для предупреждения и урегулирования корпоративных конфликтов [4, с. 102].

Стоит отметить, что Федеральный закон «Об акционерных обществах» расширяет количество частноправовых способов защиты нарушенных гражданских «корпоративных» прав. На практике акционеры, акционерные общества, инвесторы зачастую обращаются в государственные органы (Центральный банк Российской Федерации, Федеральная антимонопольная служба и т.д.) за защитой своих прав. Данное обстоятельство обусловлено тем, что субъекты корпоративных правоотношений не имеют другой воз-

возможности защиты нарушенных прав и интересов в связи с несовершенством законодательства, которое не предусмотрело каких-либо иных форм защиты акционеров. Особо обращает на себя внимание то, что свобода выбора способов и методов защиты прав акционеров возникает, как правило, на основании принципов самостоятельности и диспозитивности участников корпоративных правоотношений, т.к. законодатель закрепил достаточно большое количество способов защиты в различных источниках.

Меры арбитражной процессуальной защиты являются частью системы мер процессуального принуждения. Функции, порядок и основание применения, а также характер отрицательных последствий определяют различия мер защиты и иных мер принуждения. Отметим, что право на защиту могут осуществлять как сами участники материальных правоотношений, так и уполномоченные законом государственные органы.

Применение субъектами корпоративных правоотношений способов защиты носит исключительно правосстановительный характер.

Способ защиты всегда указывает на действия, которые должен совершить субъект для устранения последствий противоправного поведения: признать наличие или отсутствие правоотношения, изменить или прекратить правоотношение.

Виды способов защиты определяют следующие формы защиты нарушенных корпоративных прав: юрисдикционную и неюрисдикционную формы защиты.

Юрисдикционная форма защиты обеспечивается деятельностью уполномоченных государственных органов по применению мер защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов, а также принудительным (властным) характером данной деятельности. Неюрисдикционный порядок обеспечивается применением мер защиты субъектами правоотношений без обращения к государственным и иным органам, в добровольном порядке. Например, предусматриваются способы защиты акционерного общества при неисполнении подписчиком на акции обязанности по их оплате [7].

Отметим, что неюрисдикционный порядок определяется не только самозащитой гражданских прав и применением санкций. В данном порядке вполне могут применяться и иные способы защиты гражданских прав и законных интересов, предусмотренные законодательством.

Особое внимание заслуживает самозащита, т.к. обладает положительными практическими признаками:

- отсутствие строго очерченных границ;
- упрощенные процедуры осуществления;
- наличие упрощенного механизма защиты;
- допускается участие иных субъектов, права которых ничем не ущемлены.

Справедливо отметить, что законодатель не указывает на исчерпывающий перечень способов самозащиты. Самозащита будет развиваться параллельно с дальнейшим развитием и усовершенствованием российского законодательства.

Необходимо отметить, что способы защиты, предусмотренные законодательством об акционерных обществах, имеют определенные особенности по сравнению с обычными гражданскими способами защиты.

Во-первых, общегражданские способы защиты применяются при существенном нарушении субъективных прав, в то время как способы, обозначенные в акционерном законодательстве, применяются для защиты в первую очередь интересов управомоченных лиц.

Во-вторых, если для применения общегражданских способов защиты необходимо обязательное наличие противоправного поведения нарушителя – правонарушения, то способы защиты, предусмотренные акционерным законодательством (при реорганизации, уменьшении размера уставного капитала и стоимости чистых активов и т.п.), не связаны напрямую с нарушением субъективных прав, например, кредиторов, т.к. обязанный субъект не нарушает поставленные законом пределы, как следствие, траектория их правового регулирования будет отличаться. Цель применения указанных способов защиты заключается в защите интересов лиц, которые находятся с акционерным обществом в обязательственных отношениях [1, с. 265].

В-третьих, общегражданские способы защиты применяются для защиты любого субъективного гражданского права, следовательно, обладают признаком универсальности. Способы защиты, предусмотренные Федеральным законом «Об акционерных обществах», применяются для защиты только отдельных, определенных видов гражданских отношений. Поэтому акционерные способы защиты регламентированы исключительно законом, их перечень носит исчерпывающий характер, в свою очередь перечень общегражданских способов защиты формально не является исчерпывающим.

В-четвертых, общегражданские способы защиты обладают диспозитивным характером и могут быть изменены сторонами. Например, несмотря на то, что по общему правилу неустойка носит зачетный характер, стороны корпоратив-

ного конфликта могут договориться о применении штрафной неустойки.

Особое внимание следует обратить на судебную защиту как на исключительную, крайнюю меру, однако обладающую наибольшей эффективностью и справедливостью, т.к. исполнение судебного решения обеспечивается предусмотренными законодательством мерами государственного принуждения. Сила судебной власти состоит не в придании нормативного характера судебным постановлениям, а в создании условий и предпосылок для обеспечения стабильности исполнения судебных актов [6, с. 98].

Лицо, права которого были нарушены, вправе обратиться в арбитражный суд за защитой своих оспариваемых прав и законных интересов (ст. 4 АПК РФ). Согласно российскому законодательству обращение в арбитражный суд осуществляются в форме:

- искового заявления – применяется в случае разрешения экономических споров и иных категорий дел, возникающих из гражданских правоотношений, в т.ч. корпоративных правоотношений;

- заявления – применяется в случае разрешения дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, в т.ч. по делам о несостоятельности (банкротстве), по делам особого производства, при обращении о пересмотре судебных актов в порядке надзора;

- жалобы – применяется, как правило, при обращении в арбитражный суд апелляционной и кассационной инстанций с целью обжалования судебных постановлений судов первой инстанции.

Отметим, что в соответствии с Федеральным законом «Об акционерных обществах» в суд можно обжаловать:

- решение совета директоров (наблюдательного совета) общества об отказе от созыва внеочередного общего собрания акционеров (п. 7 ст. 55);

- решение, которое принято общим собранием акционеров с нарушением требований Федерального закона «Об акционерных обществах», а также иных правовых актов, устава общества, в случае, если акционер не принимал участия в общем собрании или голосовал против принятия такого решения и указанным нарушением нарушены его права и законные интересы (п. 7 ст. 49);

- отказ от внесения записи в реестр акционеров (п. 2 ст. 50);

- решение совета директоров или наблюдательного совета общества об отказе во включении вопросов в повестку дня общего собрания акцио-

неров или кандидата в список кандидатур при голосовании в совет директоров, наблюдательный совет, ревизионную комиссию и т.д. (п. 6 ст. 53).

В указанных случаях акционеры имеют возможность защитить собственные интересы, обращаясь в суд с соответствующими обоснованными требованиями. Как правило, такими исками защищаются нарушенные права отдельно взятых акционеров.

Обозначенные обстоятельства подтверждаются судебной практикой. В частности, корпоративные споры подлежат рассмотрению судами по искам о признании недействительными решений собрания акционеров, правления и иных органов акционерного общества, нарушающих права акционеров, предусмотренные законодательством [8].

Основной формой защиты при разрешении корпоративных споров является исковая форма защиты. Это связано с тем, что данная форма обеспечивает участникам спора наиболее четкие гарантии по определению обстоятельств, которые связаны с нарушением права, а также по вынесению законного решения.

Иск – это конструкция, которая пригодна для разрешения большинства видов корпоративных споров. Именно данное средство судебной защиты нарушенных субъективных прав и законных интересов относится к числу фундаментальных категорий российской правовой системы.

Для более подробного рассмотрения гражданско-правовых способов защиты прав акционеров особое внимание стоит уделить наиболее эффективным способам их защиты. С целью защиты прав и законных интересов акционеров, вытекающих из факта владения акциями, выделяют следующие виды исков:

- иск о признании недействительным решения общего собрания;

- иск о понуждении общества к исполнению обязанности по предоставлению информации;

- иск о понуждении общества к исполнению обязанности по выплате дивидендов;

- иск к обществу о возмещении причиненного ущерба;

- другие виды исков.

Для осуществления защиты в судебном порядке прав акционеров, вытекающих из управленческих отношений, которые были рассмотрены ранее, логично выделить следующие виды исков:

- иски о признании недействительными решений общих собраний акционерного общества;

- иски о признании недействительными решений совета директоров (наблюдательного совета) общества;

- иски о признании недействительными решений исполнительных органов общества.

На практике также встречаются иски о возмещении убытков, причиненных акционерному обществу виновными действиями лиц, входящих в состав органов управления общества, или управляющей организацией.

Наиболее эффективным средством защиты имущественных прав акционеров является иск о присуждении (исполнительный иск). Данный иск – средство защиты акционеров в случае предъявления требований о выплате дивидендов, выкупе акций, предоставлении информации, связанной с деятельностью общества.

С.А. Парашук справедливо отмечает, что односторонним предметом подтверждения по исполнительному иску служит такое положение истца (акционера), которому соответствует обязанность противной стороны к немедленному исполнению – исполнительное притязание. Такой обязанности суд не создает своими приказами, следовательно, она должна существовать уже до судебного решения [5, с. 235].

Защита нарушенных прав и интересов акционеров путем признания прав осуществляется, как правило, посредством иска о признании (установительного иска), который имеет форму вынесения решения о признании, защиты посредством восстановления положения, которое существовало до нарушения права, пресечения действий, нарушающих право, оказывается в форме решения о присуждении, вынесенного по иску с исполнительной силой.

Целесообразно отметить, что способы защиты нарушенных корпоративных прав не ограничиваются разрешением гражданско-правовых споров в суде. Среди способов защиты прав и законных интересов акционеров значительное место занимают административно-правовые и уголовно-правовые. Данные способы обеспечивают акционерам дополнительные возможности по защите их нарушенных законных прав и в исключительных, сложных ситуациях могут быть более эффективными, чем предъявления искового заявления.

Административно-правовая защита прав и законных интересов акционеров осуществляется путем подачи заявления или жалобы в федеральный орган исполнительной власти, регулирующий деятельность на рынке ценных бумаг (Центральный Банк Российской Федерации) или его региональное отделение (территориальные учреждения Банка Российской Федерации).

Основанием для возбуждения дела об административном правонарушении принято считать:

- обнаружение должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях, данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, поступивших из правоохранительных органов и из иных государственных органов, органов местного самоуправления;

- сообщения и заявления физических и юридических лиц, а также сообщения в СМИ, содержащие данные, указывающие на наличие события административного правонарушения.

С 2002 г. у акционеров появился еще один эффективный способ защиты своих прав – дисквалификация. Понятие «дисквалификация» раскрывается в ст. 3.11 КоАП РФ [3]. Суть данной нормы – в лишении физического лица права занимать руководящие должности в исполнительном органе управления юридического лица, входить в состав директоров, осуществлять предпринимательскую деятельность по управлению юридическим лицом, а также осуществлять управление юридическим лицом в иных случаях, предусмотренных действующим законодательством Российской Федерации [2, с. 255].

Права акционеров могут защищаться в уголовном порядке. Так, УК РФ устанавливает ответственность виновных лиц за следующие преступления:

- 1) злоупотребления при эмиссии ценных бумаг (ст. 185 УК РФ);
- 2) злостное уклонение от предоставления информации инвестору или контролирующему органу информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах (ст. 185 (1) УК РФ);
- 3) неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ);
- 4) преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ);
- 5) фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ);
- 6) мошенничество.

Для лиц, потерпевших от противоправных посягательств на акции, существует возможность обратиться в правоохранительные органы с заявлением о возбуждении уголовного дела по ст. 159 УК РФ [9].

В случае возбуждения уголовного дела пострадавшим акционерам следует добиваться установления в отношении них статуса потерпевших, чтобы в дальнейшем, используя гражданский иск в уголовном производстве, пытаться возместить свои убытки.

Литература

1. Ершова И.В. Предпринимательское право. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юриспруденция, 2006. 560 с.
2. Кашанина Т.В. Корпоративное право. Право хозяйственных товариществ и обществ. М., 1999. 486 с.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 (ред. от 02.05.2015) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Макарова О.А. Корпоративное право. М.: Волтерс Клувер, 2005. 420 с.
5. Парашук С.А. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции и монополии). М.: Городец-издат, 2002. 416 с.
6. Пахомова Н.Н. Основы теории корпоративных отношений (правовой аспект). Екатеринбург, 2004. 208 с.
7. Об акционерных обществах [Электронный ресурс]: федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 06.04.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О некоторых вопросах, связанных с применением части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 1 июля 1996 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 03.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.03.2015) [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 347.453.1

О.С. Черепанова, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: olga41778@mail.ru

ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА АРЕНДЫ: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье анализируются теоретические и практические подходы к определению предмета договора аренды, правовые последствия несогласования данного условия. Предлагается ряд мер, направленных на совершенствование законодательства и практики применения норм об аренде.

Ключевые слова: аренда, предмет договора, объект аренды, часть вещи, реальное исполнение.

O.S. Cherepanova, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: olga41778@mail.ru

SUBJECT OF THE LEASE CONTRACT: OUTSTANDING ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

This article analyzes theoretical and practical approaches to the definition of the subject of the lease contract, legal consequences of the conditions' mismatch. It suggests a series of measures aimed at improving the lease legislation.

Key words: lease, subject of the contract, leased property, part of thing, specific performance.

Несмотря на относительную стабильность норм, регулирующих общие положения об аренде (§ 1 гл. 34 Гражданского кодекса Российской Федерации), в юридической науке и правоприменительной практике остается немало спорных вопросов, связанных с его заключением и исполнением. В частности, неоднозначно определяется предмет договора аренды, его соотношение с понятием «объект аренды», возможность заключения договора по поводу части вещи, а также правовые последствия несогласования сторонами условия о предмете.

В статье 432 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) условие о предмете договора поставлено первым в числе существенных, что объясняется его первостепенным значением для последующего определения надлежащего исполнения обязательства. Вместе с тем само понятие «предмет договора» законодательно не определено, что с неизбежностью порождает разночтения в понимании данной юридической категории.

Так, в цивилистической науке предмет договора определяется как «право на чужое дей-

ствие» [5, с. 161], «имущество или действия» [7, с. 65], «конкретные субъективные права и конкретные субъективные обязанности» [6, с. 233]. О.С. Иоффе выделял три составляющие предмета договора: а) материальный объект, под которым понимается имущество; б) юридический объект, рассматриваемый как действия сторон по передаче имущества и уплаты денег; в) волевой объект, т.е. индивидуальная воля сторон договора [4, с. 13].

По мнению М.И. Брагинского и В.В. Витрянского, «один из объединяющих признаков договоров заключается в том, что они могут иметь сложный предмет, включающий в себя как действия обязанных сторон, в том числе по передаче и принятию имущества (объект первого рода), так и само имущество (объект второго рода)» [2, с. 6].

Полагаем, именно данное суждение заслуживает поддержки. Договор как юридический факт, порождающий соответствующее гражданско-правовое обязательство, имеет своим предметом действия сторон по его исполнению. Однако данные действия не носят абстрактный характер, а осуществляются по поводу конкретных

объектов, перечень которых приведен в ст. 128 ГК РФ. Следовательно, в предмет договора входят и действия сторон, и объект, по поводу которого они совершаются. Эта позиция находит свое подтверждение и в законодательстве. Так, например, ст. 607 ГК РФ названа «Объекты аренды», к которым отнесены земельные участки и другие обособленные природные объекты, предприятия и другие имущественные комплексы, здания, сооружения, оборудование, транспортные средства и другие вещи, которые не теряют своих натуральных свойств в процессе их использования (непотребляемые вещи).

По смыслу закона объекты гражданских прав, не являющиеся вещами, а также потребляемые вещи и вещи, определенные родовыми признаками, не могут являться предметом договора аренды. Например, имущественные права, деньги, расходные материалы, как правило, не могут быть объектом аренды и предметом соответствующего договора, за исключением случаев, когда они включены в состав предприятия как имущественного комплекса.

Особого внимания заслуживает рассмотрение возможности предоставления в пользование части вещи, а также ее конструктивных элементов. Так, в судебной практике нередко возникает вопрос, связанный с юридической квалификацией договоров, связанных с предоставлением одним лицом другому конструктивного элемента здания для размещения рекламных объектов. При разрешении таких споров позиция судов сводится к тому, что элемент здания (например, фасад крыши, часть стены) не может являться объектом аренды. Передача вещи в аренду всегда влечет временное отчуждение собственником права пользования этой вещью. Между тем конструктивный элемент здания не является самостоятельным объектом недвижимости, который мог бы быть передан в пользование отдельно от здания. Соответствующие договоры квалифицируются как договоры, предметом которых является предоставление заинтересованному лицу услуги в виде возможности на возмездной основе размещать рекламу на конструктивном элементе здания, принадлежащего его собственнику. Такой договор не противоречит Гражданскому кодексу РФ, отношения сторон регулируются общими положениями об обязательствах и договорах, а также условиями самого договора. Данная правовая позиция сформулирована в п. 1 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» [3] и отражена в актах судов по конкретным делам [9, 14, 17, 18].

Позднее, в постановлении Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. № 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания» [12] подобный договор по-прежнему признавался непоименованным, однако отмечалось, что к нему применимы по аналогии закона положения о договоре аренды. В постановлении от 25 января 2013 г. № 13 ВАС РФ определил, что стороны вправе заключить такой договор аренды, по которому в пользование арендатору предоставляется не вся вещь в целом, а только ее отдельная часть [13]. Однако вопрос о возможности квалификации отношений по возмездному использованию конструктивного элемента здания как арендных оставлен без внимания.

Отметим, что ни действующее законодательство, ни разъяснения высших судебных инстанций не определяют понятие «часть вещи». Представляется, что конструктивный элемент здания (стена, крыша) отличается от части этого здания (например, конкретного помещения) порядком пользования.

Очевидно, что размещение на стене или крыше здания каких-либо конструкций не может рассматриваться как использование вещи по назначению. Однако пользование – понятие более широкое. Как справедливо отмечал М.М. Агарков, «пользованием является употребление вещи для достижения тех или иных целей, в частности для удовлетворения каких-либо потребностей, а также для извлечения доходов» [1, с. 41]. Гражданское законодательство также не ограничивает право пользования лишь использованием по назначению, устанавливая в ст. 615 ГК обязанность арендатора пользоваться имуществом в соответствии с условиями договора аренды. Поэтому размещение на конструктивном элементе здания рекламных конструкций, иных объектов является специфическим способом извлечения из вещи полезных свойств.

В этой связи, полагаем, нет никаких препятствий рассматривать конструктивный элемент здания как часть вещи, которую стороны договора должны индивидуализировать таким образом, который фактически позволяет определить ее границы (например, путем указания на место этой части на чертеже здания).

Сказанное позволяет прийти к выводу, что обязательства по возмездному использованию конструктивного элемента здания являются по своей сути арендными, опосредующими передачу части вещи во временное пользование, без передачи правомочия владения. Следовательно, нормы о договоре аренды должны применяться

для регулирования подобных договоров напрямую, а не по аналогии закона.

Необходимость индивидуализации объекта аренды установлена п. 3 ст. 607 ГК РФ, согласно которому в договоре аренды должны быть указаны данные, позволяющие определенно установить имущество, подлежащее передаче арендатору. В противном случае условие об объекте аренды признается несогласованным, а соответствующий договор не считается заключенным. В то же время никаких общих правил, содержащих перечень конкретных данных, которые необходимо указать в отношении определенных объектов аренды, законодательно не закреплено, что порождает различные подходы судов к разрешению соответствующих споров.

Так, например, по вопросу о достаточности для согласования условия об объекте аренды указания в договоре на адрес здания, где расположено передаваемое в аренду помещение, а также площадь этого помещения, существуют противоположные позиции судов. ФАС Уральского округа по делу № А47-1541/06 определил, что «...довод заявителя кассационной жалобы о незаключенности договора аренды от 01.07.2005 № 24 ввиду того, что между сторонами не было достигнуто соглашение о предмете договора, является необоснованным. В договоре аренды указаны адрес и площадь помещения, передаваемого в аренду: часть площади торгового зала, равная 95,8 кв. м, расположенного по адресу: г. Оренбург, ул. Чкалова, д. 20.» [19]. В похожем случае ФАС Волго-Вятского округа по делу № А43-4982/2009 установил, что «содержащееся в договоре описание арендованного имущества не позволяет определенно установить, какие конкретно помещения из состава домовладения предпринимателя подлежат передаче в пользование арендатору, так как указание на общую площадь помещений, составляющую 175,3 квадратного метра, при общей площади здания 702 квадратных метра (площадь первого этажа составляет 610,3 квадратного метра, второго этажа – 91,7 квадратного метра) недостаточно для индивидуализации предмета обязательства» [16].

Отдельно следует остановиться на характеристике правовых последствий несогласованности сторонами договора аренды условия о предмете. Как было указано выше, п. 3 ст. 607 ГК РФ в качестве такого последствия устанавливает незаключенность договора. В этой связи в судебной практике неоднократно возникал вопрос о том, возможно ли признать незаключенным фактически исполнявшийся сторонами договор аренды в отсутствие должной индивидуализации

объекта аренды. Некоторые суды придерживались формальной позиции: если в договоре не согласован предмет аренды, то реальное исполнение не может являться основанием для признания договора заключенным. В данном случае судами признавалось пользование имуществом без правовых оснований и право арендодателя взыскать плату за пользование этим имуществом как неосновательное обогащение арендатора (ст. 1102 ГК РФ) [10, 15, 20].

Пленум ВАС РФ в постановлении от 25.01.2013 определил, что если арендуемая вещь в договоре аренды не индивидуализирована должным образом, однако договор фактически исполнялся сторонами (например, вещь была передана арендатору, при этом спор о ненадлежащем исполнении обязанности арендодателя по передаче объекта аренды между сторонами отсутствовал), стороны не вправе оспаривать этот договор по основанию, связанному с ненадлежащим описанием объекта аренды, в т.ч. ссылаться на его незаключенность или недействительность [11].

В последующем данная позиция была воспринята законодателем, и ст. 432 ГК РФ «Основные положения о заключении договора» дополнена пунктом 3, согласно которому сторона, принявшая от другой стороны полное или частичное исполнение по договору либо иным образом подтвердившая действие договора, не вправе требовать признания этого договора незаключенным, если заявление такого требования с учетом конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности [8].

Указанная законодательная новелла представляется своевременной и обоснованной. Действительно, вопрос о незаключенности договора ввиду несогласования условия о его предмете может возникнуть лишь до его фактического исполнения, поскольку, как было указано выше, именно предмет в первую очередь определяет порядок последующего исполнения договора, а его неопределенность может повлечь невозможность реализации сторонами своих прав и обязанностей. Фактическое исполнение договора означает, что сторонам понятен его предмет и последующее требование одной из сторон о признании такого договора незаключенным предьявляется, как правило, с целью избежать ответственности за ненадлежащее исполнение договора и по сути является злоупотреблением правом.

При этом стоит отметить, что ст. 432 ГК РФ является общей нормой, относящейся ко всем договорным обязательствам, если иное не установлено специальными нормами о конкретном договоре. А статья 607 ГК РФ и представляет собой

такую специальную норму. Как известно, при конкуренции общей и специальной нормы применяется последняя. Поэтому во избежание разночтений в понимании законодательных положений, с учетом приведенной позиции ВАС РФ, а также с целью не допустить недобросовестного поведения сторон договора необходимо, на наш взгляд, в п. 3 ст. 607 ГК РФ внести уточнения, связанные с установлением запрета признания фактически исполнявшегося договора аренды незаключенным.

Резюмируя изложенное, отметим, что предметом договора аренды выступают действия его сторон в отношении имущества, являющегося объектом аренды. При этом в аренду может быть передана часть (элемент) вещи с соблюдением требований о ее индивидуализации в договоре. Ненадлежащее описание в договоре объекта аренды в случае полного или частичного исполнения договора хотя бы одной из сторон не является основанием для признания его незаключенным.

Литература

1. Агарков М.М. Основные принципы советского гражданского права // Советское государство и право. 1947. № 11.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая. Договоры о передаче имущества. М., 2000.
3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» // Вестник ВАС РФ. 2002. № 3.
4. Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975.
5. Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. М., 1997. Ч. 2 (по изд. 1902 г.).
6. Нерсесянц В.С. Теория государства и права. М., 2001.
7. Обыденнов А.Н. Предмет и объект как существенные условия гражданско-правового договора // Журнал российского права. 2003. № 8.
8. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.
9. Определение ВАС РФ от 10.12.2008 № 13750/08 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Определение ВАС РФ от 25.05.11 № ВАС-1132/11 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73 (ред. от 25.12.2013) «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1.
12. Постановление Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. № 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9.
13. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 января 2013 г. № 13 «О внесении дополнений в Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 4.
14. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.06.2010 № 17АП-5015/2010-АК [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 08.02.2010 по делу № А31-3798/2009 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 19.03.2010 по делу № А43-4982/2009 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 14.10.2008 по делу № Ф04-6348/2008(13747-А45-11) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Постановление ФАС Поволжского округа от 13.05.2009 по делу № А72-4923/2008 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Постановление ФАС Уральского округа от 16.11.2006 по делу № А47-1541/06 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
20. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 25.01.2010 по делу № А73-6056/2009 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
21. Рогова Ю.В. Отдельные вопросы классификации гражданско-правовых договоров // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 4 (22). С. 92-95.

УДК 351.74:341.231.14-053.2

А.А. Чесноков, канд. юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России
e-mail: chesnokovaa@mail.ru;

Е.С. Акимышева
Барнаульский юридический институт МВД России
e-mail: lena_akimysheva@mail.ru

РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕБЕНКА

В статье рассматриваются угрозы информационной безопасности несовершеннолетних, роль правоохранительных органов в защите от них, сформулированы предложения по совершенствованию механизма профилактики посягательств в информационной сфере.

Ключевые слова: несовершеннолетний, информационная безопасность, профилактика правонарушений, киберпреступность.

A.A. Chesnokov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
e-mail: chesnokovaa@mail.ru;

E.S. Akimysheva
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
e-mail: lena_akimysheva@mail.ru

ROLE OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES IN THE MECHANISM OF CHILDREN INFORMATION SECURITY

The article discusses the threats to juveniles' information security, the role of law enforcement agencies in the protection from them, formulates proposals to improve the mechanism for the prevention of abuse in information environment.

Key words: juvenile, information security, crime prevention, cybercrime.

Не так давно наше общество вступило в новую постиндустриальную – информационную – фазу развития, в которой главными продуктами производства стали информация и знания. Действительно, объем информации удваивается в среднем каждые десять лет, информационные продукты и услуги занимают значительную долю во внутреннем валовом продукте государств.

Однако информационное общество неустойчиво, оно подвержено влиянию различных видов манипуляций, чаще всего негативных. Особенно беззащитны перед этими угрозами дети, с их неокрепшей психикой и отсутствием жизненного опыта. Психика ребенка – это тонкий и слабый организм, подвергающийся постоянному негативному воздействию. Если угрозу информационной безопасности в общем плане можно избежать благодаря эффективному программно-

му обеспечению, а именно специальным устройствам, которые созданы руками человека, то информационную безопасность ребенка должен обеспечить сам человек. По данным Росстата РФ на конец 2014 г. в России проживало 30 340 детей, что составляет 21% населения. При этом 8 899 – это дети в возрасте до 4 лет, 7 662 – от 5 до 9 лет, 6 823 – от 10 до 14 лет, 6 956 – от 15 до 18 лет [5]. Это не только будущее, но и значительный пласт настоящего нашего государства. Поэтому вопрос об информационной безопасности данной категории населения представляется очень важным.

Нами выделены основные риски и угрозы для несовершеннолетних в информационной сфере:

1) связанные со здоровьем и физической безопасностью: высокочастотное излучение, по-

вышенный уровень шума и опасность возгорания, вред для зрения, артрит кистевых суставов и т.п.;

2) информация, пропагандирующая запрещенные в обществе понятия: терроризм, фашизм, расовая нетерпимость, сектантство, наркотики, жестокое отношение к людям и прочее;

3) информация, вызывающая сексуальные девиации: порнография, гомосексуализм, различного рода извращения;

4) игры с их глубоким погружением в более интересный виртуальный «лучший» мир, где нет реальных опасностей, не надо напрягаться, можно быть кем хочешь (паладином, диктатором, наемным убийцей). А выход в реальный мир сравним с абстинентным синдромом у наркомана. Однообразные действия по кликанью мышки также не способствуют развитию интеллекта;

5) социальные сети (они сами по себе могут быть полезны, но все зависит от способа использования) также создают зависимость, не исключают доступ взрослых с криминальными намерениями. Спайсы, иные наркотические и психотропные вещества, краденые вещи, оружие без проблем распространяются с использованием интернета;

б) различного рода мошенничества, интернет-казино, воровство, склонение к приобретению дорогостоящих информационных продуктов.

Продолжать можно достаточно долго.

Нельзя упускать из виду и информационную войну против нашего населения, понижение уровня культуры, правосознания. Достаточно популярным сегодня стало цитирование высказывания, приписываемого бывшему директору ЦРУ США Аллену Даллесу: «...Мы бросим все, что имеем: все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей! Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного и необратимого угасания его самосознания... Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства... Мы будем братья за людей с детских, юношеских лет, и главную ставку всегда будем делать НА МОЛОДЕЖЬ – станем разлагать, развращать и растлевать ее. Мы сделаем из нее циников, пошляков и космополитов...» [1]. Можно смело сказать, что более половины контента сети Интернет способствуют реализации данных положений.

Противостоит негативному информационному воздействию практически весь механизм государства, но ключевую роль здесь играют правоохранительные органы. В частности, в системе органов внутренних дел в отношении обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних действует Управление «К» МВД России. Деятельность данного подразделения прямо направлена на устранение возможных рисков нарушения информационной безопасности ребенка. Конечно, их деятельность несколько шире. Так, в сферу деятельности данного органа следует отнести: пресечение фактов создания, использования и распространения вредоносного программного обеспечения, неправомерного доступа к компьютерной информации, незаконного оборота радиоэлектронных и специальных технических средств, а также нарушения авторских и смежных прав в сфере информационных технологий.

Как показало интервьюирование сотрудников Управления «К» ГУ МВД России по Алтайскому краю, имеющееся законодательство оставляет множество лазеек для подобных преступных посягательств, а уровень взаимодействия между правоохранительными органами, возможность выявления виновных лиц и привлечения их к ответственности минимальна. Так, до сих пор нет практически применимой официальной позиции относительно разделения порнографии и искусства, обращение в Роскомнадзор РФ позволяет блокировать только ресурсы, отнесенные к средствам массовой информации, а большинство форумов и блогов таковыми не являются. Даже в случае блокировки через несколько дней информация физически появится на украинских, польских, ирландских серверах, что сделает невозможным оперативное ее изъятие. Если же виновных лиц выявляют и вину доказывают (а латентность здесь – 98-99%), наказание смехотворно.

Следует отметить, что деятельность по пресечению таких преступлений, как распространение порнографической продукции с участием несовершеннолетних, является одним из приоритетных направлений в деятельности Управления «К» МВД России. Пик совершения таких преступлений на территории Алтайского края пришелся на второе полугодие 2013 г. и начало 2014 г. Так, в июне 2013 г. житель Подмосковья познакомился в интернете через социальную сеть с 15-летней девочкой из г. Заринска. Их общение продолжалось с июня по ноябрь 2013 г. За денежное вознаграждение 45-летний мужчина уговорил собеседницу переслать цифровые фо-

тографии порнографического содержания, а затем, угрожая, принудил сделать фотосъемку через скайп. После того как мужчина распространил откровенные изображения девочки в социальной сети, она попыталась покончить жизнь самоубийством. К расследованию были привлечены сотрудники управления «К» ГУ МВД России по Алтайскому краю. Им удалось установить личность мужчины, из Московской области его доставили в Заринск, после чего заключили под стражу. Следствием была проделана значительная работа по сбору и закреплению доказательственной базы. Кроме того, в ходе расследования выяснилось, что мужчина вымогал порнофотографии у несовершеннолетних девушек и из других регионов.

В октябре 2014 г. в соответствии с решением суда житель г. Бийска Алтайского края признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 242¹ УК РФ «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних». Полицейские установили, что его клиенты находились в г. Тюмени, Туле, Иркутске, Якутске, на Сахалине, в Мурманской и Орловской областях. Деньги за незаконную реализацию материалов он получал через интернет. Для контроля за своими доходами злоумышленник завел своеобразную «амбарную» книгу, которая содержала сотни записей о контактах заказчиков, а также о тематике заказанных материалов.

Поэтому мы считаем необходимым не только ужесточение ответственности за подобные деяния, но и введение уголовной ответственности по примеру США, Германии, Италии и других стран за хранение детской порнографии, информации фашистского толка и иных средств и результатов наиболее тяжких посягательств на информационную безопасность несовершеннолетних детей.

Также необходимо проводить профилактическую работу среди родителей, разъяснять им меры охраны, защиты и порядок действий при обнаружении посягательства на информационную безопасность детей. Уже привычно, что, не желая заниматься с детьми, родители оставляют в качестве «воспитателя» компьютер или телевизор. А когда обнаруживают «страшные» фото и видео, переписку своих чад, сами начинают угрожать правонарушителям, в гневе стирают переписку и прочее, что делает невозможным последующее проведение оперативно-разыскных мероприятий, доказывание вины виновных лиц.

Говоря о реализации политики в сфере информационной безопасности, необходимо отметить взаимодействие Управления «К» и органов УОДУУП и ПДН ГУ МВД России по Алтайскому краю. Так, в целях предупреждения правонарушений в отношении несовершеннолетних в сети, а также своевременного выявления, устранения причин и условий, способствующих их совершению, подразделения УОДУУП и ПДН ГУ МВД России по Алтайскому краю анализируют состояние правонарушений в отношении несовершеннолетних на своей территории обслуживания, используя данные, предоставляемые Управлением «К» ГУ МВД России по Алтайскому краю, изучают публикации средств массовой информации, заявления граждан, а также другие материалы, содержащие информацию, которая необходима для организации работы по предупреждению правонарушений в отношении несовершеннолетних. Сотрудники УОДУУП ПДН ГУ МВД России по Алтайскому краю наравне с сотрудниками управления «К» ГУ МВД России по Алтайскому краю ведут профилактическую работу с родителями несовершеннолетних, объясняют подросткам о вреде пагубной информации, содержащейся в средствах массовой информации, пагубном влиянии на психику подростка, о том, что необходимо избегать такой информации и сообщать правоохранительным органам о ее наличии в сети [4].

Значимую функцию выполняют органы прокуратуры и Следственного комитета РФ, т.к. именно они осуществляют процедуру привлечения к ответственности лиц, ответственных за распространение неблагоприятной информации. Однако на сегодняшний день большинство преступлений пресекается после причинения значительного ущерба, и основное направление здесь – создание эффективной системы профилактики.

Учитывая вышесказанное, мы разработали ряд рекомендаций:

1) необходимо создать на уровне каждого субъекта РФ ресурс «Безопасное детство», где можно было бы оставлять жалобы на ресурсы, деструктивные, по мнению жителей региона. Информация после проверки могла бы направляться интернет-провайдером и в Роскомнадзор РФ;

2) следует более активно формировать досуг несовершеннолетних. Выделять муниципальные и государственные гранты на создание информационных ресурсов патриотической и иной положительной направленности, проводить крупные инсценировки исторических со-

бытий с участием обучающихся в общеобразовательных учебных заведениях и вузах;

3) повысить уровень осведомленности населения об информационных угрозах (несовершеннолетних детей, их родителей, педагогов, воспитателей, профессионального журналистского сообщества и интернет-сообщества); создавать и внедрять программы по обучению детей и подростков правилам безопасного поведения в интернет-пространстве;

4) проводить профилактику интернет-зависимости. Создавать правовые механизмы по блокированию информационных каналов, через которые могут проникать элементы криминальной психологии, культа насилия, других открытых антиобщественных тенденций;

5) ввести систему мониторинговых исследований по вопросам обеспечения безопасности образовательной среды образовательных организаций, а также по вопросам научно-методического и нормативно-правового обеспечения;

6) стимулировать родителей к использованию услуги «Родительский контроль», позволяющей устанавливать ограничения доступа к сети Интернет, который поможет защитить наших детей в киберпространстве;

7) оказывать универсальные услуги связи по передаче данных и предоставлению доступа к сети Интернет исключительно после проведения идентификации пользователей;

8) следует ввести уголовную ответственность за хранение детской порнографии для личных нужд без цели дальнейшего распространения;

9) сотрудникам правоохранительных органов следует учитывать, что при привлечении к ответственности руководителей детских учреждений само учреждение для отстаивания своего имиджа использует любые меры для сокрытия фактов нарушения информационных прав ребенка. В этой связи необходимо в каждом случае посягательств на безопасность несовершеннолетних рассматривать вопрос о привлечении руководителей образовательных организаций к юридической ответственности.

Первостепенным же для защиты наших детей является возрождение семьи на основе традиционных духовно-нравственных ценностей, признаваемых как православием, так и другими религиозными традициями. Следует заполнить культурные ниши сознания высокой оценкой себя, нации, государства, правовой культурой, патриотизмом, при высоком уровне которых ребенок самостоятельно отвергал бы негативную информацию. Именно из начального образования школьник должен понимать, какие именно ценности ему необходимы для дальнейшей благоприятной жизни, а какие негативно скажутся на его становлении как гражданина.

Литература

1. Деодар. Культура, этика и практическая психология. URL: <http://www.deodar.ru/articles/> (дата обращения: 10.11.2014).
2. Измайлова Ю.С. Информационная безопасность несовершеннолетних: сущность и выявленные проблемы. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013.
3. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ // Российская газета. 1998. 31 дек.
4. Об утверждении состава и плана работы межведомственной рабочей группы по обеспечению информационной безопасности детей, контроля за производством и оборотом информационной продукции для детей в Алтайском крае: приказ ГУ МВД по Алтайскому краю, Управления Алтайского края по печати и информации, Управления Федеральной Службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Алтайскому краю, Управления Роскомнадзора по Алтайскому краю и Республики Алтай от 15.03.2014 № 1213/103/14/65/32 (не опубликован).
5. Росстат РФ. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (дата обращения: 04.11.2014).

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «АЛТАЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

Представляемая к изданию рукопись должна:

- по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен превышать 10 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста в 1 экз. и в электронном виде, подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер – 14. Поля на странице: слева и снизу – 25 мм, сверху – 20 мм, справа – 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат – TIFF или JPEG, режим – градиент серого или битовый, разрешение – 300 dpi). Обязательно наличие подрисовочных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применения вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая библиографическая ссылка. Затекстовая библиографическая ссылка оформляется как перечень библиографических записей, помещенный после текста документа.

Ссылки на цитируемую литературу даются в тексте цифрами в квадратных скобках, здесь же указываются цитируемые страницы: [1, с. 15; 2, с. 45]. Сам список литературы под заголовком «Литература» приводится после основного текста в алфавитном порядке (один пункт списка – одно наименование). Оформляется он по ГОСТу Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- код универсальной десятичной классификации (УДК) (размещать перед статьей в левом верхнем углу листа);
- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты);
- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (не более 450 знаков, включая пробелы);
- ключевые слова² на русском и английском языке.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее – дата, ФИО руководителя, его подпись.

¹ **Аннотация** – краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5-15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД – это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

К статье прилагается:

- рецензия с оригинальной подписью и печатью (рецензент должен обладать ученой степенью кандидата или доктора наук, научным званием доцента или профессора);
- подписанный лицензионный договор о предоставлении права на использование материалов в двух экземплярах (договор подписывают все авторы статьи).

Идентичный вариант статьи высылается по электронной почте altvest@buimvd.ru, nauka_bui@mail.ru.

Все документы можно представить лично либо отправить одновременно в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) по адресу:

656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49,

Барнаульский юридический институт МВД России,

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел,

журнал «Алтайский юридический вестник».

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов материалы не публикуются.

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Редакция рекомендует авторам проверять рукописи на сайте antiplagiat.ru

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Воспроизведение материалов, полная или частичная перепечатка без письменного разрешения редакции преследуются по закону. Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел БЮИ МВД России.

Лицензионный договор № _____
о предоставлении права на использование материалов
(неисключительная лицензия)

г. Барнаул

«___» _____ 2015 г.

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт МВД России», именуемое в дальнейшем «Издатель», в лице начальника института Андреева Александра Александровича, действующего на основании Устава, с одной стороны, и _____, именуемый в дальнейшем «Автор», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона / Стороны», заключили настоящий договор о нижеследующем.

1. По настоящему договору Автор на безвозмездной основе обязуется предоставить Издателю неисключительные права на использование статьи

(наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов)

_____, именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.1. Автор гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Издателю Произведение.

1.2. Автор гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Издателю по настоящему Договору, является оригинальным произведением Автора.

1.3. Автор гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключенному договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2. Автор предоставляет Издателю на весь срок действия исключительных прав на Произведение:

2.1. Право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения.

2.2. Право на распространение Произведения любым способом.

2.3. Право на внесение изменений в Произведение (редакционную правку), не представляющих собой его переработку.

2.4. Право на использование метаданных (название, имя Автора, аннотации, библиографические материалы и пр.) Произведения путем распространения и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации, а также включения в различные базы данных и информационные системы.

2.5. Право на доведение до всеобщего сведения.

2.6. Право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения.

2.7. Автор также предоставляет Издателю право хранения и обработки следующих своих персональных данных без ограничения по сроку:

- фамилия, имя, отчество;
- сведения об ученой степени;
- сведения об ученом звании;
- сведения о месте работы и занимаемой должности;
- контактная информация.

Персональные данные предоставляются для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения их в аналитические и статистические отчеты, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т.п.

3. Дата подписания Договора Сторонами является моментом передачи Издателю прав, указанных в настоящем Договоре.

4. Издатель обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Автора, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

5. Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

6. Автор и Издатель несут в соответствии с действующим законодательством РФ юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

6.1. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить причиненный реальный ущерб.

7. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

8. Все споры по Договору подлежат урегулированию путем переговоров, а в случае недостижения согласия в течение 30 рабочих дней споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

9. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и действует бессрочно.

10. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

11. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

12. Реквизиты Сторон

Издатель

Автор

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

656038 г. Барнаул, ул. Чкалова, 49

ФИО

Адрес

Паспортные данные

Дата рождения

НАЧАЛЬНИК

_____ / А.А. Андреев /

м.п.

_____ / _____ /